

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Ду Сянь

Ду Сянь

**МЕЖДОМЕТИЯ И МЕЖДОМЕТНЫЕ КОМПЛЕКСЫ В
РУССКОМ ЯЗЫКЕ:**

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ И ДЕРИВАЦИЯ

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор В. И. Супрун

Волгоград – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Междометия как объект лингвистического исследования	12
1.1. История изучения междометий в лингвистике и история термина ..	12
1.1.1. История терминологии	12
1.1.2. Междометная теория глоттогенеза	18
1.1.3. Место междометий в языке.....	24
1.2. Классификация русских междометий.....	32
1.3. Междометия в первых русских словарях	40
1.4. Междометия в Словаре Академии российской	50
1.5. Заимствованные междометия в русском языке.....	61
1.5.1. Междометие <i>о</i> в русском языке и вокативный комплекс <i>о муза</i> ...	62
1.5.2. Междометия <i>увы</i> и <i>гм</i> в русском языке	71
1.5.3. Междометия, заимствованные из контактирующих языков	74
1.6. Междометные комплексы в русском языке.....	84
Выводы по главе 1	92
Глава 2. Функционирование междометий в текстах	98
2.1. Междометия в художественном тексте	98
2.2. Междометия в произведениях А. С. Пушкина	99
2.3. Междометия в пьесах А. Н. Островского.....	104
2.4. Междометия в романе А. С. Грина «Золотая цепь»	112
2.5. Междометия в диалектном тексте.....	119
2.6. Особенности перевода русских междометий на китайский язык ...	128
Выводы по главе 2	132

Глава 3. Деривационный потенциал междометий в русском языке	135
3.1. Глаголы междометного происхождения в русском языке	135
3.2. Вторичная деривация существительных от глаголов междометного происхождения.....	144
3.3. Этнокультурные характеристики русских междометий на фоне китайских	147
Выводы по главе 3	151
Заключение.....	153
Список литературы	162
Список словарей.....	180
Список источников.....	185
Приложение. Русско-китайский и китайско-русский словари междометий	188

ВВЕДЕНИЕ

В современном русском языке междометия регулярно используются в коммуникации, что обуславливает необходимость разноаспектного изучения данных единиц. Междометия являются одним из средств реализации эмоциональной функции языка, которая выражается с помощью интеръективных единиц различного строения и происхождения. Для достижения коммуникативной цели носитель языка при использовании междометий должен учитывать особенности менталитета, культуры и жизненного уклада целевой аудитории.

Особое место в языке занимают междометные комплексы, прежде всего в сочетании с местоимением 2-го лица, которые не получили монографического описания и подробного анализа. Они используются в тех же целях, что и единичные междометия, однако благодаря лексическим добавкам комплекс получает семантико-коннотативные приращения.

Ранее исследованию подвергались междометия, функционирующие в русском литературном языке, были выявлены их основные функции и проанализирован их фонетико-интонационный состав. Однако комплексных исследований русских междометий и междометных комплексов на фоне китайского языка не проводилось.

Изучение русских междометий на фоне китайской лингвокультуры представляется **актуальным**, так как междометия широко используются в различных коммуникативных ситуациях, имеют диффузную семантику, постоянно пополняются новыми единицами за счёт собственных средств языка (вторичные междометия) и заимствованных единиц. Междометия обладают текстообразующей функцией, с их помощью передаются переживания героев художественных произведений и их реакции на события окружающего мира. В интеръективных единицах отражается специфика лингвокультуры народа, что создаёт трудности для принятия переводческих решений.

Степень разработанности вопроса. Междометиям, их месту в системе языка, семантике, грамматике и стилистике посвящено значительное количество научных трудов разного уровня (Е. А. Бахмутова, В. А. Богородицкий, Е. Д. Бодур, А. Вежбицкая, В. В. Виноградов, А. Х. Востоков, А. И. Германович, Н. Р. Добрушина, О. Есперсен, И. Н. Кручинина, Е. Ю. Кустова, М. В. Ломоносов, М. В. Панов, А. А. Потебня, А. А. Реформатский, О. А. Рыжкина, Н. И. Рябкова, Е. В. Середа, И. А. Стернин, О. П. Суник, В. И. Супрун, Е. А. Фивейская, Ф. Ф. Фортунатов, Ю. А. Цофина, И. А. Шалунова, И. А. Шаронов, А. А. Шахматов, В. В. Шигуров, Т. М. Шкапенко, Л. В. Щерба, P. Kockelman, P. Schachter, 徐来娣, 王旋 и др.). Между тем функционирование междометий в текстах различной дискурсивной направленности и выявление особенностей их этнолингвистических характеристик практически не исследовано. Отсутствуют работы, в которых осуществляется описание междометий на фоне другого языка, в т. ч. китайского.

Объектом исследования являются междометия и междометные комплексы русского языка, зафиксированные в словарях и текстах различного содержания и дискурсивной направленности.

Предметом исследования стало выявление семантико-коннотативных характеристик междометий и междометных комплексов в русском языке, их способов образования и деривационной активности междометий.

Материалом исследования послужили более 6000 словоупотреблений междометий и междометных комплексов в словарях и текстах, а также 2250 словоупотреблений отмеждометных дериватов.

Цель исследования – выявление, описание и классификация процессов интеръективации и отмеждометной деривации в русском языке. определение роли междометий и междометных комплексов в текстообразовании, а также возникающих транслятологических проблем.

Для достижения поставленной цели ставились следующие **задачи**:

– описать историю исследования междометной лексики в русском языке, становление терминологии и определения места междометий в системе языка;

- установить объём и состав междометной лексики в русском литературном языке и народных говорах;
- провести лингвостилистический анализ использования междометий в текстах русской художественной литературы и произведениях русского фольклора;
- выявить и описать деривационный потенциал междометий в русском языке;
- зафиксировать и описать глаголы и существительные междометного происхождения в русском языке;
- выявить и описать транслятологические проблемы при переводе русских междометий на китайский язык.

Гипотеза. Междометия в лексическом фонде русского языка занимают особое место, обладая диффузной семантикой, нулевыми морфологическими свойствами, синтаксической изолированностью и отражая национально-культурную специфику языка, которая наиболее ярко проявляется на фоне другого (в нашем исследовании – китайского) языка.

Методология и методы исследования. Методологическим основанием диссертации стали положения о связи языка и мышления, о соотношении теоретического и эмпирического познания языковой реальности, о синхронии и диахронии в языке, о внешней и внутренней лингвистике и пр. Основным методом исследования является описательный, представленный приёмами классификации, количественных подсчётов и др. Используются также элементы сопоставительного метода для определения специфики образования и функционирования междометия в разноструктурных русском и китайском языках.

Научная новизна исследования заключается в выявлении и описании этнолингвистических особенностей русских междометий, детальном исследовании междометных комплексов. Впервые дан многосторонний анализ первичных и вторичных междометий с точки зрения их происхождения и функционирования в русском языке как в текстах русской художественной

литературы, так и в народной речи. Впервые русские междометия описываются на фоне китайского языка, что показывает их этнолингвокультурную специфику и открывает возможности для принятия транслятологических решений при переводе произведений русской литературы на китайский язык.

Теоретическая значимость исследования состоит в его вкладе в изучение функционирования междометий и междометных комплексов в русском языке, в исследование роли междометий в межкультурной коммуникации и в определение этнолингвистических особенностей русских междометий на фоне китайского языка.

Практическая ценность работы заключается в возможности использования результатов исследования в ходе преподавания курсов по лексикологии, словообразованию, стилистике русского языка, спецкурсов по семантике языковых единиц, а также в процессе профессиональной подготовки будущих филологов, в т. ч. китайских студентов-русистов.

Достоверность результатов исследования подтверждается значительным объёмом корпуса рассмотренных единиц (более 8 тыс. контекстов), а также применением адекватных методов и приёмов анализа междометий и междометных комплексов в русском языке.

Положения, выносимые на защиту:

1. Термин *междометие* впервые появился в русской лингвистической терминологии в грамматике Мелетия Смотрицкого (1619). Он является калькой латинского термина *interiectio*. Предположение некоторых исследователей, что первичным был конфиксальный термин *междуметие*, ошибочно, его использовал М. В. Ломоносов в «Российской грамматике» (1755), однако этот вариант в дальнейшем не был принят. Термин *междометие* нами определён как псевдокомполит. В русской научной лингвистической литературе встречается также заимствованный из латыни термин *интеръекция*, от него образованы термины *интеръективация*, *интеръективизация*, *интеръективный* и др.

2. Междометие является нерасчлененным выражением имеющегося душевного состояния человека (А. Вежбицкая), способно отражать эмоции и аксиологические интенции коммуниканта. Оно лишено морфологической парадигмы, синтаксически выступает в качестве самостоятельного предложения или изолированной части сложного предложения. С начала существования лексикографии в России междометие включалось в словари в качестве самостоятельной лексической единицы. Мы придерживаемся точки зрения, что в языке не может быть асемантических единиц (В. И. Супрун), и рассматриваем междометие как компонент фонетической, лексико-семантической и грамматической системы языка, при этом не относящийся ни к знаменательным, ни к служебным частям речи.

3. По происхождению междометия делятся на первичные и вторичные. Первичные не соотносятся с другими частями речи, они чаще всего являются односложными, реже – двусложными, при этом в коммуникации односложные могут удваиваться и утраиваться. Их фонетический состав включает все гласные русского языка, но ограничен набором консонантов: й, х, ф, г, н, б, реже другие. Фонд первичных междометий в языках отличается замкнутостью. Первичные междометия с местоимениями второго лица образуют междометные комплексы, в которых местоимение десемантизируется, а сам комплекс получает усиление семантики. Вторичные междометия соотносятся со знаменательными частями речи и словосочетаниями, которые теряют исходную семантику и употребляются в междометной функции. Междометия по своим семантическим показателям разделяются на несколько основных групп: эмоциональные, волеизъявительные, этикетные, бранные.

4. Будучи частью лексического состава языка, междометия активно вступают в деривацию, образуя единицы других частей речи. Отмеждометные глаголы образуются с помощью суффикса -а- (*ахать*, *охать* и др.), а при образовании слов от междометий, заканчивающихся на гласный или -j-, перед ним ставится интерфикс -к- (*ойкать*, *хихикать* и др.). Префиксальный способ

образования глаголов отмеждоментного происхождения вносит семантические приращения в дериваты. От вторичных междометий по существующим деривационным моделям образуются потенциальные и окказиональные глаголы. Существительные образуются от глаголов междоментного происхождения с помощью суффикса -ниj(e)/-ньj(e). Частотность дериватов с суффиксом -ньj(e) значительно выше соответствующих книжных единиц с суффиксом -ниj(e). Отмечается также внутрimeждоментная деривация: присоединяясь к междометию, уменьшительно-ласкательные суффиксы усиливают эмоциональную составляющую его семантики.

5. Сопоставительный анализ русской и китайской интеръективной лексики показывает, что первообразные междометия в русском и китайском языках имеют общие закономерности образования и функционирования: простую фонетическую структуру, отражение многообразия эмоционального состояния человека и возможности использования в различных коммуникативных ситуациях. Это подчёркивает внесистемный характер междометий, их зависимость от физиологических произвольных возгласов. Особенностью китайской орфографии является использование на письме в иероглифе структурного элемента 口 'рот'. Обнаруживается сходство русских и китайских междометий в использовании повторов: рус. *ай-ай-ай* – кит. 哎呀呀 [āi yā yā]. При этом семантика интеръективных единиц может существенно различаться. Вторичные междометия в обоих языках имеют сходство в образовании и функционировании: они возникают путём интеръективации знаменательных слов, которые утрачивают свою семантику и становятся выразителями эмоций. При всей специфике лингвокультур русского и китайского народов перевод вторичных междометий может быть осуществлён со значительной степенью точности. Перевод первичных междометий требует тщательного учёта эмоциональной составляющей слов, их соответствия описываемой коммуникативной ситуации.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования были представлены в форме докладов на следующих научных конференциях: VI

Всероссийский конкурс научно-исследовательских работ студентов «Наука онлайн!» (Волгоград, 2022), XX городской с международным участием фестиваль славянских языков, посвященной деятельности святых равноапостольных Кирилла и Мефодия в Земле Русской «Праздник славянской письменности и культуры» (Волгоград, 2022), XXXIV Волгоградские областные краеведческие чтения (с международным участием), посвящённые 80-летию Победы в Сталинградской битве (Волгоград, 2023), Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Интеграция результатов психолого-педагогических и предметно-методических исследований как фактор развития практик общего образования» (Волгоград, 2023), Всероссийская студенческая научная конференция с международным участием «Молодёжь за русский язык» (площадка Всероссийского студенческого форума педагогических вузов – 2023) (Волгоград, 2023), Всероссийская студенческая научная с международным участием конференция «Русский язык – язык Победы» (Волгоград, 2024), научная конференция студентов и аспирантов с международным участием «Славянские филологические школы» (Волгоград, 2024), II Всероссийская научно-практическая конференция «Традиции и инновации в методике преподавания гуманитарных дисциплин» (Арзамас, 2024), XXXVI Волгоградские областные краеведческие чтения (с международным участием), посвящённые 80-летию Победы в великой отечественной войне (Волгоград, 2025).

Содержание работы раскрыто в 12 научных публикациях общим объемом 5,4 п. л. (всего 86 страниц), из них 4 статьи в изданиях, включенных в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Минобрнауки России, и 8 публикаций в сборниках материалов конференций и изданиях, включенных в базу РИНЦ. Основные положения исследования обсуждались на кафедре русского языка и методики его преподавания Волгоградского государственного социально-педагогического университета.

Структура и объём работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, трех списков (литературы, словарей, источников), приложения. Общий объём работы – 211 с.

Глава 1. Междометия как объект лингвистического исследования

1.1. История изучения междометий в лингвистике и история термина

1.1.1. История терминологии

Учение о частях речи в окончательном виде было сформулировано представителем Александрийской грамматической школы Дионисием Фракийским (Διονύσιος ὁ Θραῦξ, 170-90 гг. до н. э.), который в своей книге «Τέχνη Γραμματική (Искусство грамматики)» выделил: имя (ὄνομα), глагол (ῥῆμα), причастие (μετοχή), артикль (ἄρθρον), местоимение (ἀντωνυμία), предлог (πρόθεσις), наречие (ἐπίρρημα) и союз (σύνδεσμος) [Bekker, 1816, p. 634] (см. также: [Лукин, 2012, с. 164]). Немного в ином порядке перечисляет классы слов его предшественник Аристарх Самофракийский (Ἀρίσταρχος ὁ Σαμόθραξ, 216–144 гг. до н. э.) в своём трактате «О восьми частях речи» (III в. до н. э.): 1) ὄνομα – имя, 2) ῥημα – глагол, 3) μετοχή – причастие, 4) ἐπίρρημα – наречие, 5) ἀντωνυμία – местоимение, 6) πρόθεσις – предлог, 7) σύνδεσμος – союз, 8) ἄρθρον – член, артикль [Schironi, 2018, p. 185]. На формирование славянской грамматической терминологии оказал влияние александрийский грамматик II в. н. э. Аполлоний Дискол (Ἀπολλώνιος ὁ Δύσκολος) [Никольский, 1995, с. 6], однако в его работах, как и у предшественников, отсутствовало междометие.

Римские грамматисты опирались в своих трудах на древнегреческих предшественников, но в латыни отсутствовал артикль. Чтобы сохранить классическое количество восьми частей речи, они включили в их состав междометие, придумав для него термин *interiectio*, образованный из приставки-предлога *inter* ‘между’ и основы *iectio* ‘бросание, кидание, метание’ (в классической латыни *jactare* ‘бросать, метать’ [ЛРС, с. 346]). Грамматист IV века Элий Донат (*Aelius Donatus*, около 320 – около 380 гг.) попытался в своей «Малой грамматике» дать определение этой части речи: «В чём состоит

значение междометия? В том, что мы выражаем [с его помощью] или радость, например, евах, или скорбь, например, heu, или удивление, например, рарае, или страх, например, attat, и прочее подобное» [Донат, 2003, с. 139].

Западнорусский писатель, филолог, церковный и общественный деятель Мелетий (Максим Герасимович) Смотрицкий (1577–1633), автор грамматики церковнославянского языка, перевёл по частям, калькировал латинский термин, однако образовал слово не вполне закономерно. В латыни от глагольной основы образуются существительные с суффиксом -іо-, которым в русском и церковнославянском языках соответствуют единицы, образованные от страдательных причастий прошедшего времени с помощью суффикса *ію; в русском языке он преобразовывался с -ье, а в церковнославянском с напряжённым ерем в -ие (эти формы были заимствованы русским языком): resectio – отсечение, contractio – стягивание, infectio – заражение, injectio – вбрасывание, sectio – разрезание, рассекание и др. В некоторых случаях им соответствовали существительные, образованные обратной деривацией: selectio – отбор. Следовательно, закономерная калька латинского термина interiectio должна была выглядеть *междуметание, *междубросание, *междукидание. Мелетий же как бы восстановил исходное существительное МЕЖДА ‘межа, граница’, ставшее в церковнославянском языке предлогом МЕЖДУ, от глагола МЕТАТИ образовал окказиональное существительное *МЕТА и создал композит с помощью интерфикса *o*, добавив суффикс *-ie* по образцу конфиксальных слов церковнославянского языка МЕЖДОУМЪРИЮ, МЕЖДОУРАМИЮ, МЕЖДОУРЪЧИЮ [СтС, с. 325].

Новый термин он поставил последним при перечислении частей речи (*частий слова*), отметил междометие среди слов, не имеющих словоизменения, и дал подробное определение этой части речи: «Междометие есть часть слова нескланяемая, содержащая в себе словеса, смысла страсть изъясляющая и между прочая слова части вметаемая» [Смотрицкий, 1619]. Однако через 39 лет в переизданной в Москве грамматике Мелетия

Смотрицкого этот термин исключается из перечня частей речи, вместо него вносится *различие*, под которым понимается словоизменение имён.

Этот термин впервые использовал западнорусский языковед, педагог и церковный деятель Лаврентий Иванович Зизаний-Тустановский (Куколь, около 1570–1634) в изданной 23 годами ранее своей ориентированной на греческие образцы грамматике (1596). Он вслед за греками выделяет ИМА, МЪСТОИМА, ГЛАГОЛЬ, ПРИЧАСТІЕ, ПРЕДЛОГЪ, НАРЪЧІЕ, СЪЮЗЪ. Чтобы соблюсти установленные греками восемь частей речи (*видов / частей слова*) Зизаний вводит *различие*, под которым понимает «часть слова скланяема, подчиняема скланяемым именам»: род, число, падеж [Зизаний, 1596, с. SI (16)].

Лаврентий Иванович был знаком с латинскими грамматиками, однако включение ими в состав частей речи междометия не поддержал, возможно, из-за своего отрицательного отношения к католицизму, в котором латинский язык был языком богослужения. В 1627 году он опубликовал книгу «Беседословие (Катихисис)», направленную против католиков и протестантов [Корзо, 2007; Флоря, 2012]. В духе своего времени Зизаний создаёт новые термины: «Книга гл<агол>емая по-гречески катихисис, по-литовски оглашение, русским же языкомъ нарицаемая бесѣдословие» [Зизаний, 1627, л. Д(4)]. Под литовским языком он имеет в виду белорусский. Впрочем, оба термина *оглашение* и *беседословие* созданы по церковнославянскому образцу.

В московском издании грамматики Мелетия Смотрицкого его имя не упоминается, поскольку он в июне 1627 года официально перешёл в унию, 17/27 декабря 1733 года «умре в таком зломудрии своем» [Малоизвестные, 1951, с. 249]. Изменения в ней приписываются Максиму Греку, который, возможно, и включил в книгу материал из грамматики Лаврентия Зизания, а ведущие справщики Московского печатного двора Михаил Рогов и Иван Наседка внесли эти изменения в текст [Самарин, 2017, с. 111].

В 1721 году Фёдор Поликарпович Поликарпов-Орлов (около 1670–1731) переиздал грамматику Мелетия Смотрицкого уже с упоминанием автора; видимо, к этому времени его отступление от православия забылось, да и в петровские времена не так ревностно следили за религиозными взглядами авторов. В этой грамматике Ф. Поликарпова можно рассматривать как соавтора, в чём он и признаётся: «негли же отчасти при помощи Божией и наших <трудов>». Некоторые разделы в грамматике были им переработаны, а в конце книги включен написанный им «Чин технологии, сиречь художнаго собеседования о осми частех слова по вопросам и ответам». Ф. Поликарпов повторяет с небольшими изменениями Мелетиево определение этой части речи: «Междометие есть часть слова нескланяемая, содержащая в себе словеса, смысла страсть изъясляющая и между прочими слова части вметаемая» (дефиниция повторяется в тексте дважды: [Смотрицкий, Поликарпов, 1721, л. РЧГ (193), СПВ (282)]. Повторяется также за Мелетием описание грамматики междометий [Там же, л. СЛЕ (235)]. Автор задаётся вопросом, во всех ли языках имеются междометия, и отвечает: «У евреев и латин междометие особая часть слова определяется. Еже и к нам от них привниде. А у греков оное в наречие заключается, осмую у них часть, арфру наполняющу» (греч. ἄρθρον ‘артиклъ’) [Там же, л. СПВоб. (282об.)].

Через два года в Санкт-Петербурге была издана грамматика преподавателя Новгородской греко-славянской школы иподьякона Фёдора Максимова, в которой междометия включены в состав восьми частей речи (*частей слова*). Наречие в книге названо *наглаголием*. Даётся краткое определение междометий: «Междометие между частей иных вметаемо, еже различны души страсти показывают» [Максимов, 1723, с. 89–90]. Бросается в глаза настойчивое стремление грамматистов пояснить этимологию термина путём использования причастия *вметаемый*. Автор основательно переработал грамматику Мелетия Смотрицкого в её последнем издании. Вряд ли можно согласиться с предположением К. С. Десяткова о том, что М. Фёдоров пользовался грамматикой Лаврентия Зизания и грамматикой Мелетия

Смотрицкого 1648 года издания [Десятков, 2020, с. 3]. В них междометия, как мы указывали выше, отсутствуют. Автор новой грамматики даёт подробное перечисление семантики междометий: *чудащееся, удивляющееся, похваляющее, поношающее, плачущее* и пр. [Максимов, 1723, с. Ч- ЧА (90–91)].

В Интернете бродит информация о том, что в грамматике Мелетия Смотрицкого употреблён термин *междуметие*, она проникает и в некоторые публикации [Рябкова, 2015; Исянгулова, 2015]. Намёк на это сделан в словаре Н. М. Шанского (с соавторами): «первоначально в виде междуметие» [ШКЭС, с. 261]; в новом словаре указано: «исходное междуметие» [ШБЭС, с. 183]. Однако этот вариант термина появился только в «Российской грамматике» М. В. Ломоносова в 1755 году [Ломоносов, 1755, с. 24, 184]. Учёный предложил более точную деривационную форму конфиксального словопроизводства, но оставил окказиональный корень *-мет-*. А. А. Реформатский отмечает, что этот термин соответствовал латинскому оригиналу [Реформатский, 2000, с. 143]. Однако данный вариант слова в дальнейшем не был принят, в последующих грамматиках вплоть до наших дней используется термин Мелетия Смотрицкого *междометие*.

Этот термин нами определён как псевдокомполит, поскольку его вторая часть не является самостоятельной единицей, она искусственно создана Мелетием Смотрицким, а первая также в современном русском языке в составе сложных слов не используется, вместо неё употребляется приставка *между-* в префиксальных дериватах, включая слова недавнего происхождения (*междусобойчик* [БТС, с. 530]).

Латинский термин *interiectio* был заимствован практически всеми европейскими и сопряжёнными с ними языками: англ. *interjection*, фр. *interjection*, ит. *interiezione*, испан. *interjección*, каталан. *interjecció*, галис. *interxección*, порт. *interjeição*, рум. *interjecție*, нем. *Interjektion*, люксемб. *Interjektion*, норв. *interjeksjon*, швед. *interjektion*, африкаанс *interjeksie* и др.

Этот термин был заимствован некоторыми славянскими языками: серб. интерјекција, хорв., босн. interjekcija, макед. интерјекција. Проник он и в языки иных языковых семей: груз. *ობტერჟექციას* [int'erzhektsia], монг. интержекц и др. Однако в языках с более или менее выраженными пуристическими традициями для обозначения данного лингвистического явления используются термины собственного происхождения: нем. *Empfindungswort*, *Ausrufewort*, нидерл. *tussenwerpsel*, дат. *tilråb*, фин. *välihuomautus*, эстон. *hüüdsõna* и др. В некоторых славянских лингвистических терминологиях используются термины метафорического происхождения: польск. *wykrzyknik*, укр. вигук, белор. выклічнік, чеш. *citoslovce*. В болгарской лингвистике употребляется конфиксальный дериват *междуметие*, знакомый нам по трудам М. В. Ломоносова.

К концу XIX века латинская грамматическая система была воспринята практически всеми грамматиками языков мира, она проникла даже в Китай, где появились грамматики китайского языка на её основе, в которые был включён термин 感叹词 [gǎntàn cí], состоящий из иероглифов со значением 'чувство', 'вздыхать', 'говорить'.

В русской научной лингвистической терминологии иногда встречается термин *интеръекция*, он включён в орфографический и орфоэпический словари, хотя, разумеется, значительно уступает в частоте использования термину *междометие*. У А. А. Потебни встречается прилагательное *интеръекционный* [Потебня, 1989, с. 93]. Переход слов разных частей речи в междометия обозначается термином *интеръективация*. Проблемам перехода различных частей речи в междометия посвящена монография В. В. Шигурова, в которой активно используется этот термин, а также словосочетание *интеръективная транспозиция* [Шигуров, 2009]. Это явление обозначается также термином *интеръективизация* [Кустова, 2020, с. 5, 26, 27; Ду Сянь, 2021]. Отмечен также термин *междометизация* [Кустова, 2020, с. 6, 25], однако широкого распространения он не получил.

Итак, с 1619 года в русской лингвистической терминологии используется термин *междометие*, созданный Мелетием Смотрицким как калька латинского *interiectio*. В 1755 году М. В. Ломоносов предложил конфиксальный вариант термина *междуметие*, он в дальнейшем не был принят, однако получил распространение в болгарской терминологии. В русской терминологии используется также заимствованный из латыни (не без влияния современных европейских языков) термин *интеръекция* и его дериваты, но он встречается только в специальных научных статьях, в педагогическую практику не проник.

1.1.2. Междометная теория глоттогенеза

Интерес к междометиям проявили учёные, занимающиеся историей возникновения человеческого языка. Появилась так называемая *междометная* теория происхождения языка, предполагающая, что из нечленораздельных рефлекторных выкриков и эмоциональных подражаний звукам природы появились слова и язык в целом. Её начала отмечены ещё во взглядах древнегреческого философа Эпикура (Ἐπίκουρος, 341–270 гг. до н. э.), в которых исследователи обнаруживают представление о наличии примитивной стадии нечленораздельные звуков, имевших экспрессивный характер, и жестов, которые применялись для коммуникации [Верлинский, 2008, с. 9], при этом «уже первые экспрессивные сочетания звуков были соотнесены с определёнными предметами и были до известной степени артикулированы» [Там же, с. 30].

Но как самостоятельное учение междометная теория глоттогенеза была сформулирована в XVIII–XIX веках. Многие философы того времени пытались объяснить возникновение первых слов языка из ономапии и междометий. Итальянский философ Джамбаттиста Вико (Giambattista Vico; 1668–1744) видел в именах богов и нарицательных словах подражание звукам природы: «По шуму грома латиняне первоначально называли Юпитера Jous;

греки по свисту молнии называли его Ζεῦς; по звуку, который производит огонь, когда он сжигает, восточные люди должны были называть его Ur, – отсюда Урим, “сила огня”; то же самое происхождение должно было у греков породить название οὐρανός – “небо”, а у латинян глагол igo – “жечь” <...>» [Вико, 1940, с. 171]. Он пытался объяснить происхождение слов из междометий: «Поэтому не невероятно, что когда от первых молний в людях начало пробуждаться удивление, тогда же зародилось и первое междометие, относящееся к Юпитеру и образованное как слово “ра”. Это междометие, имеющее значение “удивление”, впоследствии сохранилось с удвоением “рара”, откуда позже родилось прозвище для Юпитера “Pater” – “Отец” – людей и богов. Так все боги стали называться Отцами, а все богини – Матерями» [Вико, 1940, с. 172]. См. также: [Вико, 2018, с. 261–262].

Швейцарско-французский философ и писатель Жан-Жак Руссо (Jean-Jacques Rousseau; 1712–1778) объяснял происхождение языка эмоциями, которые воплотились в междометиях, ставших основой первых слов человека: «Все страсти сближают людей, тогда как необходимость сохранения жизни вынуждает их избегать друг друга. Не голод, не жажда, а любовь, ненависть, жалость и гнев исторгли у них первые звуки. <...> Но чтобы взволновать юное сердце, чтобы остановить несправедливо нападающего, природа диктует человеку звуки, крики, жалобы. Это самые древние из слов, и вот почему первые языки были напевными и страстными, прежде чем стали простыми и рассудочными» [Руссо, 1961, с. 226].

Немецкий философ, писатель, теоретик движения «Буря и натиск» Иоганн Готфрид Гердер (Johann Gottfried Herder, 1744–1803) писал в «Трактате о происхождении языка»: «В самом деле, чем был первоначальный язык, как не собранием элементов поэзии? Он был подражанием звучащей, действующей, двигающейся природе! Он был составлен из восклицаний всех существ и оживлён междометиями, рождёнными из чувств человека!» [Гердер, 2007, с. 148; Herder, 1772].

В бурную заочную полемику с ним (к тому времени И. Г. Гердер уже давно скончался) вступил немецкий санскритолог, профессор Гёттингенского университета Теодор Бенфей (1809–1881), который в своей «Истории языкознания» (1869) называл теорию Гердера «недоказуемой гипотезой» и восклицал: «Как мало он ясно осознает огромную пропасть (Kluft), которая лежит между междометием (Interjektion) и словом, пропасть, которая настолько велика, что можно почти сказать: междометие – это отрицание (die Negation) языка; ибо на самом деле междометия используются только там, где человек либо не может говорить, либо не хочет говорить» [Benfey, 1869, S. 295].

Много внимания месту междометий в языке и их участию в создании человеческого языка уделял выдающийся филолог Александр Афанасьевич Потебня (1835–1891). В своей работе «Слово и миф» он неоднократно обращается к проблемам глоттогенеза, отмечает роль ономотопеи в возникновении языка: «Первые слова были звукоподражательные» [Потебня, 1989, с. 20]. Определяя смысловую роль интонации (в терминологии А. А. Потебни – *тона*) в словах, учёный добавляет: «Совсем наоборот в междометии: оно членораздельно, но это его свойство постоянно представляется нам чем-то второстепенным. <...> По тону язык междометий, подобно мимике, без которой междометие в отличие от слова во многих случаях вовсе не может обойтись, есть единственный язык, понятный всем» [Потебня, 1989, с. 89].

Анализируя использование междометий в составе предложения, когда единица становится «названием междометия, а не междометием», А. А. Потебня пишет: «Междометие уничтожается обращённой на него мыслью, подобно тому как чувство разрушается самонаблюдением, которое необходимо прибавляет нечто новое к тому, чем занято было сознание во время самого чувства». Исследователь подчёркивает особое восприятие междометия коммуникантами: «Непонятность междометия – в том, что оно

совсем не заметно сознанию субъекта. <...> произнесённое другим восклицание усваивается нами не как междометие, то есть непосредственное выражение чувства, а как знак, указывающий на присутствие чувства в другом, то к сказанному, что междометие не понятно для самого субъекта, нужно будет прибавить, что оно и ни для кого не понятно. Не должно казаться странным, что междометие, будучи рефлексией волнения души и возвращаясь в неё как впечатление звука, остаётся ей незаметным <...>» [Потебня, 1989, с. 91]. Вычленив междометие из лексики, А. А. Потебня определяет: «Непонятность междометия можно иначе выразить так: оно не имеет значения в том смысле, в каком имеет его слово» [Потебня, 1989, с. 91–92]. Далее он продолжает: «Отсюда выводим, что напряжённость чувства, владеющего человеком, который произносит междометие, должна уменьшаться при переходе междометия в слово» [Потебня, 1989, с. 93]. Язык возникает из междометий: «Человеческий произвол застаёт звук уже готовым; слова должны были образоваться из междометий (ср. Humboldt W. Gesammelte Werke. В. 6. S. 209), потому что только в них человек мог найти членораздельный звук» [Потебня, 1989, с. 93]. Учёный приводит пример возникновения в детском языке слова *вава* из междометия: «Чтобы образовать слово из междометия *вава*, ребёнок должен заметить, что мать, положим, услышавши этот звук, спешит удалить предмет, причиняющий боль» [Потебня, 1989, с. 97].

Намёк на то, что междометия предшествовали возникновению человеческого языка содержится в учебнике «Введение в языкознание» известного русского санскритолога, профессора Юрьевского университета Дмитрия Николаевича Кудрявского (1867–1920). Он пишет в параграфе «Определение человеческого языка»: «<...> в человеческой речи междометия не представляют ничего существенного и могут быть рассматриваемы как остатки того состояния, когда и человек издавал только нечленораздельные восклицания» [Кудрявский, 1912, с. 17]. Учёный посвятил междометиям отдельный параграф «Междометие и слово», в котором делает вывод: «Итак,

слово отличается от междометия: 1) условностью связи между звуком и значением; 2) значительной определенностью значения; 3) способностью к изменению как в звуковой форме, так и в значении и 4) преобладанием анализирующего ума над чувством» [Кудрявский, 1912, с. 17]. Анализ лингвистического наследия Д. Н. Кудрявского посвятил статью профессор О. В. Никитин [Никитин, 2017].

Кажется, последним серьёзным лингвистом в русском языкознании, кто поддержал междометную теорию в её интерпретации Вильгельмом Вундтом (1832–1920), хотя и с оговорками, был профессор Московского университета и Высших женских курсов в Москве Виктор Карлович Поржезинский (1870–1929), который в своём учебнике «Введение в языковедение» подобно рассматривает «наиболее продуманную и цельную теорию происхождения языка» [Поржезинский, 1916, с. 208]. В. К. Поржезинский назвал эту теорию *генетической*, так он перевёл термин В. Вундта *Entwicklungstheorie*. Немецкий учёный соединил теорию жестов, якобы лежащих в основаниях человеческого языка, с междометиями – «звуковыми жестами (*Lautgeberden*)»: «Эти последние первоначально находятся в тесной связи с жестами и лишь с течением времени звуковые жесты, т. е. движение органов речи и как результат их – звук или звуки речи, выделяются из числа всех прочих жестов, так как они отличаются особыми свойствами, будучи легче воспринимаемыми и допускающими большое количество видоизменений» [Там же, с. 209]. В. К. Поржезинский солидаризируется с этими взглядами.

В последующем междометная теория глоттогенеза и сопряжённые с ней оноματοпоэтическая И. Г. Гердера, трудовых выкриков Людвигу Нуаре (1829–1889) и звуковых жестов В. Вундта были отвергнуты наукой. Некоторые слова в разных языках могли быть образованы в результате звукоподражания (см.: [Тишина, 2010] и др.) или восходить к междометиям, однако сложные процессы возникновения языка невозможно полностью объяснить ни одной из этих теорий. Александр Александрович Реформатский (1900–1978) писал по

этому поводу: «Таким образом, не передразнивание природы (теория “звукоподражания”), не аффективное выражение экспрессии (теория “междометий”), не бессмысленное “уханье” за работой (теория “трудовых выкриков”), а потребность в разумном сообщении (отнюдь не в “общественном договоре”), где осуществляется сразу и коммуникативная, и семасиологическая, и номинативная (а притом и экспрессивная) функция языка – главные функции, без которых язык не может быть языком, – вызвала появление языка. И язык мог возникнуть только как коллективное достояние, необходимое для взаимопонимания, но не как индивидуальное свойство той или иной вочеловечившейся особи» [Реформатский, 2000, с. 463]. Саратовская исследовательница Лидия Ивановна Баранникова (1915–2002) указала на недостатки междометной теории глоттогенеза и фактически её вариаций или преломлений в других теориях, названных выше, и отметила, что «многие языковеды в XIX–XX вв. стали признавать проблему неразрешимой и призывали отказаться от её рассмотрения» [Баранникова, 1973, с. 333].

Итак, попытки учёных, начиная с античности и вплоть до начала XX века, объяснить происхождения языка с помощью междометной теории и сопряжённых с ней ономатопоэтической, трудовых выкриков, звуковых жестов, оказались бесперспективными. Лишь незначительное число слов можно объяснить происходящими от междометий, звукоподражаний и других рефлекторных и эмоциональных возгласов. Глоттогенез неразрывно связан с антропогенезом, культурогенезом, социогенезом: только в процессе формирования человеческого общества возникла коммуникативная потребность в языке, которая была реализована в изначально сложных фонетико-фонологических, грамматических, лексико-семантических структурах и единицах.

1.1.3. Место междометий в языке

Междометие является, пожалуй, самой сложной частью речи с противоречивыми лексико-семантическими, аксиологическими, эмотивными и грамматическими свойствами. Оно не имеет никаких морфологических парадигм. Профессор Йельского университета, исследователь языка кекчи, входящего в языковую семью майя, Пол Кокелман пишет: «Междометия – это семиотический продукт естественного происхождения, и в то же время они являются наиболее прозрачным показателем наших человеческих эмоций» [Kockelman, 2003, p. 467]. Как и другие единицы языка, междометие может быть самостоятельным предложением, а когда входит в сложное предложение, никак не связывается с его другими членами. Немецкий исследователь Ойген Лерх, подробно анализируя междометия французского языка, полагает, что с точки зрения синтаксиса они являются лишь эквивалентами предложения (Satzäquivalente) [Lerch, 1934, S. 13].

Лингвисты по-разному оценивают место междометий в системе языка. Они разделились на два лагеря по этому вопросу. Включил междометие в свою «Российскую грамматику» Михаил Васильевич Ломоносов. Уже в начале книги при перечислении частей речи (*слова*) он даёт ему краткое определение: «Междометие представляет движение духа человеческого кратко» [Ломоносов, 1755, с. 24]. Далее приводится в качестве примера междометие *ба* и даётся объяснение заключённого в нём смысла: *я удивляюсь что тебя здѣсь вижу* [Там же, с. 25]. В §43 неожиданно появляется термин *междометие*: то ли ошибка наборщика, то ли описка автора, но в списке исправлений слово не значится [Там же, с. 213]. Оно причисляется к служебным частям *слова* (Ломоносов постоянно ставит ударение в этом слове). В §46 повторяется краткое определение этой части речи: «Междометие, для краткого изъявления движения духа» [Там же, с. 26]. В последней – шестой – главе пятого наставления даётся подробный анализ междометий: «Междометия разделяются на *свойственные* и *заимствованные*. *Свойственные* состоятъ

сами собою: *ой, ба*; заимствованные приемлются от других частей слова или из них составляются: *горе, куды, о какъ*». В следующем параграфе учёный определяет оценочную семантику междометий: «Знаменованиемъ междуметия суть радостные: *га, ага*; печальные: *охъ, ахъ, горе, бѣда, ахти мнѣ*; удивительные: *тото, тото на, вотъ тото, исполать*; внезапность значащие: *ба, баба*; презрения *фе, фу, а*; запрещенія: *цыть, сть*; боязни: *ой, уу*; отзывающагося: *ась, гой, что*» [Ломоносов, 1755, с. 184]. В этом списке мы обнаруживаем междометия, сохранившиеся в современном русском языке, и такие, которые вышли из употребления.

Целых пять параграфов (501–505) посвящено сочетанию (*сочинению*) междометий с падежными формами существительных. «Междуметия *вот, тото, фу* сочиняются с именительным: *вотъ книга, тото недорогая вещь, фу какой неповоротливой*. <...> *Горе, исполать, на, вотъ на* перед дательным полагаются: *горе намъ бѣднымъ, исполать молодцу, на, вотъ тебѣ рука*. <...> Со звательным сочиняются *цыць, прочь, гей, ну. Цыць ты, не лай, прочь назойливой; гей прохожей, ну лѣнницеъ*. <...> Протчие междуметия по большей части однѣ безъ сочинения употребляются. <...> Восклицательное *о!* у славянѣ полагается съ родительнымъ падежемъ: *о чуднаго промысла!* Но Россиянамъ свойственнѣе именительный: *о чудный промысль* [Там же, с. 206].

Отрицал междометия как самостоятельную часть речи известный немецкий и английский учёный Фридрих Макс Мюллер (1823–1900). Стало крылатым его высказывание: «Язык начинается там, где заканчиваются междометия» (ср. с высказыванием Т. Бенфея в предыдущем подпараграфе: «Междометие – это отрицание языка»). Он писал: «Бесспорно, в каждом языке имеются междометия, и некоторые из них могут стать традиционными и войти в состав слов. Но эти междометия – лишь предместья настоящего языка» [Müller, 1866, с. 352] (перевод П. С. Карабардиной [Карабардина, 2015, с. 32]).

Первым в русской лингвистике против включения междометий в состав языка выступил писатель и автор авторитетных пособий по грамматике

русского языка Николай Иванович Греч (1787–1867), который в своей «Пространной русской грамматике» заявил: «Сии звукосочетания выражают ощущения, а не понятия, следственно не принадлежат ни к частям, ни к частицам речи» [Греч, 1827, с. 378]. Его поддержал в 1838 году публицист и идеолог славянофильства Константин Сергеевич Аксаков (1817–1860): «Что же касается до *Междометия*, то оно вовсе не есть слово. Скажите, какая мысль выражается им. Это просто восклицание, которое показывает только неопределенное состояние боли, ужаса, радости, и для которого часто не найдете буквы» [Аксаков, 1875, с. 7].

Один из основателей Казанской лингвистической школы Василий Алексеевич Богородицкий (1857–1941) отделяет междометия от других слов, относящихся к области умственных представлений, отмечая, что они «восклицания, относящиеся к области эмоциональной» [Богородицкий, 1935, с. 106]. С такими же взглядами выступали известные российские лингвисты Д. Н. Кудрявский (1867–1920) (в некоторых трудах он назван почему-то Кудрявцевым [Середа, 2005]), Д. Н. Овсяннико-Куликовский (1853–1920), А. М. Пешковский (1878–1933) и др. Их поддержал советский учёный М. В. Панов [Панов, 1960]. О. П. Суник подчёркивал, что из-за их изобразительного значения и отсутствия номинативности междометия не могут быть включены в состав знаменательных частей речи [Суник, 1968].

Не сомневался в принадлежности междометия к языку А. Х. Востоков. Он дал ему следующее определение: «Междометие есть разряд слов, служащий в пополнение и в замену другим словам, для кратчайшего выражения чувствований» [Востоков, 1844, с. 190]. Признавали междометие как самостоятельную единицу языка и отмечали его семантическую и функциональную специфику А. А. Шахматов (1864–1920), И. И. Мещанинов (1883–1967) и др.

Академик Филипп Фёдорович Фортунатов (1848–1914) писал: «Особый класс отдельных слов языка образуют слова, называемые междометиями. Это

слова не частичные, отличающиеся, однако, в известном отношении и от слов, называемых нами полными словами, а именно междометия существуют или вне предложений, или в известных случаях представляют целые предложения. Междометия как слова, существующие вне предложений, однородны в этом отношении с так называемыми воззваниями, получающимися, как мы видим, при известном употреблении полных слов» [Фортулатов, 1956, с. 172]. Он отмечал двойственность природы междометий: «Наши чувствования могут соединяться и с движением органов речи, причём такие движения, а следовательно, и образуемые ими звуки речи сами по себе не слова, не принадлежат языку (например, когда при чувстве боли вырывается невольно известный звук речи или известный комплекс звуков), но они становятся словами, как скоро выражение чувствования в известном звуке речи или в известном комплексе звуков речи сознается говорящим как такое и может быть образуемо, следовательно, по воле говорящего» [Там же]. Учёный указывал на деривационные возможности междометий и переход в междометия знаменательных слов: «С другой стороны, и полные слова могут употребляться в языке как междометия, например у нас *боже, боже мой, черт* и др.» [Там же].

Российский и советский языковед академик Лев Владимирович Щерба (1880–1944) назвал междометие неясной и туманной категорией. Он писал: «Так как довольно многие слова употребляются или могут употребляться синтаксически обособленно, то категория междометий, будучи вполне отчётливой в ярких случаях, является в общем довольно расплывчатой» [Щерба, 1957, с. 67].

Обстоятельно рассмотрел эту часть речи в своём учебном пособии заведующий кафедрой русского языка Симферопольского государственного университета имени М. В. Фрунзе Александр Иларьевич Германович (1896–1973) [Германович, 1960] (см. о нём: [Сидоренко, 1996; Грушецкая, 2018]). Ранее, в 1941 году, он писал: «Своеобразие слов, включаемых в категорию

междометий, заключается в том, что они не являются названием чувств или волеизлияний (вроде существительных, прилагательных, глаголов или наречий). Междометия – это слова-сигналы для выражения чувств и воли человека» [Германович, 1941, с. 28]. А. Н. Тихонов (2002), А. А. Камынина (1999) и мн. др. считают, что междометия являются самостоятельной частью речи, неотрывно связанной с системой языка.

Выдающийся русский лингвист Виктор Владимирович Виноградов в своём труде «Русский язык (Грамматическое учение о слове)», проанализировав взгляды многих предшественников, приходит к выводу: «Таким образом, вырисовывается яркая картина грамматического расслоения междометий и взаимодействия их с другими грамматическими категориями. Междометия выступают как особый тип выразительных слов-высказываний, внутренне нерасчлененных, синтаксически неорганизованных, однако социально осмысленных, образующих своеобразные формы эмоционального выражения и испытывающих воздействие со стороны грамматических категорий интеллектуальной речи» [Виноградов, 1986, с. 615].

А. А. Реформатский отмечает, что в системе частей речи междометия стоят «совершенно отдельно» [Реформатский, 2000, с. 321], они, как и местоимения и служебные слова, не представлены в энциклопедических словарях [с. 152], однако эти единицы «на общих правах поступают в распоряжение грамматики» [с. 79]. Учёный подчёркивает, что экспрессивность междометий «представляет особый интерес для стилистики, и поэтому лексикология так или иначе должна заниматься междометиями <...>» [с. 79].

Русская грамматика существительное, местоимение-существительное, прилагательное, числительное, глагол, наречие определяет как часть речи [Русская грамматика, 1980, с. 458, 531, 538, 571, 580, 701], предлог и союз – как служебную часть речи [Там же, с. 704, 712], а междометия называет классом слов (автор раздела – И. Н. Кручинина), указывая тем самым на их

особое место в языке: «Междометия – это класс неизменяемых слов, служащих для нерасчлененного выражения чувств, ощущений, душевных состояний и других (часто произвольных) эмоциональных и эмоционально-волевых реакций на окружающую действительность: ах, ба, батюшки, брр, ну и ну, ого, ой-ой-ой, ох, помилуйте, то-то, тьфу, ура, ух, фи, черт; ай-да, алле, ату, ау, брысь, караул, стоп, улю-лю, кис-кис, цып-цып-цып. <...> Междометия являются характерной принадлежностью эмоциональной сферы языка, где они употребляются вне связи с другими словами (а также и не для связи последних)» [Русская грамматика, 1980, с. 732]. Они могут функционировать в качестве эквивалента предложения, модального компонента предложения и члена предложения [Русская грамматика, 1908, с. 733–734], замещаая собой ту или иную словоформу.

Современная исследовательница междометий Е. В. Середа, автор диссертации «Место междометий в системе частей речи» и учебного пособия на эту же тему, в определение, предложенное академической грамматикой, добавляет уточнение: «которые указывают на действие, не называя его» [Середа, 2004; Середа, 2005, 2013]. Она отмечает, что «самостоятельное интонационное оформление междометий делает эти слова наиболее ярким эмотивным средством русского языка, что привлекает к междометиям внимание исследователей, изучающих эмотивную и коммуникативную функции языка» [Середа, 2013, с. 11]. Китайские лингвисты Гао Минкай и Ши Аньши в учебнике «Введение в языкознание» обращают внимание на то, что эмоциональное значение междометия раскрывается также при удлинении составляющих его звуков при произношении. Помимо особой интонации, помогают лучше понять эмоциональную нагрузку междометия невербальное сопровождение, в частности дополнительные жесты [高名凯, 石安石, 1987, 网页 70–71]. Риторический и орфоэпический аспекты удлинения звука в русском языке, в частности на материале междометий, рассматривает В. П. Москвин, указывая на то, что при эмфазе удлинению подвергаются не только гласные, но и щелевые согласные, взрывные же произносятся импловзивно и с

внутрисловной паузой, что создает видимость удлинения, например: *Ба[ʔ|ʔ]юшки!* [Москвин, 2015].

Исследователи отмечают: «От слов знаменательных они (междометия. – Ду Сянь.) отличаются отсутствием номинативного значения (выражая чувства и ощущения, междометия не называют их); в отличие от служебных частей речи междометиям не свойственна связующая функция» [Краткая, 1989, с. 341].

А. А. Реформатский признаёт междометия частью языковой системы и отмечает их отличие от внеязыковых систем: «В языке даже междометия отличаются от такого схематического устройства (систем сигнализации. – Ду Сянь.), так как они могут выполнять функцию целого предложения, относятся к определённой части речи, выражены не любым, а специфичным для данного языка звучанием, способны образовать производные знаменательные слова (ох – охать, оханье и т. п.), т. е. вообще стоят не изолированно, а в связи с другими элементами языка и не могут быть произвольно придуманы как системы сигнализации» [Реформатский, 2000, с. 34].

Анна Вежбицкая попыталась описать семантическую структуру междометий: «Общим для таких слов, как ah, oh и wow или ouch, является их семантический инвариант, который можно выразить на языке семантических универсалий следующим образом: «Я СЕЙЧАС НЕЧТО ЧУВСТВУЮ» (где ЧУВСТВОВАТЬ охватывает как «телесные», так и «ментальные» чувства)» [Вежбицкая, 2011, с. 241]. Однако она сразу же уточняет: «Не все слова, которые принято описывать как “междометия”, имеют подобный семантический компонент <...>» [Там же, с. 241]. Исследовательница определяет междометие как «нерасчлененное выражение имеющегося душевного состояния» [Там же, с. 250]. Проблемы лексикографического описания междометий анализируются в работах Н. Р. Добрушиной [Добрушина, 1995], И. А. Стернина и Ю. А. Цофиной [Стернин, Цофина, 2017] и др. Рассматриваются также лингвострановедческие аспекты функционирования междометий в русском языке [Бодур, Королева, 2016]. Е.

А. Бахмутова полагает, что междометия представляют собой «конвенциональный звуковой комплекс, воспроизведение которого включено во фреймы поведенческих моделей реализации эмоций» [Бахмутова, 2006б, с. 4].

Китайский учёный Сюй Лайди считает, что междометие появилось в первобытном обществе из инстинктивных криков. При этом он отмечает, что трудно определить, как природный и неосознанный выкрик или первобытное звукоподражание превратилось в слово. В китайском языкознании утвердилась точка зрения, что междометия могут выразить человеческие эмоции, волю и мысли, поэтому междометие является элементом языковой структуры [徐来娣, 页面 46–49].

В. И. Супрун считает, что в языке нет и не может быть асемантических единиц. Высокая степень семантической абстрактности присуща местоимениям и количественным числительным. Только грамматическое значение выражают служебные части речи. «Любое имя существует в языке как единица ряда, в котором каждый конститuent объединяется с другими и противопоставляется им, уже на языковом уровне имея ассоциативные семы “известное / неизвестное”, “старое / новое», “русское / нерусское” и пр.» [Супрун, 2000, с. 18–19]. Ярким свидетельством отнесения междометий к лексике языка является их включение в словари: лексикографы не сомневаются в том, что междометия являются словами, они описываются в словарях, как и другие части речи.

Итак, междометие является нерасчлененным выражением имеющегося душевного состояния человека (А. Вежбицкая), способно отражать эмоции и аксиологические интенции коммуниканта. Оно лишено морфологической парадигмы, синтаксически выступают в качестве самостоятельного предложения или изолированной части сложного предложения. Междометие является словом, оно является особой частью речи, не относящейся ни к знаменательным, ни к служебным частям речи.

1.2. Классификация русских междометий

По происхождению междометия делятся на **первичные** (примарные, первообразные, прототипические, непроеводные) и **вторичные** (секундарные, непервообразные, производные) (см.: [Русская грамматика, 1980, с. 732; Середа, 2004, 20013; Шаронов, 2009 и др.]). Первичные не соотносятся с другими частями речи, они чаще всего состоят из одного слога (*ах, ой, эй, ну, фу* и др.), реже – двусложные (*ого, увы* и др.). Их состав отличается герметичностью и непополняемостью [Шкапенко, 2017, с. 3], междометный фонд современного русского языка характеризуется замкнутостью.

Вторичные соотносятся со знаменательными частями речи и словосочетаниями, которые теряют исходную семантику и употребляются в междометной функции с целью привлечения внимания *Караул! Внимание! Огонь! Осторожно! Боже! Боже мой! Слава богу! Ёлки-палки! Ужас! Bravo! Чтоб тебя! Вот тебе на; Вот это да; Вот так номер; Моё почтение* и мн. др. Обычно через процесс интеръективации проходят слова знаменательных частей речи (существительное, прилагательное, глагол), которые теряют свое первоначальное значение и становятся языковым символом, способным лишь выражать эмоции [Амека, 1992, р. 111]. Весьма часто интеръективируются словосочетания и коммуникативные комплексы. Русские междометные комплексы *вот те на, вот это да, вот то-то и оно, вот те крест* и др. проанализировал Дон Ялин [董亚玲, 2003]. Число непервообразных междометий значительно больше количества первичных, и оно постоянно увеличивается.

И. А. Шаронов говорит о двойственности объекта исследования у междометий. Он утверждает: «Устные эмоциональные междометия имеют самостоятельную (отдельную от языковой) или периферийную фонетическую систему, принципы описания которой до сих пор окончательно не определены. Значимыми для этих единиц оказываются просодические характеристики –

интонация, тон, тембр, фонации. Звуковой состав устных эмоциональных междометий не играет той роли, которая характерна для стандартных языковых единиц. Письменные фиксации эмоциональных междометий не способны отражать просодические характеристики, они строятся на языковых звуках и их сочетаниях» [Шаронов, 2009, с. 6–7].

Эти наблюдения согласуются со взглядами датского лингвиста Отто Есперсена (1860–1943), который отмечал наличие в некоторых междометиях нестандартных звуков, что создаёт невозможность записать их средствами алфавита [Jespersen, 1924, p. 190; Есперсен, 2006, с. 100]. Он отмечает у междометий «способность выделяться как законченное “высказывание”» [там же]. Попытки передать междометия средствами алфавита завершаются употреблением традиционной записи, не отражающей истинное звучание единицы. Действительно, в письменном языке существуют фиксации междометных единиц, весьма приблизительно отражающие их реальный звуковой облик: рус. *тпру*, *тпрур* ‘возглас, которым останавливают лошадей’ [БТС, с. 1336], нем. *pst* [НУС, с. 687], англ. *pshaw* [АРС, с. 561] и др.

Однако выделение некоей особой фонетической системы междометий представляется нам весьма преувеличенным. Единицы с нестандартным набором звуков среди этой части речи встречаются крайне редко. Подавляющее большинство примарных междометий имеет стандартный фонемный состав: *ну*, *ба*, *ох*, *эх*, *ой* и мн. др. Тем более соответствуют фонетико-фонематическим принципам языка вторичные междометия, восходящие к знаменательным словам.

В истории языка встречается немало единиц оноματοпоэтического происхождения, которые также весьма приблизительно передают физические фонации. Русский фитоним *хворост* ‘сухие отпавшие ветви деревьев или кустарников’ [БТС, с. 1441], сербское и хорватское название дуба *храст* / *hrast*, чешское *chrast*, польское *chrust* ‘хворост’, как и древневерхненемецкое *horst*, англосаксонское *hurst* ‘лес’ имеют звукоподражательное происхождение, передают треск ломающихся веток [ШБЭС, с. 350], что, разумеется, весьма

отдалённо соответствует звукам природы, но при этом вписывается в фонетико-фонологический строй языков.

В лингвогенезе разных этносов орнитоним *кукушка* является яркой ономатопоэтической номинацией. В самых отдаленных по родству и даже в неродственных языках кукушку именуют словами, в которых отражается попытка передать фонетическими единицами особенности её крика: рус. кукушка, болг. кукувица, серб. кукавица, чеш., словац. kuкаčka, польск. kukułka, хорв., словен. kukavica, нем., люксем. Kuckuck, англ. cuckoo, нидерл., африкаанс коекоек, дат. gøg, норв. gjøk, швед. gök, gökur, фр. coucou, исп. cuculillo, ит. cuculo, порт., галисийск. cuso, рум. cusc, каталан. cucut, греч. κοῦκος, алб. eçuqes, валлийск. gog, венг. kakukk, фин. käkki, эстон. kägu, удмурт. кикы, горно-мар. куку, груз. კუკუ [k'uk'i], баск. kuku, турец. guguklu, башк. куңыз, татар. күке, узбек. qo'qon, вьет. cússu, кит. 布谷 [bùgǔ], тагальск. kuku, кор. 벚꾸기 [berkkugi], япон. カッコウ [kakkou] и др. Это звукоподражание используется и в научном латинском орнитологическом термине *Cuculus*. Вероятно, нет в мире другого ономатопоэтического слова, столь совпадающего в обозначении какого-либо предмета или явления [Брысина, Супрун, 2020, с. 16], хотя, разумеется, ни заднеязычные взрывные [k] и [g], ни лабиализованный гласный верхнего подъёма и заднего ряда [u] и другие зафиксированные в её названии звуки эта птица произнести не может.

Что же касается просодики, то она пронизывает живую ткань звучащего языка, слабо отражаясь при этом на письме. Особые просодические характеристики отличают, например, вокативные конструкции, называемые в русской лингвистике именительным обращением. В. В. Бабайцева и Л. Ю. Максимов пишут о вокативных предложениях: «Они содержат имя существительное (или местоимение) в именительном падеже, произносимое с особой интонацией, передающей призыв, побуждение к прекращению действия, несогласие с собеседником, укор, упрёк, сожаление, негодование и т. п.» [Бабайцева, Максимов, 1987, с. 109]. Как видим, в данном случае

перечислены практически те же просодические характеристики, что и при описании функционирования междометий. А. Вежбицкая, анализируя дефиницию междометий П. Шахтера «Междометия представляют собой слова, нередко носящие характер восклицаний, которые могут составлять самостоятельные высказывания и обычно не вступают в синтаксическую связь с находящимися рядом словами» [Schachter, 2007, p. 58], отмечает, что это определение не позволяет отграничить «междометия» от «собственных имён», которые также могут «составлять самостоятельные высказывания» [Вежбицкая, 2011, с. 240]. Добавим, что и просодически междометия и вокативы, в которые часто входят онимы, сходны.

Просодика в прозаическом тексте фиксируется в некоторых случаях на письме глаголами говорения и сопровождающими словами или целыми описательными конструкциями: *жаловалась она соседке; горделиво повторяла она слова городского внука; вопрошала она; с детьми толковала, с соседкой, но чаще сама с собой; ворчала старая женщина; опомнилась старая женщина; пожаловалась она; подсадовала она; всё поняла старая женщина; спрашивал добрый голос; мягко ворковал, словно завораживая, женский голос* и т. п. (все примеры из [БПЕ]).

Междометия являются важными коммуникативными единицами, они входят в базовый словарный запас для учащихся-инофонов. В список из 5 тысяч наиболее частотных единиц русского языка входят 5 междометий: *ах* (1566 место), *ой* (2266), *увы* (2337), *ура* (3967), *стон* (4526) [Sharoff, Umanskaya, Wilson, 2013]. При всей относительности подобных подсчётов очевидно, что без междометий полноценная коммуникация на русском языке невозможна.

Русские первообразные междометия чаще всего состоят из особых гласных и согласных звуков, они разделяются на три основные группы:

- 1) гласный + согласные [х] и [й] (*ах, ох, ух, эх, ай, ой, эй*);
- 2) гласный + согласные [г], [γ], [х] + гласный (*ага, ого, эге, эхе*);
- 3) согласные [х] и [ф] + гласный (*ха, хе, хо, фу, фи, фе*) [13, с. 661].

Обратим внимание на использование в междометиях фрикативного звука [ɣ], который является регулярным в южнорусских говорах, а в литературном языке допустим только в небольшом, постоянно сокращающемся списке лексем. Антон Алексеевич Барсов (1730–1791) в своей «Российской грамматике», остававшейся в рукописном виде и напечатанной только спустя 200 лет, приводит список, в который входят «весьма немногие слова, и то со славянским общие»: *Богъ, благо, гласъ, Господь, Господинъ, госпожа, богатый, убогий, когда, тогда, всегда* и их дериваты, а также *богатырь, где, его, всего, моего, твоего, нашего, вашего, какого, такого, великаго* «и все подобные сему последнему» [Барсов, 1981, с. 43]. В конце XIX века слова с [ɣ] включает в свой словарь А. И. Орлов [ПФС].

В 20-е годы XX века обратил внимание на произношение слов с [ɣ] Д. Н. Ушаков. Он не рассматривает междометие *ага*, но отмечает «последние остатки разрушающейся и почти разрушившейся традиции» в словах *господи, бога, ей-богу, благо, богатый*, определяя произношение формы *бога* с г взрывным как нелитературное и подчёркивая, что «в современном сценическом произношении московских Малого и Художественного театров преобладает *γ*» [Ушаков, 1928]. Во второй половине XX века «согласный [ɣ] устойчиво произносится лишь в междометиях *ага, ей богу, господи*. Он совершенно не встречается в словах *господа, благо, благополучие, богат, богатство*. Только в слове *бухгалтер* он более или менее обязателен» [Панов, 1967, с. 333]. Михаил Викторович Панов полагает, что «[ɣ] уже не жилец в русской фонетической системе» [Там же]. Б. А. Успенский пишет об этом звуке: «Постепенно лексико-стилистическая сфера сужалась. В XX в. она утратила нормативный статус даже в своей исконной сфере — церковно-богословской речи» [Успенский 2002: 159]. В. П. Москвин, анализируя функции звука [ɣ] в современном русском языке, отмечает, что в междометиях *ага, ого, господи* и др. он применяется в эмфатической функции (например: *A[ɣ:]a!*), что допустимо с точки зрения литературной нормы; взрывной [ɣ] для

этих целей менее пригоден, поскольку не поддается удлинению [Москвин, 2023].

Междометия по своим семантическим показателям разделяются на несколько основных групп: эмоциональные, волеизъявительные, этикетные. Отдельно можно выделить бранные междометия. К междометиям примыкают ономатопы, «представляющие собой условные преднамеренные воспроизведения звучаний, сопровождающих действия, производимые человеком, животным или предметом» [Русская грамматика, 1980, с. 732]. Существует несколько взглядов современных лингвистов на проблему частеречного определения звукоподражаний: «от полного игнорирования данных слов как факта языковой действительности до признания их самостоятельности по отношению к междометиям» [Тишина, 2010, с. 23].

Каждый народ по-особому слышит фонации, издаваемые человеком, животными, природой, поэтому звукоподражательные слова в разных языках могут существенно отличаться. В русском языке к ономатопам относятся слова *ха-ха*, *хи-хи*, *тьфу*, *уа-уа*, *кря-кря*, *мяу-мяу*, *тук-тук*, *бум-бум* и др.; в китайском – 哈哈 [hāhā], 熙熙 [xī xī], 呢 [è], 嘎嘎-嘎嘎 [gāgā-gāgā], 喵喵 [miāo], 汪汪-汪汪 [wāngwāng-wāngwāng], 咚咚咚咚 [dōng dōng dōng dōng] и др. Как видим, некоторые единицы в двух языках близки по фонетическому облику, однако большинство из них отражает специфику восприятия народом звучания окружающего мира.

Наконец, следует особо выделить подзывные и отгонные слова, которые, как и ономатопы и глагольные междометия, «отражают попытку воспроизвести с помощью языковых средств звуковой облик той или иной реалии, опираясь на уже имеющиеся структурные и содержательные модели» [Тишина, 2010, с. 75]. В русском языке к этому разряду лексики относятся единицы *кис-кис*, *брысь*, *цып-цып*, *но*, *тпру* и др., в китайском языке – 哇 [wā], 但是 [dàn shì], 快跑 [kuài pǎo] и др.

Несмотря на некоторое сходство фонетико-интонационного оформления этих единиц с междометиями, рассматривать их в составе интеръективной лексики нецелесообразно с учётом различий между междометиями и ономатопами с лингвопрагматических позиций.

Междометия по своим семантическим функциям разделяются на несколько групп [Русская грамматика, 1980, с. 733–735]:

1. Эмоциональные. Они разделяются на две подгруппы:

а) Междометия со специализированными семантическими функциями: рус. *ох, ой, тьфу, батюшки, господи, фи, черт, браво, ура, брр, ух, эх, ай-ай-ай, чу, боже, боже мой, слава богу, ура, увы, то-то* и др.; кит. 啊 [ā], 哎 [āi], 哦 [ó], 哇 [wā], 哎呀 [āiyā], 呸 [pēi], 谢天谢地 [xiè tiān xiè dì], 万岁 [wàn suì], 我的天呐 [wǒ de tiān nà] и др.; б) междометия с диффузными семантическими функциями: рус. *ага, ах, ахти, ужас, с ума сойти, ну, ого* и др.; кит. 太棒了 [tài bàng le], 哎呀呀 [āiyā yā], 耶 [yè], 恩-恩 [ēn-ēn], 太美了 [tài měi le] и др.

2. Волеизъявительные (побудительные, императивные, повелительные): рус. *долой, марш, тсс, прочь, полно, вон, стоп, цыц, ш-ш, ч-ч-ч, караул, раз-два взяли! Тише!* и др.; кит. 咱们走吧 [zán men zǒu ba], 躲开 [duǒ kāi], 嘘 [xū], 回家去吧 [huí jiā qù ba], 干活去 [gàn huó qù] и др.

3. Этикетные: рус. *спасибо, привет, пока, пожалуйста, до свидания, спокойной ночи, с праздником, на здоровье, всего хорошего, до встречи, доброе утро, прощай(те), прости(те), извини(те), здравствуй(те)* и др.; кит. 谢谢 [xiè xiè], 请 [qǐng], 抱歉 / 打扰一下 [bào qiàn / dǎ rǎo yí xià], 明天见 [míng tiān jiàn], 再见 [zài jiàn] и др.

Некоторыми исследователями выделяются особо бранные междометия [Виноградов, 1986, с. 621]. К ним относятся в русском языке единицы *чёрт, чёрт возьми, чёрт побери, чёрт знает что, иди к чертям, дьявол, какого лешего; за каким лешим; эвфемизмы блин, хз (хэзэ), нах* и обценнизмы; в

китайском языке – 见鬼 [jiàn guǐ], 管他呢 [guǎn tā ne], 天晓得是什么 [tiān xiǎo de shì shén me], 你只是个畜生 [nǐ zhǐ shì ge chù shēng] и др.

В «Русской грамматике» в особую группу выделяются глагольные междометия, или междометные глаголы: *верть, глядь, мах-мах, морг, нырь* и др. [Русская грамматика, 1980, с. 733]. В силу специфики китайской глагольной морфологии в этой функции в языке используются обычные глаголы, что ясно проявляется при обратном переводе русских текстов с подобными глаголами: *Он прыг через забор!* 他跳过栅栏! ‘Он перепрыгнул через забор!’; *Он бряк на пол.* 他砰砰地摔在地板上. ‘Он рухнул на пол’. Следует отделять междометные глаголы от собственно междометий, поскольку первые всегда входят в предложение, являются в нём сказуемым, тогда как междометия являются самостоятельными предложениями или изолированными (внесёнными) частями простого и сложного предложения. Подробно проанализировал русские междометные глаголы и возможности их перевода на русский язык Чэнь Маоген [陈茂赓, 1999].

Китайский исследователь Цзян Юйхуа из Сянтаньского педагогического университета рассмотрел прагматические функции междометий с точки зрения дискурсивной деятельности. Он выделил четыре основные функции: запускающая (вступительная) функция, регулирующая функция, реагирующая функция и завершающая функция. В первом случае междометие стоит в начале диалога, открывает его. Оно может также использоваться для продолжения разговора. Регулирующая функция предполагает использование междометий для выражения просьбы, недовольства, развития предыдущей темы беседы, перехода от одной темы к другой, исправления неправильно понятого. Она может также использоваться для того, чтобы потянуть время, показать нерешительность, предоставить возможность для временной паузы в размышлениях. Реагирующая функция обнаруживается при ответе на приветствия, вопросы и команды адресанта. На завершающей стадии диалога

используются междометия со значением отсутствия желания продолжить общение [蒋于花, 2009].

Китайский исследователь Лю Гопин попытался определить коммуникативные функции русских междометий с позиции адресата. Он выделил 5 коммуникативных ситуаций: 1) ответные реплики для подтверждения самой ситуации общения (ну-ну, так-так, алло и др.); 2) понимание мыслей адресанта (а, о, вот-вот, ещё бы и др.); 3)) согласие с адресантом (тот-то и оно, вот что, вот как и др.); 4) эмоциональное отношение к неожиданной информации (ей-богу, вот тебе и на, вот тебе и раз, ура, ещё чего и пр.); 5) обращение к адресанту для продолжения или завершения диалога (ну, ну и, минуточку и др.) [刘国平, 1989, 24].

Итак, по происхождению междометия делятся на первичные и вторичные. Первичные не соотносятся с другими частями речи, они чаще всего они являются односложными, реже – двусложными, при этом в коммуникации односложные могут удваиваться и утраиваться. Их фонетический состав включает все гласные русского языка, но ограничен набором консонантов: й, х, ф, г, н, б, реже другие. Сочетание первичного междометия с местоимением второго лице единственного и (реже) множественного числа образуют междометный комплекс, в котором местоимением десемантизируется, но при этом усиливает семантику комплекса. Вторичные междометия соотносятся со знаменательными частями речи и словосочетаниями, которые теряют исходную семантику и употребляются в междометной функции. Междометия по своим семантическим показателям разделяются на несколько основных групп: эмоциональные, волеизъявительные, этикетные, бранные. На использование междометий влияет коммуникативная позиция адресата и адресанта.

1.3. Междометия в первых русских словарях

Междометия встречались в текстах Священного Писания, в трудах церковных деятелей, в сочинениях отечественных и переводах зарубежных

писателей, поэтому они стали включаться лексикографами в словари. Объём первых лексиконов был незначительным: в словаре Лаврентия Зизания (1596) входило всего 1061 слово [Дубичинский, 1998, с. 14], поэтому в него попали только междометия *аллилуйя* и *аминь* [Зизаний, 1596], которые ни Лаврентием, ни его читателями не воспринимались как интеръективные единицы.

В современном словаре *аллилуйя* обозначается как междометие, даётся его этимология (др.-евр. *hallelūjāh* – восхваляйте Иегову) и дефиниция ‘в богослужениях иудейской и христианской религий: молитвенный хвалебный возглас’ [БТС, с. 35]. Слово *аминь* в первом значении определено как частица, а во втором – как междометие с дефиницией ‘употребляется как магическое заклинание от нечистой силы, злых духов’ и с пометой *устар*<евшее> [Там же, с. 37]. В новом издании Большого академического словаря эта дефиниция повторяется, добавляется помета *нар*<одно>-*поэт*<ическое> [БАС, т. 1, с. 182]. Слово *аллилуйя* отмечается как междометие, ему даётся определение ‘хвалебный возглас в богослужениях христианской и иудейской религий’ [Там же, с. 163].

В лексиконе Памвы Берынды 1627 года, включающем 6982 слова, отмечены междометия, хотя само это название части речи автор не употребляет. Всего в словаре названы 10 междометий, некоторые из них встречаются 2–3 раза. Ни *аллилуйя*, ни *аминь* в лексикон не включены. С этой книги начинается лексикографическое описание славянской интеръективной лексики. В первом издании словаря Памва Берында в самом начале указывает междометия А и АГЪ, которые определяет: «Голос жалованья» [БПЛ–1, ст. А̇(1)]. Вероятно, над А было опущено глаголь-титло, поскольку во втором издании междометие АГЪ с тем же определением приводится дважды: первый раз с г-титлом, а второй – в полной записи [БПЛ–2, с. А̇(1)]. Это – первая попытка дать дефиницию особой части речи, хотя само понимание междометия у автора отсутствует. Ещё раз Памва даёт комментарий при определении междометия Ѡле: «задивованьяся словко тое» [БПЛ–2, с. РЧЗ

(197); БПЛ-1, стб. СЧД (294)]. При этом слове и в дальнейшем автор прибегает к синонимическому толкованию и к отсылкам: ѿле – ѿгъ, гай, гай гай; ѿле – агъ, ахъ, зри оуфъ.

Обратим внимание на то, что Памва включает в словарь два сходных междометия: одно с обличённым, а второе с острым ударением – и даже пытается показать отличия в их употреблении с помощью синонимов. В словаре Г. М. Дьяченко включено только одно слово ѿле ‘междометие, выражающее удивление или скорбь’ [ПЦС, с. 381]. Вероятно, Памва Берында с помощью значков ударения попытался развести отражения этих двух разных чувств в междометии. В словаре П. П. Белецкого-Носенко указано слово *гай-гай* с пометой «междометие удивления» [СУМ, с. 92].

Отметим употребление в лексиконе форм ѿгъ, агъ. В. В. Нимчук полагает, что Памва Берында был носителем бойковского и других соседних говоров [Німчук, 1961], в которых имеется фрикативный [г], переходящий в слабой позиции в [х], что и могло отразиться в гиперкорректной записи. Однако нельзя исключить и особую форму междометия, поскольку в русинских диалектах не всегда наблюдается оглушение конечного согласного. Кроме того, автор различает междометия агъ и ахъ.

С помощью синонимов объясняется в словаре междометие оуфъ: ахъ, ахте. В современном словаре *ахти* даётся с пометой *устар.* и определяется как синоним междометий *ах, увы* [БТС, с. 53]. В словарной статье слова оуфъ, вероятно, впервые в отечественной лексикографии Памва приводит вторичное междометие: або бѣда. <...> Зри гóре [ПБЛ-1, стб. РГД (184)]. В статье гóре слово бѣда приводится как синоним, гóре определено как наречие [ПБЛ-1, стб. МЕ (45); ПБЛ-2, л. ЛГ (30)], что соответствует классическим представлениям древнегреческих грамматистов о междометиях. Секундарное междометие бѣда повторяется в определении слова ОУВЫ, которое приводится в сочетании с местоимением в дательном падеже мнѣ и поясняется: бѣда ми [ПБЛ-2, л. РОС(176); ПБЛ-1, стб. СЗД (264)].

В первом издании своего лексикона Памва Беринда после слова *gópe* даёт греческие эквиваленты в славянской транскрипции: *оуа* ‘восклицания изумления: эва! – или отвращения: тфу!’ и *феѡ* ‘восклицания печали, боли, скорби: увы! ах! – также восклицания изумления: о!’ [ГРС, стб. 909, 1309], чем подчёркивается, что слова *gópe* и *бѣда* используются не в своём основном значении, а как вторичные междометия.

Слова *аллилуїа* и *аминь* включены составителем словаря в именную часть лексикона. Обе лексемы подробно разъясняются с этимологическими комментариями и вариантами перевода. У слова *аминь* сделана отсылка к словарной статье *буди то*, в которой словосочетание весьма подробно прокомментировано [ПБЛ–2, с. СМЅ (246); ПБЛ–1, ст. ТЅЕ (365)]. Судя по оформлению обеих словарных статей, автор не относит эти лексемы к наречиям, в состав которых он вслед за греками включал также междометия.

Внёс свой вклад в российскую лексикографию Фёдор Поликарпович Поликарпов-Орлов (около 1670 – 1731), который в 1704 году подготовил и издал первый в России «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище». Свою книгу он предварил стихами:

Трех язык верта (сада. – Ду Сянь.) краснозрачни цвети

Благоухают. Обирайте, дети.

Плод мудрости сей вас да услаждает,

Старым и юным жезл в жизни бывает.

Ф. П. Поликарпов опирался на материал словарей Лаврентия Зизания и Памвы Беринды [Дубичинский, 2008, с. 22], что отразилось и на включении в словарь междометий, которые не просто переводятся на древнегреческий и латынь, но и поясняются. Он использует термин *междометие*, следовательно, за 17 лет до своего переиздания грамматики Мелетия Смотрицкого Ф. П. Поликарпов уже включает его в перечень частей речи. В этом словаре данный термин *впервые* используется в российской лексикографии.

Его словарь в несколько раз объёмнее книг предшественников, он включает 17328 слов [Филиппович, 2007, с. 3]. Автор уточнил некоторые дефиниции Памвы Берынды. Междометие агъ объясняется: глас жаления и сетования по ком-либо [26, л. А̇ (1)], ахъ поясняется: междометие сетующего [26, л. Доб. (4об.)]. Термин встречается ещё в статье гой: междометие радующегося [ПЛТ, л. ОЕ (75)]. В большинстве же случаев приводятся соответствующие греческие и латинские междометия: ну – ἄγε и др. [ПЛТ, л. СА (201)]; ѿле – ah, heu, hei, eheu [ПЛТ, л. РОГоб. (173об.)]. Однако междометие оувы определяется как наречие, эта дефиниция перенесена сюда со слова бѣда из словаря Памвы Берынды. Лексема бѣда приводится дважды: как существительное и как вторичное междометие: вместо еже рещти гóре [ПЛТ, л. Л̇S (36)]. Греческие соответствия свидетельствуют об интеръективном употреблении второго слова: οἴμοι ‘восклицание горя, сожаления’ [ГРС, стб. 870]. В статье гóре определение существительного отсутствует [ПЛТ, л. ОSоб. (76об.)], приводятся только греческие и латинские соответствия: iού ‘восклицания а) горя: увы! б) изумления, негодования: охо! с) радости: о!’ [ГРС, стб. 630]; heu ‘interj. ah! o! (выражение боли)’ [ЛРС, с. 284]. Как намёк на междометную функцию слова можно рассматривать комментарии к некоторым словам: А: есть иногда и глас поселянина откликающагося [ПЛТ, л. А(1)], иди прочь или пропади: речь гнева [ПЛТ, л. РКЙоб. (128об.)]. Отметим, что в современном словаре словосочетание *пропади пропадом* имеет дефиницию ‘выражение гнева, досады и т. п.’ [БТС, с. 1019]. Как и в предыдущих словарях, не рассматривается как междометие церковное слово *аллилуia*, оно объяснено: хвалите Господа [ПЛТ, л. В(2)]. Оставлена без комментария лексема *анагема* [ПЛТ, л. Вбб. (2об.)].

Следующим этапом в лексикографическом описании междометий стал «Немецко-латинский и русский лексикон». Его немецко-латинская часть была подготовлена австро-немецким теологом и филологом Эренрейхом Вейсманном (1641–1717). Он был субпрецептором (наставником) монастырской школы в небольшом городке Хирсау (Гирзау) в Вюртемберге

(ныне часть города Кальва в Шварвальде). Э. Вайсманн подготовил латино-немецкий и немецко-латинский словарь, который был издан при его жизни 5 раз. В 1673 году он вышел в Штутгарте [ВЛБ]. Этот экземпляр был использован переводчиками Санкт-Петербургской академии наук для подготовки трёхязычного словаря. Возглавлял работу Василий Евдокимович Адодуров (1709–1780). Известно также о работе над этим переводом Ивана Семёновича Горлицкого (1690–1777). Возможно, что переводили труд Э. Вейсманна Иван Иванович Ильинский и Иван Петрович Сатаров. В предисловии сообщается: «Мы сего автора того ради избрали, понеже оно уже совсем переведена нашли» [НЛР]. Словарь вышел невиданным для того времени тиражом в 2500 экземпляров, однако быстро стал редкостью [Супрун, Ду Сянь, 2023, с. 146].

В словаре междометия отмечены при переводе соответствующих немецких слов. Набор их незначителен в силу специфики изначальной предназначенности словаря для обучения немецких школьников. Встречаются следующие слова: *ахъ, охъ* [НЛР, с. 13], *оле, увы, о горе* [НЛР, с. 14], *горе, увы* [9НЛР, с. 63], *ха-ха-ха* [НЛР, с. 163]. Немецкое междометие *oho* переводится по-латыни *ehem*, а по-русски даются лексемы *о, вот, этак, добро* [НЛР, с. 456]. Вторичные междометия представлены словосочетаниями: *Боже милосердный, милостивый; съ Богом; во имя Господне* [НЛР, с. 257]. **Впервые** в российской лингвистике междометия включены в краткий курс русского языка как иностранного для немцев: в приложение *Anfangsgründe der Russischen Sprache* (Элементарные знания русского языка) включена 10-я глава «О междометиях (*Von den Interiectionibus*)», в которой приведены примеры: *ба, увы, охъ, ахъ, ай, ой, ха-ха-ха*, а также словосочетание *што это*, которое В. Е. Адодуров отнёс к междометиям [НЛР, с. 46].

Важным событием в российской лексикографии стало издание «Церковного словаря» Петра Алексеевича Алексева (1731–1801). Биография составителя словаря подробно изложена писателем и историком Николаем

Павловичем Розановым (1809–1883) [Розанов, 1869]. П. А. Алексеев поставил перед собой цель собрать воедино и объяснить слова из Священного Писания, трудов отцов Церкви, богослужебных и церковноправовых книг, некоторых исторических и иных светских сочинений. Помимо собственных выписок, автор использовал работы предшественников: грамматику Мелетия Смотрицкого, словари Памвы Беринды, Ф. П. Поликарпова-Орлова и другие источники. Основу словаря составляют церковнославянизмы, кроме того, встречаются грецизмы (более 400), гебраизмы (около 80), латинизмы (более 60) и некоторое число иноязычных неологизмов, вошедших в русский язык в XVIII веке [Феликсов, 2009а, с. 17]. П. А. Алексеев делает ссылки на источники, из которых взято слово: более 3000 ссылок сделано на Библию, около 1700 ссылок – на труды отцов Церкви, более 270 ссылок – на богослужебные книги и т. п. [Феликсов, 2009а, с. 12]. Разумеется, в таких сочинениях трудно ожидать использование междометий, поэтому они представлены в этом словаре крайне редко. В статье слова О говорится: инде о есть звательное [АЦС, т. 3, с. 58]. Делается ссылка на 1-й стих второй главы послания апостола Павла к римлянам, в котором употребляется это междометие: Сегѡ ради безѡвѣтъень єси, ѿ, человекѣ всѧкъ соудѧй: имже бо соудомъ соудиши друга, себѣ ѡсоуждаеши, таѧжде бо твориши соудѧй [Там же].

Автор работал над своим словарём более 30 лет. Первое издание вышло в 1773 году в типографии Московского университета, в книге содержалось 4300 словарных статей. П. А. Алексеев постоянно выписывал из источников новые слова и словосочетания, в 1776 и 1779 годах он издал «Дополнение к Церковному словарю» (3900 статей) и «Продолжение Церковного словаря» (1600 статей). Собрав весь этот материал воедино, лексикограф в 1794 году в Санкт-Петербурге в типографии Императорской академии наук издал свой словарь в трёх частях, в нём было около 9800 словарных статей. В 1801 году П. А. Алексеев скончался, а в обществе потребность в его словаре только росла. В 1815–1816 годах в Синодальной типографии в Москве вышло третье

издание словаря в 4 частях. В нём было более 10400 словарных статей [Феликсов, 2009б, с. 9]. На обложке сообщалось об издании: «Вновь пересмотрѣнное, исправленное и противу прежнихъ трехъ изданій весьма знатнымъ количествомъ словъ и рѣченій приумноженное» [АЦС–1].

В XIX веке проблема авторства рассматривалась по-другому, чем в наши дни, поэтому в 4-е издание внёс значительные дополнения академик Дмитрий Михайлович Соколов (1764/1765–1819), а после его кончины работу над изданием последних частей словаря завершил его друг и соратник академик Пётр Иванович Соколов (1766–1836) [Феликсов, 2009б, с. 9], имена которых не упомянуты в книге. Академики писали в предисловии: «Нынѣ издатели съ своей стороны, желая сіе новое его издание сдѣлать, сколько возможно, полнѣе и совершеннѣе, не токмо не упустили исправить погрѣшности и недостатки, усмотрѣнные ими въ прежнихъ изданіяхъ, но и приумножили оное новымъ дополненіемъ разныхъ словъ и рѣченій, до шести тысячъ простирающихся <...>» [АЦС–2].

В новых изданиях словаря отмечены ещё три междометия: 1) **уа**, междометие насмеятельное и ругательное, по толкованию Евфимиеву, притом попрекательное и поносительное [АЦС–1, т. 4, с. 205]. В 3-м издании ошибочно указана ссылка на 25-й стих 15-й главы Евангелия от Марка, в 4-м издании исправлено на 29-й стих [АЦС–2, т. 5, с. 51]: И мимоходѣщій хоулахоу е҃го, покивающе главами своими и глаголюще: оуа, разорѣай церковь и тремѣ днями созидай, сп҃сисѧ самъ и сниди со кр҃та. 2) **увы**, междометие с дательным падежом сочиняемое, означает горе. Ссылка на 5-й стих 119-го псалма: Оувы мнѣ, якѡ пришельствіе моє продолжисѧ, вселихсѧ съ селѣніи кидарскими. Сие речение означает тужащего, скорбящего и плачущего человека [АЦС–1, т. 4, с. 206]. 3) **уфѣ**, <...> междометие прискорбность означающее, употребляемое вместо увы [АЦС–1, т. 4, с. 233].

В словаре дано определение термина *междометие*: едина из осми частей слова, несклоняемая и изъясляющая некоторую страсть смысла. По-латыни

interiectio [АЦС–1, т. 4, с. 233]. Делается ссылка на Мелетия Смотрицкого, однако его дефиниция сохранена лишь в общих чертах. Рядом находятся слова, образованные с интерфиксом о: междорѣчіе и междочасіе. В 4-м издании добавлен конфиксальный дериват: междустолпіе [АЦС–2, т. 3, с. 13].

В 4-м издании помещено стихотворение, которое сделал после прочтения первого издания словаря известный в те времена писатель и поэт Василий Григорьевич Рубан (1742–1795), издатель одних из первых русских журналов и автор первого путеводителя по Москве («Описание Императорского столичного города Москвы»):

Церковныхъ пользу книгъ, въ нихъ важность слова Россовъ,

Пространно доказаль великій Ломоносовъ

Стихотворенія Россійскаго отецъ,

Оставившій на вѣкъ витійства образецъ

Для подражанія потомкамъ просвѣщеннымъ.

И се рѣченіямъ изъ книгъ тѣхъ извлеченнымъ

Со изъясненіемъ зримъ полный алфавитъ:

Симъ благомъ общество священный мужъ даритъ.

Ученый свѣтъ его за трудъ сей почитаетъ.

Онъ славную себѣ тѣмъ память оставляетъ [АЦС–2, т. 1].

Издателем словаря вступил Иван Петрович Глазунов (1762–1831), известный петербургский книготорговец и книгоиздатель. Сначала он печатал книги в типографии Академии наук, а в 1803 году основал в северной столице собственную типографию, станки для которой выписал из-за границы. Книги, которые печатались в этой типографии, быстро раскупались. К 1811 году у Глазуновых уже было десять книжных лавок на Невском проспекте, в Большом Гостином дворе и на Садовой улице. Его типография была одним из

лучших по технической оснащённости полиграфических предприятий Санкт-Петербурга [Баренбаум, Костылева, 1986, с. 89–93; Зайцева, 1979]. Церковный словарь П. А. Алексеева не залежался на полках книжных магазинов Глазуновых в Санкт-Петербурге и Москве, его раскупали столичные жители, увозили с собой читатели в другие города России.

Итак, уже в первые русские словари составители включают междометия. В словаре Памвы Беринды отмечено 8 первичных междометий (а, агъ, ахъ, ѡгъ, гай, гай гай, ѡле, Ѡле, уфъ) и впервые в отечественной лексикографии включены два вторичных междометия: бѣда и гóре. В дефинициях автор чаще всего используется синонимический способ, однако делает также попытки описать и прокомментировать слова: агъ – голос жалованья, Ѡле – задивованья словко тое. Фёдор Поликарпович Поликарпов-Орлов в 1704 году подготовил и издал первый в России «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище». В нём *впервые* в российской лексикографии используется термин *междометие*: ахъ – междометие сетующего, гой: междометие радующегося. Встречающиеся также поясняющие дефиниции: агъ – глас жаления и сетования по ком-либо. В «Немецко-латинском и русском лексиконе» (1731) русские междометия приведены как эквиваленты немецких. Впервые эта часть речи включена в прилагаемое к словарю пособие по русскому языку как иностранному «Элементарные знания русского языка (Anfangsgründe der Russischen Sprache)». В конце XVIII – начале XIX века четырьмя изданиями выходит «Церковный словарь» П. А. Алексеева, в котором междометия встречаются только в том случае, когда они используются в церковных текстах, но автором делается попытка определить семантику единиц: *насмеятельное, ругательное, попрекательное, поносительное, прискорбность означающее* и др. В словаре дано также определение термина междометие.

1.4. Междоветия в Словаре Академии российской

Лексикографическую моду в XVIII веке в Европе задавала Франция. Ещё в конце предыдущего века, в 1694 году, здесь был издан двухтомный Словарь Академии французской (*Dictionnaire de l'Académie française*). Это был главный труд созданной ранее Академии французской, которая была призвана «сделать французский язык не только элегантным, но и способным трактовать все искусства и науки» (первое публичное заседание академиков состоялось в Лувре 10 июля 1637 года). К составлению словаря были привлечены писатель и лексикограф Клод Фавр де Вожла (*Claude Favre de Vaugelas*, 1585–1650) и поэт и литературный критик Жан Шаплен (*Jean Chapelain*, 1595–1674) [Венгерова, 1982, с. 863; Михайлов, 1962]. Оба не дожили до выхода в свет словаря. В XVIII веке академический словарь был четырежды переиздан, со второго издания (1718) в нём был принят алфавитный порядок размещения слов.

Вслед за французами занялись разработкой академического словаря своего языка испанцы. Король Филипп V своим указом в 1713 году создал Королевскую академию испанского языка, которая с 1726 по 1739 год издавала 6-томный словарь. В 1780 году вышел «Словарь кастильского языка, составленный Королевской академией, сокращённый до одного тома для простоты использования (*Diccionario de la lengua castellana compuesto por la Real Academia Española, reducido á un tomo para su más fácil uso*)».

Французский академический словарь был известен в России. Императрица Екатерина II изучила русский язык настолько глубоко, что смогла сама сочинять на нём художественные тексты. Известно, что ею написано девять либретто, четырнадцать комедийных пьес, семь коротких пьес (притч), сказки, полемические заметки и некоторые другие произведения. На помощь она нередко привлекала писателей: известно, что к её сочинениям руку приложили Иван Перфильевич Елагин (1725–1794), Александр

Васильевич Храповицкий (1749–1801) и др. Пьесы императрицы ставились в Эрмитажном театре [Семёнова, 2012, с. 259].

Идея создания нового словаря русского языка носилась в воздухе. В 1771 году при Московском университете по инициативе куратора университета Ивана Ивановича Мелиссино (1818–1895) было образовано Вольное российское собрание. Оно ставило своей главной целью «исправление и обогащение» русского языка, составление словаря русского языка, введение в обиход русских научных терминов, публикацию исторических источников. Членами собрания были Е. Р. Дашкова, Г. А. Потёмкин, М. М. Херасков, Д. И. Фонвизин, Г. Р. Державин, А. А. Барсов, Б. Я. Княжнин, С. Е. Десницкий, П. А. Алексеев и др. Председателем был избран И. И. Мелиссино [Андреев, 2010].

После создания Императорской академии российской 30 сентября / 11 октября 1783 года забота о русском языке была возложена на неё. Императрица Екатерина II в «Кратком начертании» (уставе) установила: «Императорская Российская Академия долженствует иметь предметом своим вычищение и обогащение российского языка, общее установление употребления слов оного, свойственное оному витийство и стихотворение» [Файнштейн, 2002]. Почти все члены Вольного российского собрания стали академиками. Был включен в неё и П. А. Алексеев [САР-3, т. 1, с. XVIII]. В некоторых публикациях сообщается, что его словарь был предшественником словаря Академии российской [Державин, 2002], работа над которым началась с момента создания академии, однако это явное преувеличение.

Следует подчеркнуть, что к этому времени в стране действовала Петербургская (Императорская) академия наук (до 1803 года – «и художеств»), созданная по указу императора Петра I от 28 января / 8 февраля 1724 года. В ней были математический, физический и гуманитарный классы, которые состояли из кафедр. В гуманитарном классе была кафедра

красноречия и церковной истории [История, 1987, с. 45]. Михаил Васильевич Ломоносов (1711–1765) был избран профессором химии, однако в области литературы он стал основоположником русской торжественной и философской оды, а вместе с другим академиком Василием Кирилловичем Тредиаковским (1703–1768) осуществил реформу русского стихосложения.

Но новая Академия российская не выступала в качестве конкурента Петербургской академии наук. Она была создана специально для развития («вычищения и обогащения») русского языка, для создания словаря русского языка [Коломинов, Файнштейн, 1986; Хартанович, 2006]. С первых дней своего существования Академия российская приступила к разработке правил составления словаря [Вомперский, 1992]. Начинается новая эпоха российской лексикографии, вырабатываются новые подходы к отбору и описанию слов, к оформлению словарных статей.

Работа над словарём продолжалась 11 лет. В сборе материала и составлении дефиниций участвовало 35 академиков во главе с президентом Академии российской княгиней Екатериной Романовной Дашковой (1743–1810). Это были люди разного статуса и различной лингвистической подготовки: драматург Денис Иванович Фонвизин (1745–1792) собирал слова на букву Л, поэт и сенатор Гаврила Романович Державин (1743–1816) – на букву Т, а слова на букву Г собирал адмирал и переводчик с французского некоторых произведений писателей и сочинений по морскому делу Иван Логгинович Голенищев-Кутузов (1729–1802). Княгиня Дашкова взялась за сбор и объяснение слов на буквы Ц, Ш, Щ и лексем, относящиеся к охоте, управлению государством, слов морально-нравственного оттенка. Работой над словарём постоянно интересовалась императрица Екатерина II. А. С. Пушкин в своём очерке «Российская Академия» рассказывает: узнав, что Академия дошла до буквы П, «Императрица улыбнулась и заметила, что Академии пора было бы *Покой* оставить» [Пушкин, 1978, с. 250]. В этом же очерке приводятся слова Николая Михайловича Карамзина (1766–1826),

сказанные им 5 декабря 1818 года по случаю его избрания в члены Академии: «Полный Словарь, изданный Академиею, — говорит он,— принадлежит к числу тех феноменов, коими Россия удивляет внимательных иноземцев: наша, без сомнения, счастливая судьба во всех отношениях есть какая-то необыкновенная скорость: мы зреем не веками, а десятилетиями. Италия, Франция, Англия, Германия славились уже многими великими писателями, ещё не имея Словаря: мы имели церковные, духовные книги; имели стихотворцев, писателей, но только одного истинно *классического* (Ломоносова), и представили систему языка, которая может равняться с знаменитыми творениями Академии Флорентийской и Парижской» [Там же, с. 251].

Словарь составлен по гнездовому способу расположения слов. Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) в своём обзоре русской лексикографии назвал его «словопроизводным словарём» [Срезневский, 1848, с. 222]. Чаще всего это не вызывает затруднений в их поиске, поскольку даны дериваты слов, начинающиеся с той же буквы: *алмаз, алмазной, алмазник, алмазчик* [САР-1, ч. 1, стб. 24–25]. Однако в ту же статью попадают и приставочные дериваты, которые начинаются с других букв, что затрудняет их поиск в словаре: *бавлю, бавлюся, добавляю, добавка, добавление, добавок, добавочный, забавляю, забавляюсь, забава, забавление, забавник, забавный, забавно, збавляю, збавляюсь, збавка, збавочный, избавляю, избавляюсь, избавитель, избавление, надбавляю, надбавка, отбавляю, отбавка, перебавляю, подбавляю, прибавляю, прибавляюсь, прибавка, прибавление, прибавок, прибавочный, пробавляю, пробавляюсь, пробавление, убавляю, убавка, убавление, убавочный* [Там же, стб. 69–75]. С другой стороны, при такой подаче материала видно деривационная активность слова. А. Н. Тихонов отмечает: «С точки зрения гнездовой организации составители Словаря Академии Российской обнаружили высокое чувство понимания системности русской лексики и правильно выбрали гнездовой способ размещения слов для

первого варианта Словаря. Они тем самым обратили внимание на эту главную черту русского языка – гнездовую организованность всей её лексики: общенародной, областной, ремесленной, терминологической и т. д.» [Тихонов, 2001, с. 13].

Первое издание словаря содержало 43357 слов, включённые в шесть частей. Его тираж составил 620 экземпляров. В первой части заявлено, что будут помещены слова на буквы А–Г, однако последними словами стали *взящій* и *вссъ* [САР-1, ч. 1, стб. 1139–1140]. Академики продолжили работу над словарём, и в 1802 году вышел в свет первый том второго издания, а в 1822 году – последний, шестой, том. Объём словаря вырос, теперь в него входило 51338 слов. В начале XXI века Московский гуманитарный институт имени Е. Р. Дашковой и Российская академия наук разработали проект по переизданию первого выпуска словаря, он выходил с 2001 по 2006 год [САР-3].

В Словаре Академии российской междометия нашли подробное описание и чёткие дефиниции. В словаре для них используется помета *междом*<етие>. В некоторых статьях появляется ломоносовский вариант термина *междум*<етие> [САР-1, ч. 1, стб. 868; ч. 2, стб. 164]. Составители словаря с пиететом относились к М. В. Ломоносову, в словарных статьях приводятся цитаты из его поэтических произведений. Возможно, это и подвигло кого-то из академиков использовать ломоносовский термин.

Порой отнесение слова к интеръективной лексике проявляется не при помощи пометы, а в определении с помощью слов *возглас*, *отклик* и пр. Разные эмоции, выражаемые междометием, в словаре определены в отдельных словарных статьях, то есть сделан намёк на омонимичность единиц. Уже на первых страницах словаря отмечено междометие *а*. Оно представлено в четырёх словарных статьях с подробным описанием ситуаций употребления: 1) побудительное к ответу; 2) употребляемое в простонародном насмеянии

тому, которого старание осталось безуспешно; 3) употребляемое в случае удивления или ужаса, каковым внезапность приключения или сильное воображение чувства наши поражает; 4) изъясляющее знак догадки [САР-1, ч. 1, стб. 2]. Отдельно выделано междометие *aa, aa!* ‘употребляемое во изъяснение удовольствия нашего, видя приключившейся вред, досаду, неудачу кому в злом его намерении, в оскорбительных для других действиях, поступках’ [Там же]. Отдельно выделена статья для без слова *a* без указания частеречной принадлежности – ‘отклик простонародный вместо *ась*’ [Там же, стб. 1]. Слово *ась* также не отнесено к какой-либо части речи, хотя его дефиниция сходна с определением междометий: ‘употребляемое в просторечии и обозначающее отклик того, кого зовут или кличут’ [САР-1, ч. 1, стб. 59].

Не отнесено к междометия *ату* ‘которое употребляют охотники во время ловитвы для большего побуждения собак к бежанию за зверем’ [САР-1, ч. 1, стб. 61]. А вот слова *га, га, га* считаются междометием, употребляемым «охотниками, когда гаркают или порскают» [САР-1, ч. 2, стб. 1]. Далее поясняется: *гаркаю* ‘у охотников: спустивши гончих собак со смычков, кричу, выражая слова га, га, га’ [Там же, стб. 20]. К междометиям отнесено также слово *усь* ‘употребляемое при травлении кого собакою’ [САР-1, ч. 6, стб. 452].

Слово *ау* разделено на две статьи. В первой не обозначается принадлежность к какой-либо части речи и даётся подробная дефиниция: ‘употребляется в образе отклика по большей части в таких случаях, когда в лесу ходящие друг другу голос подают, скликаются, чтобы не разойтись далеко и в лесу не заблудится’. Приводится словообразовательное гнездо слова: *ауканье, аукаю, зааукать, аукнуть, аукаюсь* [Там же, стб. 61]. Вторая статья определяет омоним как междометие, «употребляемое, когда в разговоре или каким деянием неожиданным другой приводит нас в движение» [Там же, стб. 62]. Современный словарь относит к междометиям слово *ау* со значением ‘возглас, которым перекликаются, чтобы найти или не потерять друг

друга (обычно в лесу)’, а омоним со значением ‘употр<ебляется> как отклик на обращение’ отнесён к частицам [БТС, с. 51], что ещё раз свидетельствует о сложности выделения междометий в языке и их отграничения от других частей речи. Слово *гей* в САР определено как междометие зовущего [САР-1, ч. 2, стб. 31].

Другие междометия не столь детально расписаны, в одной статье приводятся разные коммуникативные ситуации, в которых слово может встретиться: *ай* – ‘удивляющегося, насмехающегося, испугавшегося’ [САР-1, ч. 1, стб. 13]; *ах* – ‘употребляемое к означению радости, скорби, гнева, удивления мом другого какого движения души’ [Там же, стб. 63–64], *ахти* ‘означающее печаль, сожаление или удивление’, в цитатной части приводится междометно-местоименный комплекс *ахти мне* [Там же, стб. 64], *а* – ‘междометие насмеятельное или поносительное’ [САР-1, ч. 6, стб. 406], *фу* – ‘междомет<етие> презрения, неудовольствия’ [САР-1, ч. 6, стб. 496], *эй* – ‘междомет<етие> кличущего’ [САР-1, ч. 6, стб. 1002].

Лексема *вот* отнесена в словаре к междометиям, у неё два значения: 1) се, 2) употребляется иногда вместо междом<етия> О! Отмечен также междометный комплекс *вот тебе на* ‘в просторечии употребляемое, означающее незапность, а иногда удивление или презрение’ [Там же, стб. 868]. Составители внесли в словарь слова *баю’* и *бай*, не включая их в междометия, определив как «слова неизменяемые, употребляемые с повторением для усыпления детей». В статье *баюкаю* поясняется: «Стараюсь усыпить младенца, приговаривая *баю’ бай*» [Там же, стб. 116]. В современном языке *баю-бай* и *баюшки-баю’* отнесены к междометиям. Обратим внимание, что в первом из них произошёл перенос ударения на первый слог в слове *ба́ю*, а во втором сохранилось ударение, зафиксированное в XVIII веке [БТС, с. 55, 63; ЕСТС, т. 1, с. 127].

Сходное по семантике и коммуникативной ситуации слово *лю, лю* отмечено как «междометие, употребляемое при качании и усыплении ребёнка» [САР-3, стб. 1372]. Приведены глаголы, образованные от него: *люлюкать, улюлюкать* с пометой *простонар<одное>*. Дается контекст: *Приговариваю лю лю и, качая дитя, усыпить стараюсь*. В словарную статью включено существительное *люлька* ‘зыбка, колыбель’ [Там же]. М. Фасмер обнаруживает такой же или близкий корень в украинском, болгарском, сербском, хорватском, чешском, польском, верхнелужицком, а также в немецком, шведском, древнеиндийском языках и отмечает его звукоподражательное происхождение [ФЭС, т. 2, с. 545–546].

Составители словаря отмечают склонность междометий к повтору. Лексема *ба* определена как ‘изъявляющее внезапное удивление’, отмечается «нередко же употребляется оное с повторением. *Ба, ба, ба! Откуда ты взялся?*» [САР-1, ч. 1, стб. 65]. Трижды повторяется междометие *ха, ха, ха* ‘изъявляемое при громком смехе’ [САР-1, ч. 6, стб. 497]. В современных словарях оно дается либо с двойным и тройным повтором и с дефиницией ‘обозначает смех, хохот’ [БТС, с. 1440], либо с упоминанием о повторе в определении: ‘употр. при обозначении, при передаче громкого смеха, хохота (обычно с повторением)’ [ЕСТС, т. 3, с. 744].

Междометие *хи* включено в САР без повторов, оно определено ‘изъявляющее смех’. От него образован глагол *хикаю* – ‘смеясь, выражаю слово *хи*’ [САР-1, ч. 6, стб. 530]. Современный словарь даёт это междометие с двойным и тройным повтором и отмечает, что оно обозначает негромкий смех. От него образован глагол *хихикать* [БТС, с. 1443; ЕСТС, т. 3, с. 758].

С тройным повтором дается в САР междометие *го, го, го!* которое не разделено на отдельные статьи, его определение дано в одной: «Междометие 1) угрожающего. 2) Выражение окликающего в лесу или в каком отдаленном месте. 3) употребляется к выражению гусиного крика» [САР-1, ч. 2, стб. 164].

Как видим, в третьей части дефиниции к междометиям отнесено и звукоподражание. В следующих статьях ономотопея повторяется: *гогочу* ‘кричу, выражая звуки го, го, го. Гуси гогочут’; *гоготанье* ‘крик гусиной, выражающий го, го, го’ [Там же]. Включено в словарь слово *хрю* ‘голос свиней’ и образованные от него глаголы и существительные: *хрюкаю*, *хрюканье*, *хрюкало*, *захрюкать* [САР-1, ч. 6, стб. 558–559]. Видимо, к звукоподражательным словам следует отнести междометие *хны* ‘междометие плачущего или начинающего плакать’ [САР-1, ч. 6, стб. 566]. Отмечены в словаре и междометные глаголы *бац*, указано его звукоподражательное происхождение [САР-1, ч. 1, стб. 112], *шмяк* ‘род междометия, означающего глухой звук упавшего влажного или мягкого вещества’ [САР-1, ч. 6, стб. 911]. Современные лексикографы отмечают у этого слова только быстроту действия и использование ономотопеи в функции сказуемого [БТС, с. 1502] или разделяют его на два омонима: 1) *предикатив разг.-сниж.* Обозначение падения, сопровождающегося соответствующим звуком, как действия; 2) *межд. разг.-сниж.* Употр. при обозначении звука, возникающего при падении, ударе [ЕСТС, т. 3, с. 882].

Относящееся в современном словаре к междометиям слово *аллилуйя* [БТС, с. 35; ЕСТС, т. 1, с. 51], в САР определено как слово несклоняемое с подробным изложением его происхождения и употребления [САР-1, ч. 1, стб. 22]. Такая же характеристика дана слову *аминь* [САР-1, ч. 1, стб. 30]. Современный словарь значение этого слова ‘в христианстве: употр<ебляется> в качестве заключительного слова молитв, проповедей и т. п.; истинно, верно, да будет так’ определяет как частицу, а дефиниция ‘употр<ебляется> как магическое заклинание от нечистой силы, злых духов’ дана с пометой *междометие* [БТС, с. 37]. Она выделена с помощью || – этот знак используется для «обозначения смыслового варьирования (оттенка значения), не выходящего за пределы данного значения» [БТС, с. 6]. Сходный подход к описанию этого слова отмечен в словаре Т. Ф. Ефремовой, отличие

заключается в том, что выделено 5 омонимов: существительное, предикатив, частица и два междометия [ЕСТС, т. 1, с. 57].

В САР отмечены историзмы, уже в XVIII веке утратившие употребление: *гиз* ‘в старину было произношение, идущего пред повозкою вельможи, которое махал на обе стороны палкою, кричал *Гиз* вместо: посторонись, дай дорогу’ [САР-1, ч. 2, стб. 40]. Междометие *гой* объясняется ‘старинное восклицательное’ и приводится пример *Гой еси доброй молодец* [Там же, стб. 176]. Однако это междометие используется как народно-поэтическое и в современном русском языке [БТС, с. 214].

В некоторых словах в САР встречается буква *іѡ* в тех случаях, где мы сейчас пишем *ё*: *кліѡцки*, *похліѡбка*, *тіѡзка* и др. У этого диграфа интересная история. 18/29 ноября 1783 года в доме директора Академии российской княгини Екатерины Романовны Дашковой (1743–1810) состоялось одно из первых заседаний этой академии. Обсуждался проект 6-томного «Словаря Академии Российской». В конце заседания Екатерина Романовна предложила включить в словарь диграф *іѡ* «для выражения слов и выговоров, с сего согласия начинающих, как *матіѡрый*, *іѡлка*, *іѡжь*, *іѡль*». Она подчеркнула, что «выговоры сии уже введены обычаем, которому, когда он не противоречит здравому рассудку, всячески последовать надлежит». Академики согласились с княгиней, тем более что эта буква ещё в 1735 году была предложена В. Н. Татищевым и В. К. Третьяковским Российскому собранию при Академии наук [Супрун, 2024г, с. 23].

Но для утверждения решение о включении буквы *іѡ* в словарь отправили митрополиту Новгородскому и Санкт-Петербургскому Гавриилу, который был заместителем председателя академии. Однако владыка высказался против этой буквы, он считал, что надо исправлять произношение, поскольку в церковнославянском языке перехода *Е* в *О* нет. В результате «о московском нарѣчїи оставлено прежнее положенїе академїи; то есть чтобы не правильной

онихъ выговоръ исправлять правописаніемъ Священнаго Писанія» [Супрун, 2024г, с. 23].

Однако, как видим, то ли академики пренебрегли мнением митрополита, то ли он сам смягчил своё решение, но через 6 лет эта буква нашла своё место на страницах словаря: Ежъ, простожѣ іѡжъ, умал<ительное> іѡжикъ [САР, т. 2, стб. 947]. Диграф іѡ встречался также в некоторых публикациях XVIII века и в переписке академиков. В ноябре 1789 года в оде академика Г. Р. Державина «Изображение Фелицы», опубликованном в журнале «Новые ежемесячные сочинения», встретилось такое написание: Изобрази Еіѡ мнѣ точно / Осанку, возрастъ и черты», но дальше использовал в тексте дважды церковную форму местоимения Ея (с. 65) [Супрун, 2024г, с. 23].

С датой этого заседания в наши дни произошёл любопытный случай. Кто-то из исследователей неточно понял идею Е. Р. Дашковой и предположил, что на заседании говорилось о введении в русскую азбуку буквы Ё. Это предположение было подхвачено журналистами и филологами-любителями, и 29 ноября было объявлено днём рождения буквы «Ё» [Супрун, 2024г, с. 24-25]. Несмотря на включение диграфа іѡ в Словарь Академии российской, он не получил серьёзной поддержки у писателей и был постепенно заменён буквой Ё. О её истории мы расскажем в подпараграфе 1.5.1.

Итак, Словарь Академии российской знаменовал собой новый этап в лексикографическом оформлении русской интеръективной лексики. В него включено большое число междометий разного происхождения и коммуникативного предназначения. Составители словаря относят к междометиям оноματοпею и междометные глаголы. В словаре ощущаются разные подходы академиков к лексикографическому оформлению междометий: от разделения разных значений в отдельные словарные статьи до включения в одно гнездо не только самих междометий, но и отмеждометных глаголов и существительных. Многие подходы к описанию интеръективной

лексики в САР находят своё продолжение в современных лексикографических изданиях.

1.5. Заимствованные междометия в русском языке

Поскольку междометия неразрывно связаны с историей языка, лингвокультурой народа, с его лингвоэстетическими и лингвопрагматическими представлениями, возникают в речи спонтанно при появлении какого-либо внешнего (реже – внутреннего) раздражителя, в этой сфере лексики трудно ожидать заимствования единиц из других идиомов. Однако межэтническими и межъязыковыми контактами сказываются и на этой специфической для каждого этноса сфере лексики. Прежде всего, заимствования происходят при устойчивых связях разных народов на протяжении длительного периода времени. Так, для народов Балканского полуострова существенными были многовековые контакты с турками, которые привели к появлению в их языках заимствований не только нарицательной лексики, но и междометий. Н. В. Боронникова и Е. В. Верижникова подробно анализируют функционирование междометия *аман* в македонском языке [Боронникова, Верижникова, 2011].

В русском языке также за многие века контактов с соседними этносами также обнаруживаются заимствованные междометия. Чаще всего они приходят в язык устным путём, поскольку эти единицы возникают в устной речи, закрепляются в ней, только потом становятся фактом языка, поэтому в словарях у них почти всегда встречается помета *разг*<оворное>.

Заимствованные междометия отражают разнообразные политические, экономические, культурные и прочие контакты русского народа с соседними и более удалёнными народами. «С 90-х годов XX столетия начинается процесс внедрения в русскую лингвокультурную среду первичных англо-американских интеръективов, в первую очередь, вау и йес! Основным

способом их интродукции становятся семиотически гетерогенные средства, используемые в рекламном и развлекательном дискурсе, в переводной американской, а затем и в отечественной кинопродукции» [Шкапенко, 2017, с. 22]. Войдя в язык-реципиент, эти слова включаются в его фонетическую систему, употребляются в соответствующих синтаксических позициях. Поскольку у заимствованных междометий нет этимологических связей с русскими словами, они относятся к примарным единицам, хотя могут иметь более сложный, чем традиционные первичные междометия, фонетический состав: *айда, ура, браво, алло* и др. [Супрун, 2024, с. 18]. Многие из них отмечены в Полном словаре иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке, М. Попова (ПСИС, с. 38, 61, 65, 78, 333, 433), что свидетельствует об их известности в начале XX века. В последнее время отмечается наплыв в русскую коммуникацию, особенно в молодёжной среде, заимствований из английского языка, в т. ч. активно употребляется междометие *вау* [Шкапенко, 2016]. При этом радители о культуре русского языка считают активное внедрение в речь англо-американских междометий *окей, вау* и т. п. засоряющим язык. М.А. Кронгауз высказывает недоумение по поводу их активного проникновения в русскую коммуникацию [Кронгауз, 2008, с. 24]. Т. М. Шкапенко на примере использования в разговорной практике носителей современного русского языка междометия *Йес!* считает, что «встраивание этноспецифичного американского языкового рефлекса, эксплицирующего ощущение победы и превосходства, в национальный фонд русских первичных междометий ведёт к переформатированию культурно-поведенческой матрицы носителей принимающего языка» [Шкапенко, 2023, с. 77].

1.5.1. Междометие *о* в русском языке и вокативный комплекс *о муза*

Некоторые междометия могут заимствоваться и в результате письменных контактов между народами и их языками. В греческом языке существует

звательный падеж (vocativus), слово в нём в некоторых случаях имеет особое окончание, перед ним всегда стоит ὦ. Эта единица в современных учебниках определяется как междометие, но фактически она выполняет ту же функцию, что и артикль в других падежах [Козаржевский, 2002, с. 16; Korusowie, 1994, s. 34, 274]:

Sg.	Pl.
Nom. ὁ ἄνθρωπος	οἱ ἄνθρωποι
Gen. τοῦ ἀνθρώπου	τῶν ἀνθρώπων
Dat. τῷ ἀνθρώπῳ	τοῖς ἀνθρώποις
Acc. τὸν ἄνθρωπον	τοὺς ἀνθρώπους
Voc. ὦ ἄνθρωπε	ὦ ἄνθρωποι

В произведениях древнегреческих поэтов и драматургов регулярно встречается обращение, которое может сопровождаться артиклем ὦ. В комедии Аристофана «Облака» встречаются вокативы: ὦ ἄνδρες Ἀθηναῖοι ‘граждане Афин’, ὦ Μοῦσα ‘Муза’, ὦ δόξα, δόξα ‘слава, о, репутация’, ὦ Σώκратες, ὦ Σωκρατίδιον ‘Сократ, дорогой Сократ’ [Luschnig, 2007, p. 274].

В русской классической литературе регулярно встречается междометие *о*, употребляемое в обращении в сочетании с существительным, прежде всего, в поэзии с существительным *муза*. Перед нами не что иное, как прямое заимствование греческого вокатива ὦ μουσα. Обращение к музе с междометием *о* заимствовано из греческого языка практически всеми европейскими и многими другими языками: англ. O muse, нем. O Muse, швед. O Musa, дат. O muse, ит. O Musa, румын. O muză, болг. О, муза, венг. Ó múzsa, албан. O muzë, литов. O mūza, груз. ო მუზა [o muza] и др.

Заимствованное из греческого языка междометие Ѡ регулярно встречается в текстах древнецерковнославянского языка: Зографское, Мариинское четвероевангелия, Ассеманиево евангелие-апракос, Саввина книга и др. (СтС, с. 769). В церковной службе использовалось междометие *о* в текстах песнопений и молитв: О, Всепетая Мати, рождшая всех святых

Святейшее Слово! – греч. Ω, Αγία Μητέρα, που γέννησε όλους τους αγίους, τον πιο ιερό λόγο! (кондак 13 Акафиста Божией Матери); О, преславнаго чудесе! Небесе и землі Царица <...> – греч. Ω, το ένδοξο θαύμα! Βασίλισσα του ουρανού και της Γης <...> (молитва Богородице). Столь широкое использование междометия в богослужебных текстах не могло не оказать влияние на русский литературный язык.

В XVIII веке практически все русские поэты посвятили свои произведения обращению к музе. М. В. Ломоносов в своих одах обращается к ней за помощью для воспевания событий в российской истории. В «Оде на день восшествия на престол ее величества государыни императрицы Елисаветы Петровны 1748 года» он просит: *О муза, усугубь твой дар, / Гласи со мной в концы земныя, / Коль ныне радостна Россия!* (здесь и далее примеры из: [НКРЯ]). Спустя 6 лет он пишет «Оду на рождение его императорского высочества государя великого князя Павла Петровича сентября 20 1754 года»: *Спеши, спеши, о муза, вслед / И, лиру согласив с трубою, / Греми, что вышнего рукою / Обрадован российский свет!*». В 1759 году он снова обращается к Елизавете Петровне с «Одой Ея императорскому величеству всепресветлейшей державнейшей великой государыне императрице Елисавете Петровне, самодержице всероссийской, на торжественный праздник тезоименитства Ея величества сентября 5 дня 1759 года и на преславные ее победы, одержанные над королем прусским нынешнего 1759 года, которою приносится всенижайшее и всеусерднейшее поздравление от всеподданнейшего раба Михаила Ломоносова»: «О муза, к облакам взлетая, Представь их раздраженный вид!».

Эта вокативная формула встречается в произведениях многих поэтов – современников М. В. Ломоносова. Михаил Матвеевич Херасков (1733–1807) обращается «к сатирической музе» (1760): «Оставь и не лишай меня, о муза! <...> Надень ты рубищи, о муза! и суму <...> Чему же мне велишь, о муза! Ты смеяться?»». В одной из «Од анакреонтических» (1762) он снова

просит: «Не оставь меня, о Муза!». Михаил Матвеевич в 1771 году написал поэму «Чесменский бой», в которой описал морскую битву в Чесменской бухте 26 июня 1770 года, где русский военный флот под командованием Алексея Григорьевича Орлова уничтожил сильнейшую турецкую эскадру. В ней он взывает: *О муза! удались от жалостных явлений, / С слезами не сливай войне приличных пеней, / И жалобы твои и слезы прекрати, / Со мной в турецкий флот, ко Чесме прелети.* Похожее обращение к музе содержится в его «эпической» поэме «Россиада» (1771–1779): *О муза! будь бодра, на крилах вознесися, / Блуди полночный час и сном не тяготися.*

Многие поэты XVIII века обращались в стихах и статьях друг к другу. Порой эти опубликованные в журналах произведения содержали значительный полемический посыл. Известны споры 1750-х годов о теоретических основах русского стихосложения между Василием Кирилловичем Тредиаковским, Михаилом Васильевичем Ломоносовым и Александром Петровичем Сумароковым (1717–1777). Они хлётко полемизировали друг с другом, устроили соревнование на лучшее стихотворное переложение 143 псалма, сатирически изображали оппонентов в своих произведениях [Осповат, 2005, с. 19].

Участвовали в этой полемике и менее талантливые поэты. Обергофмейстер Екатерины II и не слишком известный ныне поэт Иван Перфильевич Елагин (1725–1794), обращаясь к музе, прославляет своего учителя А. П. Сумарокова: *О муза! коль тебе позволит Сумароков, / Ты дай мне, дай хоть часть Горациевых сил <...>* (Эпистола к Сумарокову, 1753) [Поэты, 1972, с. 376–377]. В этой эпистоле он не забывает сделать выпад против «нашего пиита», под которым современники угадывали М. В. Ломоносова: *Или как наш пиит, вписав в свой стих Россию, / Любуется, сыскав к ней рифмою Индию* [Там же, с. 374]. Междометие *о* сопровождает

в тексте также обращение к учителю: Защитник истины, гонитель злых пороков, / Благий учитель мой, скажи, о Сумароков! [Там же, с. 372].

У А. П. Сумарокова также обнаруживается обращение к музе в эпической поэме «Димитриады» (1769), в которой он воспеваает Дмитрия Донского, победившего татар. Поэт надеется, что муза поможет ему и поэма понравится императрице Екатерине I: *О муза, всё сие ты миру расскажи / И повести мне сей дорогу покажи, / Дабы мои стихи цвели, как райски крины, / Достойны чтения второй Екатерины!* [АПС-1, с. 293; НКРЯ].

Обратим внимание на слово *всё* в этом отрывке. Такое его написание, кажется, впервые было включено в текст поэмы известным литературоведом, профессором Ленинградского университета Павлом Наумовичем Берковым (1896–1969) при подготовке «Избранных произведений» А. П. Сумарокова в 1957 году [АПС-3, с. 108], откуда эта запись попала в НКРЯ. В изданном в 1935 году сборнике стихотворений А. П. Сумарокова поэма «Димитриады» отсутствует [АПС-2]. Ни при жизни поэта в его рукописи, созданной 20 ноября 1769 года, ни в его посмертном «Полном собрании всех сочинений» такая запись слова не могла появиться [АПС-1, с. 293].

Буква *ё* впервые появилась в печати только в 1795 года. Как отмечает В. И. Супрун, первая публикация с этой буквой принадлежала ныне забытому поэту Ивану Ивановичу Дмитриеву (1760–1837), который в книге стихов «И мои безделки» опубликовал рифмованные слова с буквой *ё*: *огонёкъ – пенёкъ, василёчикъ – цветочикъ, безсмёртна* (так произносилось это слово в русском языке в те времена) и несколько раз в слове *всё*.

В 1797 году Н. М. Карамзин публикует вторую книгу стихов разных русских поэтов под названием «Аониды, или Собрание разных новых стихов» (первый сборник вышел в 1796 году). В ней в стихах как самого Н. М. Карамзина, так и иных авторов буква *ё* встречается 7 раз. Первый раз она употреблена в неподписанном стихотворении составителя «Опытная

Соломонова мудрость, или мысли[,] выбранныя изъ Экклезіаста». Внизу на странице на с. 176 он делает примечание: Буква *e* съ двумя точками на верху замѣняетъ *io* [Супрун, 2024в, с. 25]. Об истории буквы *io* мы рассказывали в параграфе 1.4.

Вокативный комплекс *O муза!* встречается в эпической (сатирической) поэме Якова Борисовича Княжнина «Бой стихотворцев» (1765), в переводе (переложении) сатиры Квинта Горация Флакка «Весёлая дорога», выполненном Иваном Семёновичем Барковым в 1763 году, во многих произведениях Василия Ивановича Майкова (1728–1778) и Михаила Никитича Муравьёва (1857–1807), в эпиталаме Юрия Александровича Нелединского-Мелецкого (1752–1829), в переводе поэмы «Энеида» Публия Виргилия Марона, которую переводчик Василий Петрович Петров (1736–1799) озаглавил «Еней», в сатирах Николая Петровича Николева (1758–1815), родственника и воспитанника Екатерины Романовны Дашковой, в одах Ивана Ивановича Хемницера (1745–1784), рано ушедшего из жизни талантливого баснописца, произведения которого посмертно издавались в XVIII–XIX веках в России 33 раза [Модзалевский, 1901, с. 307], в стихотворном обращении к Г. Р. Державину «Певцу Фелицы» Василия Васильевича Капниста (1758–1823) и в его же и др.

Николай Александрович Львов (1751–1803), Ипполит Фёдорович Богданович (1743–1803), Гаврила Романович Державин употребляют в стихах слово *Муза* с прописной буквы, хотя они, безусловно, знали, что у каждой из муз было своё имя: покровительницей эпической поэзии была Каллиопа, лирической поэзии – Эвтерпа, любовной поэзии – Эрато и т. д. [Мифы, 1992, с. 177-179]. В данном случае речь идёт об использовании слова в особом стилистическом употреблении, в возвышенном значении. В современном орфографическом справочнике русского языка подобные нарицательные слова, записанные с прописной буквы, названы условными именами собственными [РДК, с. 30].

Вместе с произведениями Г. Р. Державина, Василия Андреевича Жуковского (1783–1852), переводчика Гомера Николая Ивановича Гнедича (1784–1833) [Веденева, Супрун, 2022], В. В. Капниста и других русских поэтов вокативный комплекс *о муза* перешёл в XIX век. Его отделяют от последующего предложения то восклицательным знаком, используя при этом строчную букву в последующем слове, то запятой, слово *муза* пишут иногда с прописной буквы (В. К. Кюхельбекер, 1819), но чаще со строчной (С. С. Бобров, 1801–1804; Д. В. Давыдов, 1808; А. П. Бунина, 1811; А. А. Дельвиг, 1812–1813; Д. В. Веневитов, 1825 и др.), вводят в состав вокатива адъективное определение: *о муза робкая* (Д. Д. Минаев, 1862), *о муза русская* (М. А. Стахович, 1857), дополняют его характеристикой: *О муза, спутник дней моих* (В. Н. Григорьев, 1822) и т. п. Этот вокатив стал частью русской лингвокультуры, объектом цитирования после публикации стихотворения А. С. Пушкина «Памятник» (1836): *Веленью Божию, о муза, будь послушна, / Обиды не страшась, не требуя венца, / Хвалу и клевету приемли равнодушно, / И не оспаривай глупца.*

Во второй половине века этот вокативный комплекс сохраняется в поэзии Н. А. Некрасова (*О муза! Ты была мне другом* – Вступление к песням 1876–77 годов; *О муза! наша песня спета* – Музе, 1876), Я. П. Полонского (*Вечный твой Парнас, о муза, / Далек не тот, где боги / Наслаждались и ревниво / К бедным смертным были строги...* – Письма к музе. Письмо 2-е, 1877) и других поэтов, однако к концу века постепенно утрачивает пафос и используется в ироническом контексте: *Но – о муза! – и это действие имело успех* (А. П. Чехов. Письмо Александру Павловичу Чехову, 1887).

Междометие *о* используется в русской поэзии в обращении в сочетании с другими существительными: *О небо! смерть пошли скорей!* (Н. А. Некрасов. Вступление к песням 1876–77 годов). *О, вития! здесь не форум* (Я. П. Полонский. Письма к музе. Письмо 2-е). *О, Русь моя! Жена моя! До боли / Нам ясен долгий путь!* (А. Блок. На поле Куликовом). *О Русь! в тоске*

изнемогая, / Тебе слагаю гимны я (Ф. Сологуб. Гимны родине). О, Россия!
С нележкой судьбою страна... (Ю. Друнина. О, Россия!). О, мать моя,
Россия, Русь, / Незыблем трон твой златоглавый, / Люблю тебя, тобой
горжусь, / Многострадальной и державной (А. Чёрный-Соколов. Россия).

В. И. Супрун рассматривает сочетания первичного междометия *о* с секундарными междометиями *О Господи! О Боже! О дьявол! О чёрт!* как междометный комплекс [Супрун, 2024б]. В некоторых исследованиях делаются попытки разделять междометие *о* и омонимичную частицу *о*. Обычно различие определяется чисто пунктуационно: в отличие от междометия частица запятыми не выделяется [Галкина-Федорук, 2009, с. 138–141]; семантически же она, подобно междометию, «служит для выражения усилительного оттенка и чаще всего употребляется в восклицательном риторическом обращении или перед словами да, нет» [Савостина, 2011, с. 37]. Д. А. Савостина отмечает: «Грань между *о*-частицей и *о*-междометием крайне тонкая» [Там же]. В. И. Супрун полагает, что пунктуационный подход не всегда срабатывает: как показывают примеры выше, авторы в вокативах могут ставить и не ставить запятую после междометия [Супрун, 2024б]. Д. Э. Розенталь предлагает различать междометие *о* и омонимическую частицу путём замены междометия словом *ах* [РДК, с. 126]. Подобная замена вряд ли возможна как со стороны семантики, так и по стилистическим основаниям, но если отбросить эти нюансы, то в рассматриваемом вокативе *о муза*, в котором с точки зрения пунктуации употребляется частица, подобная замена может быть осуществлена. Отметим, что словари, включая издания последнего времени, частицу *о* не выделяют [БТС, с. 661; БАС, т. 13, с. 10–11].

Междометие *о*, заимствованное книжным путём из греческого языка, фонетически совпало в русском языке с собственным примарным междометием *о* ‘выражает какое-либо сильное чувство (чаще боль, страдание, тревогу, отчаяние)’ [БТС: 661]: О, как неприятно! О,

замечательно! Оно встречается и при утвердительных или отрицательных словах, усиливая их семантику: *О да! О нет!* (БТС: 661). Здесь также не всегда соблюдается пунктуационная строгость: *О, нет. Ведь я не насильник, / Не обманщик и не гордец* (А. Блок. Когда вы стоите на моем пути...). Словари не учитывают разговорное междометие *о*, использующееся для выражения неожиданности встречи с человеком, обнаружения предмета или возникновения события: *О, это ты! О, кошелек! О, выставка, надо посмотреть!* Это междометие также является собственно русским.

В Этимологическом словаре славянских языков в одной статье упоминается междометие *о*, зафиксированное в разных славянских языках, при этом не отделяется заимствованная единица, которая даже зафиксирована в явной церковнославянской форме *ǫ* и имеет книжное употребление, от народных форм в разных языках, отличающихся семантически и стилистически: серб., хорв. диал. *ó* ‘крик, которым отпугивают диких животных’, словац. *ó, o* ‘при обращении, просьбе, жалобе’, польск. *o* ‘о, ах, ох’, в-луж. *ho, hoŋo*, белор. *го* и др. [ЭССЯ, с. 70]. Пример из Успенского сборника *о милыи мои брате и гње* [УСб., с. 51] имеет церковнославянское происхождение и для доказательства древности междометия в праславянском языке вряд ли может быть использован. В словенском *ô* семантика скорби также может восходить к книжному языку, на который оказало влияние церковнославянское употребление грецизма. Заявление о том, что все примеры в статье *о* являются «чистым междометием без регулярных генетических и исторических связей» является преувеличением, поскольку историческая связь с церковнославянским языком, заимствовавшим междометие *ǫ* из древнегреческого языка, для некоторых контекстов употребления этого междометия выглядит убедительной.

Итак, междометие *о* в письменной русской речи появилось в результате заимствования из греческого языка. Большинство поэтов России XVIII-XIX

веков обращались в своих стихах к музе, вокативный комплекс *о муза* получил широкое распространение в письменной речи, по его образцу возникли обращение к другим лицам, топонимам, абстрактным и конкретным существительным. Попытки определить в вокативном комплексе *о* как частицу не вполне убедительны. В дальнейшем в русском устном языке возникло междометие *о*, выражающее какое-либо сильное чувство (боль, страдание, тревогу, отчаяние'), а также омонимичное междометие, не включённое в словари, использующееся при неожиданности встрече или обнаружении предмета.

1.5.2. Междометия *увы* и *эм* в русском языке

Сложную этимологию имеет в русском языке междометие *увы*. Некоторые составители этимологических словарей утверждают, что оно исконно русское [ФЭС, т. 4, с. 145; ШБЭС, с. 331]. Известный русско-немецкий филолог Макс (Максимилиан Романович) Фасмер (1886–1962) (см. о нём: [Супрун, Брысина, 2019]) сравнивает русское междометие *увы* с греч. *ὄά, οὐά, οὐᾶ, οὐάι* 'увы, о, горе', лат. *vāh, vaе*, гот. *wai*, авест. *avōi, vaūi* [ФЭС, т. 4, с. 145]. Фонетическое сходство в данных примерах с индоевропейскими языками наблюдается, однакостораживает стилистическое использование междометия в русском языке. Оно в основном используется в письменной речи и в текстах высокого стиля. Это заставляет усомниться в данной этимологии. Ещё больше сомнения вызывает эта этимология, когда мы сравниваем междометие *увы* с другими славянскими языками и русскими народными говорами. Оно отсутствует в них, его семантика передаётся другими междометиями: укр. та ба, ой леле, гай-гай, на жаль, белор. авохці, ды дзе там, эх-эх, чеш. *běda*, словац. *ala* (видимо, из венг. *alas*), польск. *niestety*, словен. *žal*, макед. за жал. Только в болгарском языке обнаруживается междометие *уви*. Известно, что болгарский и русский языки связаны с древнецерковнославянским: русский

в результате длительного взаимодействия языков и заимствования из языка церкви многих единиц и форм, а болгарский как наследник языка, созданного святыми равноапостольными Кириллом и Мефодием для славянского богослужения.

Советский учёный Павел Яковлевич Черных (1896–1970), автор Историко-этимологического словаря русского языка, считает, что междометие *увы* было заимствовано русским языком из древнецерковнославянского языка, в который, в свою очередь, оно пришло из греческого [ЧИЭС, т. 2, с. 281]. Славянские языки чутко относятся к последовательности звуков в пределах слога и слова. Ирина Борисовна Голуб подчёркивает, что благозвучие поддерживается наиболее характерным для языка соотношением в тексте гласных и согласных: «Гласные порождают благозвучие только в сочетании с согласными. Стечение же нескольких гласных, или зияние, искажает звуковой строй русской речи, затрудняет артикуляцию» [Голуб, 2001, с. 158]. В греческое междометие *οὐά*, *οὐᾶ* для устранения зияния вставлен эпентетический звук *в*, а конечный гласный заменен на славянский *ы*. Сербские и хорватские междометия *јао*, *авај*, вероятно, связаны с другим греческим междометием *οᾶ*, сербы и хорваты осуществили метатезу гласных в первом случае и поставили в начале характерный для славян протетический *ј*, а во втором – произвели вокалическую ассимиляцию и устранили хиатус, как и в русском междометии, с помощью согласного *в*.

Междометие *увы* обнаруживается в памятниках XI века: Синайской псалтыри и Супрасльской рукописи. В текстах междометие встречается в конструкции *оувы мьнѣ* [СтС, с. 724]. Эта конструкция отмечена в переписанных на Руси памятниках южнославянского происхождения, а также собственно русского, но с явным влиянием церковнославянского языка: Изборнике 1076 года [Изб.], в переводе сборника изречений IX века византийского происхождения «Пчела» [Пч.] и др. В памятнике середина XI

века «Сказание о Борисе и Глебе» этот междометно-местоименный комплекс отмечен 10 раз, из них в трех контекстах повторяется дважды; кроме того, один раз встречается *оувы намъ* [Библиотека, 1997]. Все приведённые контексты свидетельствуют о высоком стиле функционирования междометия, что является дополнительным свидетельством его заимствованного характера.

В русском языке междометие вошло в состав междометного комплекса *увы и ах*, к которому словарь делает помету *шутл.* [БТС: 1368]. В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитина отмечают его как поговорку, имеющую значение ‘восклицание, выражающее сетование по поводу чего-либо’ [БСРП: 678]. Оно фиксируется в текстах XIX века [НКРЯ]: Оконча историческое, подошло и романическое: пред отъездом своим вошел ко мне поручик Тилинг. Он говорил мне, что казаки взяли у него часы и деньги, но что он, зная право войны, на это не в претензии, а просит только, чтобы ему возвратили кольцо им любимой женщины. Увы! и ах! – я всегда склонен был к чувствам, обуревавшим душу г. Тилинга! (Д. В. Давыдов. Дневник партизанских действий 1812 года). Но увы и ах! Денег сих я всех вскорости лишился... (И. С. Тургенев. Бригадир). Но что же генерал? Увы и ах! Он представил собою горестный образец великого числа тех русских консерваторов, которые не понимают, что одного «консервативного вожделения» еще слишком недостаточно для того, чтобы быть способным охранителем добрых начал (Н. С. Лесков. Сеничкин яд). И, неловко поклонившись, Миша вышел... Гонорар – увы и ах! (А. П. Чехов. Персона).

Специфический фонетический состав имеет в русском языке междометие *зм / хм* ‘1. (обычно в ответной реплике). Выражает сомнение, недоверие, иронию. 2. Употребляется при затруднении или нерешимости сказать, произнести что-либо’ [БТС: 211, 1447]. Обычно нестандартный фонемно-фонетический облик интеръективных единиц свидетельствует об исконном их происхождении, они имеют в других языках многообразие

форм отражения на письме своего звукового состава: рус. тпру – англ. whoa, нем. brr, hey, фр. oh, исп. alto, ит. ehi, кит. 哇 [wā] и др.

Как отмечает В. И. Супрун, действительно, в неблизкородственных и неродственных языках русскому междометию *гм/хм* соответствует единицы со значительно отличающимся звукобуквенным оформлением: англ. um, ahem, hem, нем. äh, um, люксемб. bhub, ит. ehm, uhm, фр. hum, um, кит. 嗯 [en], иврит מַמַּמ [mma], корейск. 음 [eum] и др. Однако в греческом и славянских языках обнаруживается удивительное единообразие: греч. χμ, χμμ, белор., болг., серб. гм, хм, укр. гму, хм, польск., чеш., словац., хорв., словен. hm. Вопрос о том, является ли это совпадение заимствованием или общим восприятием фонации человека, нуждается в дополнительном изучении. Согласимся с мнением В. И. Супруна о том, что стоит задуматься о греко-славянских языковых связях при анализе истории этого междометия [Супрун, 2024б].

Итак, вслед за В. И. Супруном мы относим междометие *увы* к заимствованиям из церковнославянского языка, источником для которого послужило греческое междометие, поскольку оно не имеет соответствий в близкородственных славянских языках, кроме болгарского, неразрывно связанного с церковнославянским языком. Междометие *гм / хм* представлено единообразно во всех славянских языках и в греческом, но отсутствует в других языках (родственных и неродственных) Это заставляет предположить о наличии греческого влияния на функционирование этого междометия у славян.

1.5.3. Междометия, заимствованные из контактирующих языков

В России интерес к этимологическим разысканиям проявился уже в первой половине XIX века, помимо знаменательных слов, в словарях

рассматриваются и междометия. Александр Христофорович Востоков (1781–1864) в 1808–1809 годы работал над рукописью «Этимологическое словорасписание», которая им не была завершена, хотя им было собрано огромное количество слов, частично они были опубликованы после кончины учёного И. И. Срезневским и в начале XX века Сергеем Константиновичем Буличем (1859–1921). В 1835 году швейцарец Карл Филипп (Филипп Иванович) Рейф (1892–1872) опубликовал «Русско-французский словарь, в котором русские слова расположены по происхождению, или Этимологический лексикон русского языка» в 2 томах.

Спустя 7 лет издал свой этимологический словарь талантливый русско-белорусский филолог Фёдор Спиридонович Шимкевич (1802–1843). Его двухтомный труд назвался «Корнеслов русского языка, в сравнении со всеми главными славянскими наречиями и 24 иностранными языками» [ШКРЯ]. Названия языков даны в соответствии с научными представлениями того времени: белорусский язык назван литовско-русским наречием, чешский – богемским, кроме того, отдельно выделено моравское наречие, ещё сложнее представлены южнославянские языки: болгарское, боснийское, далматское, краинское, кроатское, рагузское, сербское, славонское, штирийское [ШКРЯ, ч. 1, с. XVII–XVIII]. Он использует лингвоним *украинское наречие*, хотя все источники, из которых он заимствовал слова, употребляют название малороссийский язык или малороссийское наречие [Там же, с. XXII]. В словаре хорошо представлены междометия с параллелями из других языков: А, межд. выражает 1. удивление, 2. догадку, 3. прост. насмешку, 4. прост. оклик. укр. а, бог. а [ШКРЯ, ч. 1, с. 1]. НУ, межд. прост. 1. употребляемое для понуждения к какому-нибудь действию [Там же, с. 159]. О! межд. служит к выражению удивления или вообще восклицания. [ШКРЯ, ч. 2, с. 1]. УХЪ, межд. употребляемое для выражения усталости, страха и сильного удивления [ШКРЯ, ч. 1, с. 107]. В 1880 году издал свой этимологический словарь Михаил Макарьевич Изюмов, он в основном пояснял заимствования

терминологического характера, междометия в нём не рассматриваются [ИОС].

В 1896 году в Тифлисе вышел в свет «Сравнительный этимологический словарь русского языка» Николая Васильевича Горяева, который можно назвать первым научным этимологическим словарём. В нём приводятся обстоятельные ссылки на другие языки с определением происхождения слова. Автор включает в словарь междометия: А (междом.), ср. с санскр. ā, греч. ᾶ, ᾷ, латин. ā, ah (фр. ah, ha), гот. и сред. в. нем. ō, литов. O, á, áá [ГСЭС, с. 1]; Ба! междом.: фр. bah!, англ. ba! [Там же, с. 8].

Следует подчеркнуть, что заимствованные междометия в языке-доноре могут соотноситься со знаменательными словами, однако при заимствовании они полностью теряют эти связи. Н. В. Горяев выдвигает предположение о том, что во время военных стычек с тюрками русские могли заимствовать их клич *ура!* ‘1. Боевой клич при атаке. // Клич воинов, выражающий одобрение чего-либо, восторг по поводу чего-либо. 2. Восклицание, выражающее воодушевление, восторженное одобрение’ [БТС: 1395], который образован от тюркского глагола *урмак* ‘бить’ [ГСЭС: 388]. Тюркскую этимологию поддерживал русско-американский филолог Роман Осипович Якобсон [Jakobson, 1959, p. 273]. Однако большая часть этимологов придерживается версии о заимствовании этого междометия из немецкого языка от глагола *hurgen* ‘быстро двигаться’ [ФЭС, т. 4, с. 166; ШБЭС, с. 335]. В. И. Супрун считает, что доказательством служит широкое использование этого клича у народов, далеких от тюркского мира: англ. *hooray, hurrah, hurray*, нидерл. *hoera*, швед., норв., испан. *hurra*, исланд. *húrra* и др. Это восклицание отмечено также у славян, непосредственно контактирующих с немцами: польск., словен. *hura*, чеш., словац. *hurá* и др., а также у венгров: *hurrá* [Супрун, 2024б].

Но всё же в русской интеръективной лексике представлены тюркизмы. Длительные и многообразные контакты с тюркскими народами привели к

появлению в русском языке междометия *айда* ‘употребляется как решительный призыв, приглашение отправиться куда-либо’ [БТС, с. 31]. Н. М. Шанский и Т. А. Боброва указывают на татарское слово *айдамян* ‘гонять, погонять’ [ШБЭС, с. 11], однако В. И. Супрун в современном татарском языке этот глагол не обнаружил [Супрун, 2024б]. В татарском и чувашском языках и диалектах используются его дериваты *айдур* ‘телега для возки бревен и т. п. тяжелых предметов’, чуваш. *айтур* ‘ропуск; волокуша; дроги’; *айдур аты* ‘лошадь, которая обычно возит трупы на кладбище’ [ТТЭС, б. 81]. Глагол сохранился в других тюркских языках: узбек. *haydash*, казах. *айдау*. Венгры, проходя с Урала в Европу и захватив по пути представителей тюркских племен, включили в свой словарный состав слова *hajt*, *hajtani* ‘гнать. водить’.

Междометие *айда* вошло в тексты русских писателей, оно отмечено в произведениях М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. И. Герцена, С. Т. Аксакова, Ф. М. Решетникова и др. Интересно, что первым его этимологию определил не лингвист, а писатель Павел Иванович Мельников-Печерский (1818–1883). В своём романе «В лесах» он не только даёт этимологическую справку, но и сообщает о распространении слова *айда* в России: *Айда – татарское слово, иногда значит: пойдем, иногда – иди, иногда – погоняй, смотря по тому, при каких обстоятельствах говорится. Это слово очень распространено по Поволжью, начиная от устья Суры, особенно в Казани; употребляется также в восточных губерниях, в Сибири* [Мельников-Печерский, 1976].

В некоторых случаях пути и время возникновения и заимствования междометия определить нелегко. Так, явно устным путём пришло в русский язык междометие *алло* ‘при разговоре по телефону означает: слушаю, слушай(те)’ [БТС: 35]. Вокруг его происхождения не только в русском языке, а вообще среди этимологов разгорелись нешуточные споры. Л. Гримбло в Синтетическом словаре французского языка определяет слово *allô* как заимствованное у американцев [GVS, p. 447]. Швейцарский

языковед Вальтер фон Вартбург (Walther von Wartburg, 1888–1971) также относит это междометие к заимствованиям из английского, он включил его в 18-й том, в котором описаны англицизмы. Автор описывает путь возникновения слова: вместе с телефонными аппаратами в 1879–1880 годах из США пришло междометие halloo, в котором начальный согласный отпал, а второй гласный назализировался, возникло слово allons; позже назализация исчезла, слово приблизилось к произношению англо-американского междометия hallo [WFW, p. 71].

Другую версию выдвинул знаменитый французский языковед Альбер Доза (Albert Dauzat, 1877–1955) в статье об арго (1929) и в своем этимологическом словаре. Возникновение междометия он приписывает Шарлю Бивору, который так преобразовал французское междометие allons 'ну'. А. Доза определил временем появления слова allô 1879–1880 годы, добавив, что позже на него оказало влияние английское междометие halloo / hallou / helloo [DDE, p. 26]. Биографы Шарля Бивора-Фейерейзена (Charles Bivort-Feiereisen, 1847–1920) отмечают, что этот уроженец Люксембурга основал в Париже Французскую телефонную компанию (Française des Téléphones) [LA, p. 63], что даёт дополнительные основания считать его автором междометия allô. В Интернете есть версия о том, что американский изобретатель Томас Эдисон в 1877 году в своем письме руководству телефонной компании из Питтсбурга высказал мнение, что лучшим вариантом телефонного приветствия является слово hullo, преобразованное из приветствия hello (https://weekend.rambler.ru/read/47281826/?utm_content=weekend_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink). Однако В. И. Супрун достоверного подтверждения этой истории не обнаружил [Супрун, 2024б].

В русском языке междометие *алло* появилось, видимо, в начале XX века. В неоконченном романе А. Н. Толстого «Егор Абозов», действие которого происходит в 1909–1910 годах, отмечена фраза: «Алло, алло, вы

слушаете?» [ЧИЭС, т. 1, с. 37]. В просторечии, возможно, не без влияния французского произношения, возникла форма алё. В последнее время это слово вошло в состав междометного комплекса *Алё, гараж!*, который пока не отражен в словарях. Его источник – фильм «Волга-Волга», в котором начальник управления мелкой кустарной промышленности города Мелководска Иван Иванович Бывалов командным голосом произносит по телефону фразу: «Алё, гараж? Заложите кобылу!». Фильм был снят в 1938 году, однако междометный комплекс вошел в употребление только в конце XX века. Его значение: ‘при обращении к собеседнику: Ты меня не слышишь? До тебя не доходит?’. Оно встречается в «кукольном романе» Л. С. Петрушевской «Маленькая волшебница» [ЛСП], впервые опубликованном в 1996 году в журнале «Октябрь». Н. В. Горланова в своем дневнике «Записки из мешка» дает пояснение слегка исправленному под литературный язык выражению: Алло, гараж! – когда молодые не слышат друг друга (Вера написала) [НВГ, с. 265] (первая публикация – в журнале «Уральская новь» в 2001 году).

К заимствованным междометиям из иврита относится слово *шабáш*. В НКРЯ указано, что эта единица отмечена 1449 раз в 875 текстах, однако в связи с тем, что в корпусе не учитывается место ударения, семантику и грамматические характеристики слова, вычленив из этого объёма междометие затруднительно. В современном русском языке имеются два слова с разным ударением и значением. Первое пришло из идиша через польское посредничество [ФЭС, т. 4, с. 391], о чём свидетельствует ударение на втором от конца слоге *ша́баш*. Оно стало употребляться по отношению ко всяким сборищам, обычно колдуний и ведьм, а также как название дикого разгула [БТС, с. 1488]. Его источником послужило слово из иврита *šabbāθ* ‘седьмой день недели, в который нельзя работать’. У иудеев неделя начинается после субботы.

Ранее славяне заимствовали у греков этот ивритизм, но называли им шестой день недели, а для дня отдыха образовали слово от глагола дѣлати и отрицательной частицы-приставки не-: др.-рус. недѣля, укр. неділя, белор. нядзеля, болг. неделя, серб. недеља, хорв., босн. nedjelja, словен. nedelja, польск. niedziela, чеш. neděle, словац. nedel'a. В русской языке это ветхозаветное слово заменили новозаветным *воскресенье*, однако в первом дне недели прежнее название седьмого дня отражено: *понедельник*. Слово же *неделя* было перенесено на все семь дней. Названия дней недели показывает, что суббота является шестым днём недели у славян: вторник 'второй день', четверг 'четвёртый день', пятница 'пятый день'. Однако при чтении библейского текста возникало затруднение: Помни день суббѣтнѣй, еже сватѣти его: | шѣсть днѣй дѣлай и сотвориши (въ нѣхъ) всѣ дѣла твоѣ. Въ день же седьмѣй – суббѣта гѣду бгѣу твоemu (Второзаконие, гл. 5, стихи 12–15). В данном случае слово *суббота* понимается как день, посвящённый почитанию Бога, а не как конкретное название дня недели.

Междометие *шабаши* 'команда полного окончания работы или объявления перерыва' [БТС, с. 1488], возникшее на основе заимствованного существительного *шабаши* (с переносом ударения на последний слог), является русским новообразованием [ЧИЭС, т. 2, с. 398]. Судя по примерам из НКРЯ, оно уже употреблялось в конце XVIII века в этом значении, первая фиксация обнаруживается в 1807 году (Ф. В. Ростопчин. Мысли вслух на красном крыльце российского дворянина Силы Андреевича Богатырева), до этого с 1721 года слово фиксируется как существительное, а М. В. Ломоносов даже включает его в примеры форм родительного падежа множественной числа: *шабашъ, шабашей* [Ломоносов, 1755, с. 88; Ломоносов, 1952, с. 463]. Следовательно, фактически это вторичное междометие, как и другие подобные образования в русском языке (*Караул! Дьявол!* и др.). Мы его включили в данную часть работы в связи с явным заимствованным характером слова, ощущаемым носителями языка.

Междометие *шабаш* отмечено в следующих примерах: *Шабаши!* — крикнул урядник, и весла ударились в лад об воду (А. А. Бестужев-Марлинский. Лейтенант Белозор. 1830). *Вот я, не будучи глуп, и бряк оземь да и кричу: "Шабаши, ребята!"* (М. Н. Загоскин. Искуситель. 1838). Составители Словаря А. С. Пушкина почему-то в примере из повести «Дубровский» увидели в слове *шабаши* сказуемое: – Подите по дворам. – сказал им Дубровский. – вас не нужно. – Шабаши, – промолвил Архип. – Спасибо, кормилец. – отвечали бабы – и тотчас отправились домой [СЯП, т. 4, с. 990]. В тексте речь идёт о том, что кузнец Архип объявил сторожам Василисе и Лукерье, что у них закончилась работа, т. е. ситуация соответствует первому определению слова в БТС. Впрочем, в академических словарях русского языка *шабаши* как междометие не выделено, но о его междометном употреблении свидетельствует дефиниция ‘восклицание, команда, употребляющаяся как сигнал окончания работы’ [БАС-1, т. 17, стб. 1224]. В МАС у слова *шабаши* не дана помета *междомет.*, как у других интеръективных единиц, но выделено также явно междометное значение ‘команда гребцам перестать грести’ [МАС, т. 4, с. 696]. Т. Ф. Ефремова выделила 4 омонима *шабаши*: первое слово связала с иудейским выходным, второе – со сборищем ведьм, перерыв в работе определила как существительное, а связанное с ним междометие дефинировала ‘возглас, выражающий категорическое требование прекратить что-л. и соответствующий по значению сл<овам>: довольно! кончено! баста!’ [ЕСТС, т. 3, с. 848].

Период конца XX – начала XXI века внёс свой вклад в появление нового заимствованного междометия в русском языке, ставшего чрезвычайно популярным. На волне широкого распространения англо-американских фильмов, поп-культуры, Интернета и других проявлений глобализации в русском языке появилось и стало активно использоваться междометие *вау*. Его прототип *wow* возник еще в 1510-е годы в Шотландии как выражение изумления. У него было три периода популярности: в начале

1900-х годов в англоязычном мире, в 1960-е годы в американском сленге [OED], с 1990-х годов – во многих языках мира. Заимствованное междометие приспособлялось к фонетике разных языков, прежде всего в области консонантизма: инициальный английский билабиальный звук [w] заменялся лабиально-дентальным [v], второй согласный [w] чаще всего представлен гласным [u]: рус., белор., укр., серб. вау, хорв., словен., фин. вау, грузин. ვაუ [vau], идиш וואו [vau] и др. В некоторых языках оба согласных заменены на гласный [u]: болг., казах. уау, казах. уау, албан., португ., румын. уау, греч. ούάου и др. Некоторые языки сохранили начальный билабиальный согласный: корейск. 와우 [wau], амхар. ዋዉ [wau], бенгал., тайск. วอว [wao], япон. ワオ [wa o]. Более сложные способы преобразования исходного английского междометия представлены в других языках: азерб., тур. вау, армян. վաւ [vau], тадж. вой, узбек. воу, исланд. vá, испан. гуау, вауа, фр. ouah, wouah, каталан. ваја и др. Нельзя в некоторых случаях исключить влияние не только английского языка, но и соседних идиомов.

В русском языке междометие *вау* активно встречается прежде всего в речи молодёжи вместе с другими сленговыми англицизмами-американизмами. С 1997 года оно попадает в художественные и публицистические тексты русских писателей, журналистов, деятелей культуры и искусства, живущих на Западе, часто выезжающих за рубеж или связанных творческой биографией с западными СМИ: В. П. Аксёнов, Н. Г. Медведева, А. Б. Журбин, Катя Метелица, В. Н. Скворцов и др. С нулевых критерий связи с англоязычным миром постепенно теряет свою актуальность, *вау* встречается в текстах самых разных русских и русскоязычных авторов. В настоящее время междометие *вау* включено в орфографический словарь, размещенный на портале «Грамота.ру» (<http://www.gramota.ru/slovari/info/lop/>). Новое междометие совпало с окказиональной записью слов, отражающих лай собаки или звук полета

снаряда. В «петербургской повести» «Поветрие», второй части дилогии «Бродячие силы» (1865–1866), В. П. Авенариуса (1839–1923) встречается такой контекст: Как собаки лают? Вау, вау! ВПА В очерке А. Веселого (Н. И. Кочкуров, 1899–1938) «Сильнее смерти» дважды встречается это междометие: Ззз... бумм... Ууу... вау... полетел их снаряд. Время от времени с визгом летят наши трехдюймовые снаряды, и нам хорошо видно, как они рвутся и градом осколков осыпают броню поезда. Вот опять... ууу... ввау... слышен лязг металла АВ, с. 238, 241. Разумеется, ни о какой преемственности между этими окказиональными междометиями и новым заимствованием из английского языка говорить не приходится, однако данные примеры показывают лингвокреативные возможности и способности носителей языка, стремящихся использовать звуко-буквенные средства для отражения различных фонаций.

Китайский язык в силу своей структурной организации с трудом включает иноязычные элементы в свой словарный состав, однако из-за глобализации, расширения влияния английского языка в мире в разговорную китайскую речь (прежде всего молодёжи) проникли этикетные междометия 嗨 [hāi], 拜拜 [báibái]. Возможно, английское междометие wow оказало влияние на появление китайского двусложного междометия 哇哦 [wā o], которое состоит из китайских примарных междометий 哇 и 哦 (оба с детерминативом 口), однако используется в тех же ситуациях, что и отмеченное английское слово.

Итак, заимствованные междометия приходят в русский язык устным и письменным путем, отражая разнообразные политические, экономические, культурные и прочие контакты русского народа с соседними и более удаленными этносами. Войдя в язык-реципиент, заимствования включаются в его фонетическую систему, употребляются в соответствующих синтаксических позициях. Поскольку у заимствованных междометий нет этимологических связей с русскими словами, они относятся к примарным

единицам, хотя и могут иметь более сложный, чем традиционные первичные междометия, фонетический состав. В русском языке активно используются заимствованные междометия, которые пришли из контактирующих языков: *ура* (немецкий первоисточник), *айда* (тюркизм), *алло* (галлицизм), *шабаш* (ивритизм). К заимствованным междометиям, пришедшим в русский язык устным и письменным путем из европейских языков, относятся также театральные возгласы *браво* и *бис* (итальянизмы), охотничьи команды *апорт*, *пиль*, *тубо* (галлицизмы), слова *стоп* (англицизм), *марш* (галлицизм), *виват* (германизм / латинизм), *баста* (итальянизм) и др. В новое время в русский язык вошло из англо-американского сленга и стало активно употребляться заимствованное междометие *вау*, которое получило распространение и в других языках, включая китайский. Изучение междометий позволяет обнаружить особенности этнолингвокультуры русского народа, выразительные возможности русского языка, его связи с лингвокультурами разных народов.

1.6. Междометные комплексы в русском языке

Носители русского языка для усиления эмоционально-экспрессивного воздействия речи прибегают к лексико-синтаксическому способу расширения объёма междометия, к созданию междометных комплексов. К первообразному междометию добавляются чаще всего местоимения *ты* или *вы*, реже – другие языковые единицы. В созданном междометно-местоименном комплексе *ты* «почти полностью утрачивает своё лексическое значение и интонационно сливается с междометием: *ах ты, ох ты, ух ты, их ты, ишь ты, эх ты, тьфу ты, фу ты, ну ты*» [Русская грамматика, 1980, с. 734]. За счёт десемантизированного местоимения междометие усиливает эмоциональную экспрессию междометия и обогащает эмоциональную окраску предложения.

Этот междометно-местоименный комплекс *ух ты* представлен в русских художественных текстах XVIII–XXI веков [Ду Сянь, 2021]. В литературном языке только он получило лексикографическое описание, будучи впервые зафиксированным в «Словаре современного русского литературного языка»: ~ *Ух, ты (ух ты). То же, что ух (во 2-м знач.). – Ээ, благодать-то какая! Ух, ты... льет-то как! Гладк. Лихая година, 9. – Ух ты! Ну и голова у тебя! Ляшко, Сладк. каторга, I, 19. Он подошёл к ребёнку и подкинул его к потолку. – Ух ты, какая у нас сегодня нарядница! Николаева, Битва в пути, 26 [БАС-1, т. 16, с. 1096].*

Междометие *ух* во втором значении имеет помету *разг.* и дефиницию: *Выражает чувство восхищения, удивления и т. п. перед силой, необычностью, величиной и т. п. чего-либо* [Там же]. Этот междометный комплекс не вошёл в 4-томный «Словарь русского языка», составленным на базе БАС-1, в нём была только уточнена дефиниция междометия *ух*: *Употребляется при высказывании, окрашенном каким-л. чувством (восхищения, удивления и т. п.)* [МАС, т. 4, с. 538]. В «Большом толковом словаре русского языка» комплекс *ух ты* вновь зафиксирован, указано, что он употребляется «в зн<ачении> междом<етия>» и дефинирован следующим образом: *Выражает сильное удивление, восхищение чем-л. необычным* [БТС, с. 1408]. Определение самого междометия *ух* указывает более слабое выражение чувства по сравнению с отмеченным в той же словарной статье комплексом: *Выражает некоторое удивление, восхищение перед необычностью величиной силой и т.п. чего-л.* [Там же]. Следовательно, словарь подчёркивает, что десемантизированное местоимение *ты* становится усилителем эмоционального воздействия междометия.

В Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) зафиксировано 577 примеров в 388 текстах с этим междометным словосочетанием (по состоянию на 07 января 2025 года). Первая фиксация относится к 1862 году, междометие встречается в произведении писателя-народника А.И. Левитова (1835-1878) «Погибшее, но милое создание»: – *Я твой на-чччальник! – Ух ты, рожка*

дурацкая! – *бесчестила его попечительница* [НКРЯ]. Оно встречается также в произведениях В. В. Крестовского, Н. Н. Алексева, Н. К. Михайловского, Н. П. Анненковой-Бернар, М. П. Арцыбашева, Д. С. Мережковского, Л. Н. Андреева и др. В повести М. Горького «Трое» (1900–1901) отмечен такой контекст: – *Седые – ничего... Седые – добрые... А вот которые рыжие – ух ты!* [Там же].

Анализируя комплексы междометий в русских художественных текстах, включённых в НКРЯ, мы рассмотрим их характеристики и функции. Как и отдельные междометия, комплексы, состоящие из примарного междометия и личного местоимения второго лица *ты*, используются для выражения эмоций, чувств, ощущений. Добавление к междометию местоимения *ты* усиливает эмоциональность комплекса, при этом местоимение десемантизируется, не является грубоватым, фамильярным обращением к какому-либо лицу и не выражает свои другие значения [БТС, с. 1355].

В следующих предложениях междометно-местоименный комплекс *ух ты* выражает чувства радости, восхищения (все примеры из [НКРЯ]):

1) О своём изобретении он рассказал товарищам-гимназистам. – Ух ты! – обрадовались они. – Вот это язык! А главное, простой – учить почти ничего не надо!.. [Степан Тимохин (Тим. Собакин). Эсперанто // «Трамвай», 1990].

2) – Дней через десять. – Ух ты! – обрадовалась Маша. – А школа? [Андрей Клепаков. Опекун // «Волга», 2016].

3) К удивлению моему, Лазарев обрадовался покупке («Ух ты, Ленинградский межзональный!»). [Б. Е. Клетинич. Моё частное бессмертие (2015) // «Волга», 2016].

4) – Ух ты! Поздравляем! Женечка! [Наши дети: Подростки (2004)].

5) – Ух ты! Замечательные рисунки! Я в восторге! [Наши дети: Подростки (2004)].

В художественных и публицистических текстах встречаются предложения, которые выражает сильное удивление, восхищение:

6) – Это жена моя, – шепнул тот в ответ. – Ух ты! – ухнул блондин. – Ребята, знакомьтесь, – сказал Марвич. – Это жена моя, Таня. [Василий Аксёнов. Пора, мой друг, пора (1963)].

7) – Я попросила бы вас, господа, похитить его и привести ко мне. – Ух ты! – воскликнул Гоша. – А награда? – снова вылез Тимоша. – Какая была бы награда? [Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)].

8) А там открылась глазам берёзовая рощица, целая большая семья выбежала навстречу и остановилась. – Ух ты!.. – сказал Егор. И вошёл в рощицу. Походил среди берёзок... [Василий Шукшин. Калина красная (1973)].

9) – А что такое сахарная пудра? – Наркотик. – Ух ты! А откуда у тебя наркотик? – Торговал когда-то. [Андрей Клепаков. Опекун // «Волга», 2016].

10) Арабская тахта. Самовар. Ух ты, японский магнитофон. Или, в конце концов, экзотическая собачонка. [И.Н. Вирабов. Андрей Вознесенский (2015)].

11) Выслушав Сараева, таможенник весело сказал: «Ух ты!» [Сергей Шикера. Выбор природы // «Волга», 2014].

12) На подъезде к потаенной деревеньке цивилизованная, частично асфальтированная дорога обрывалась окончательно, распадаясь на тропы и размытые, мотавшиеся из стороны в сторону колеи. – Ух ты! Таежный тупик! – Ничего себе! [М.В. Пегов. Вы не врач? (2013)].

В некоторых контекстах отмечаются сложные случаи усиления эмоциональной выразительности текста с помощью междометного комплекса:

13) – А-а! – пощупала она себя и тут же спохватилась, погрозила мне: – Ты эти вульгарные штучки оставь своим девицам, я – женщина серьёзная. – Ух ты! – Я бесстыдно уставился на встречную и обнаружил, что она совсем не старая и в глазах её, голубовато-водянистых, окружённых белыми ресницами, бесовство, чуть конопатое лицо дышит бабьей зрелостью и этаким самой себе присвоенным чувством превосходства над всеми, кого она зрит. [Виктор Астафьев. Обертон (1995–1996)].

14) – Ух ты, – рассердился он, – ну, Шалч, тебя не переговорить, всё тебе не так... [Булат Окуджава. Искусство кройки и житья (1985)].

15) Лутц застыл (ящерица на бицепсе тоже замерла), прицелился и спустил курок. Яблоко разлетелось вдребезги. – Ух ты! – вырвалось у Полины, но она тут же подобралась и, закусив губу, отвернулась. [В.Б. Бочков. Монтекристо // «Волга», 2012].

16) – Ух, ты, матушка! Да какая же ты большая! – воскликнул запорожец, пораженный громадностью города. [Н.Н. Алексеев. Татарский отпрыск (1896)].

В текстах НКРЯ отмечены и другие междометно-местоименные комплексы, в которых происходит интеръективизация словосочетания, однако эти единицы пока не включены в толковые словари. На их существование намекает орфографический словарь, который, однако, свидетельствует скорее о правописании подобных комплексов, а не об их междометной фразеологизации: *ты* в составе междометий и частиц пишется отдельно, напр.: *ах ты, ох ты, ух ты, ишь ты, вишь ты*, но *фу-ты, ну-ты* [ОАР].

В НКРЯ нами обнаружено 448 примеров в 288 документах с местоименно-междометным комплексом *ох ты* (по состоянию на 08 января 2025 года). Он выражает удивление, страх, сомнение и другие эмоции. Первая его фиксация относится к 1752 году. Русский поэт и теоретик стихосложения В. К. Третьяковский употребляет параллельно комплексы *ой ты* и *ох ты*, используемые в народной поэзии [Третьяковский, 2009, с. 106].

Ой ты полюшко полюшко чистое,

Ничево мне ты, поле, не родило,

Ох ты родило только рокитов куст.

Встречается этот местоименно-междометный комплекс в записанных в XVIII–XIX веках русских народных сказках: Ох ты, глупая старая баба, – в ответ сказал Иван царевич (Сказка о храбром и смелом кавалере Иване-царевиче и о прекрасной супружнице его Царь-девице, 1786). Часто в сказках

этот комплекс сопровождается междометием *гой*, возникшем из императива глагола *гойть* ‘лечить, способствовать выздоровлению’ и имеющем первоначальное значение ‘будь здоров!’ [ФЭС, т. 1, с. 427], и *еси* – исчезнувшей формой 2-го лица единственного числа глагола *быть* [БТС, с. 214]: Ох, ты гой еси, молодой юноша! (Сказка о Силе-царевиче и о Ивашке-белой рубашке, 1786); Тогда конь проговорил человеческим голосом: «Ох ты гой еси, добрый молодец, Иван-крестьянский сын!» (Сказка о тридесятилетнем сидне Иване-крестьянском сыне, и как сделался он чрез разум свой и хитрость великим царем, 1788); Ох ты, гой еси, Еруслан царевич, не видал я свету белого пятьдесят лет, и не топтать бы мне росы век по веки, как бы не попалась тебе старуха (Сказка о царевиче Артобазе Хиразовиче – сильном, могучем богатыре, 1794-1795) [НКРЯ].

Н. В. Гоголь в «Майской ночи, или Утопленнице» приводит слова украинской народной песни:

Ой, ты, мисяцю, мій мисяченьку, и ты, зоре ясна!

В романе И. И. Лажечникова «Басурман» (1838) междометный комплекс включён в свадебное причитание:

Ой ты, батюшка родимый!

Ты за что, за что прогневался

На своё ли дитя милое,

На свою ли дочь родимую,

Что отдать хочешь в чужи люди,

В чужи люди незнакомые,

На чужу, дальню сторону?

Во многих произведениях современной русской литературы встречается местоименно-междометный комплекс *ох ты*: Но вот примерно, что я услышал: Ох ты зверь, ты зверина, / Ты скажи своё имя... (Ю. О. Домбровский.

Хранитель древностей, ч. 2, 1964); Ох ты, пропал казак, – сказал Даренский. – От души поздравляю (В. Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 3, 1960); Ох ты, моя болезная! Ох ты, моя Васильевна! Ох, надоело мне вас провожать! (А. Солженицын. Матрёнин двор, 1960); И вдруг – ох ты! – у меня перед самым носом кирпич летит (Е. И. Чарушин. Тюпа, Томка и сорока, 1946). Для усиления эмоционального воздействия комплекс дополняется вторичными междометиями: Ох ты господи, да Метальников, к вашему сведению, ещё до революции во Францию уехал и заведовал в Институте Пастера отделом (Д. Гранин. Зубр, 1987); Как жалко... Ох ты боже мой! Ну что ж... (В. Драгунский. Девочка на шаре, 1963) [НКРЯ].

При обращении к двум и более адресатам в комплексе используется местоимение множественного числа *вы*: Девка-чернавка пришла в комнаты и смотрела, что лягушка делала; в то время лягушка открыла окошко и кликнула громким голосом: «Ох вы, буйные ветры! (Сказка девятая о лягушке и богатыре, 1787); Ох вы, молодые девушки! Все бы грусти ваши кончились, если бы вы замуж вышли (П. Ю. Львов. Роза и Любим, 1790); И теперь только увидел на краю поля берёзовый колок и пошёл к нему. – Ох вы, мои хорошие!.. (Василий Шукшин. Калина красная, 1973); Ох вы, мои грешные... Где же вы? (Валерий Володин. Повесть временных лет, 2011); Ох вы, мои друзья сердечные! Народец православный! (Феликс Кривин. Хвост павлина, 1981–1987); Ох, вы, сухари! Всё ещё рассуждаете? (Даниил Гранин. Искатели, 1954) [НКРЯ].

В целом можно отметить, что междометно-местоименный комплекс *ой ты* и отчасти *ох ты* в основном в цитирование фольклорных текстов либо в сами тексты устного народного творчества, свидетельствуя о народно-разговорной стихии их функционирования. Отметим также, что в текстах XIX века, несмотря на явное единство комплекса в составе текста, междометие часто отделяется запятой от местоимения *ты*.

Междометно-местоименные комплексы аналогичны междометиям, при употреблении они обычно отделяются от следующих предложений запятой

для разделения двух частей, иногда ставится восклицательный знак (все примеры взяты из [НКРЯ]).

(1) «Ух ты, как здорово!» – подумал Димка и спросил Густава <...> [Василий Аксёнов. Звёздный билет // «Юность», 1961].

Междометно-местоименный комплекс входит в состав предложения, образуя в нём две структурно отдельные части, но сохраняя смысловую общность. При переводе на другие языки необходимо сохранить это единство смысла.

Комплекс способствует повышению эмоциональной выразительности текста, делает его более ярким. Он усиливает эмоциональное воздействие отдельных слов и предложения.

(2) – Почему же вы, Сергей Кузьмич, удивились, когда я спросил про машину, если вы с самого начала знали, что у Гены в кармане были ключи от неё? – Ох ты какой! – Зарубин внезапно развеселился, даже усталость, казалось, прошла [Александра Маринина. Последний рассвет (2013)].

Междометно-местоименный комплекс может выступать в виде отдельного предложения. Известно, что наиболее характерной чертой междометия является то, что оно не имеет характерных лексических и формальных признаков [Шаронов, 2004, с. 661]. Таких примеров представлено немало.

(3) – Поверят, если у тебя будут следы от побоев. – Ух ты, – сказала она и замолчала [Андрей Клепаков. Опекун // «Волга», 2016].

(4) – Это жена моя, – шепнул тот в ответ. – Ух ты! – ухнул блондин [Василий Аксёнов. Пора, мой друг, пора (1963)].

(5) – Ах ты! – Он стиснул кулаки, и скулы у него налились [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)].

Следует также отметить, что эмоциональное выражение междометий неотделимо от конкретной интонации. Разные междометия используют

различную интонацию для выражения эмоций, а одно и то же междометие может выражать разные эмоции из-за интонации. М. Ю. Шалунова отмечает, что для установления семантического содержания данных единиц необходимо учитывать интонацию и контекст (речевую ситуацию). «Интонация определяет эмоциональную насыщенность интерактива, а ситуация является своеобразным стимулом к порождению междометного высказывания» [Шалунова, 2012, с. 85].

Итак, в современном русском языке происходят активные процессы интеръективизации слов и словосочетаний, в том числе и междометно-местоименных комплексов. Словари литературного языка не отражают всех случаев перехода сочетаний примарных междометий с местоимениями в единые комплексы, выполняющие роль усиления эмоционального воздействия текста, отражения чувств удивления, восхищения, при этом комплекс в большей степени выражает эмоции, чувства, ощущения, чем примарное междометие. Новые процессы интеръективизации слов и словосочетаний в современном русском языке нуждаются в дополнительном изучении.

Выводы по главе 1

С 1619 года в русской лингвистической терминологии используется термин *междометие*, созданный Мелетием Смотрицким как калька латинского *interiectio*. В 1755 году М. В. Ломоносов предложил конфиксальный вариант термина *междуметие*, он в дальнейшем не был принят, однако получил распространение в болгарской терминологии. В русской терминологии используется также заимствованный из латыни (не без влияния современных европейских языков) термин *интеръекция* и его дериваты, но он встречается только в специальных научных статьях, в педагогическую практику не проник.

Попытки учёных, начиная с античности и вплоть до начала XX века, объяснить происхождения языка с помощью междометной теории и сопряжённых с ней оноματοпоэтической, трудовых выкриков, звуковых жестов, оказались бесперспективными. Лишь незначительное число слов можно объяснить происходящими от междометий, звукоподражаний и других рефлекторных и эмоциональных возгласов. Глоттогенез неразрывно связан с антропогенезом, культурогенезом, социогенезом: только в процессе формирования человеческого общества возникла коммуникативная потребность в языке, которая была реализована в изначально сложных фонетико-фонологических, грамматических, лексико-семантических структурах и единицах.

Междометие является нерасчленённым выражением имеющегося душевного состояния человека (А. Вежбицкая), способно отражать эмоции и аксиологические интенции коммуниканта. Оно лишено морфологической парадигмы, синтаксически выступают в качестве самостоятельного предложения или изолированной части сложного предложения. Междометие является словом, оно является особой частью речи, не относящейся ни к знаменательным, ни к служебным частям речи. В русской лингвистике по отношению к междометиям учёные разделились на два лагеря. Отрицали место междометий среди частей речи языка Н. И. Греч, К. С. Аксаков, Д. Н. Кудрявский, Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. М. Пешковский, В. А. Богородицкий и др. Считали междометием словом с особым статусом в языке М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, А. А. Шахматов, И. И. Мещанинов, В. В. Виноградов, А. А. Реформатский. А. И. Германович, Е. В. Середа и др. Безоговорочно признают междометие в качестве лексической единицы и стремятся с разной степенью успешности их дефинировать практически все русский лексикологи.

По происхождению междометия делятся на первичные и вторичные. Первичные не соотносятся с другими частями речи, они чаще всего они являются односложными, реже – двусложными, при этом в коммуникации

односложные могут удваиваться и утраиваться. Их фонетический состав включает все гласные русского языка, но ограничен набором консонантов: й, х, ф, г, н, б, реже другие. Сочетание первичного междометия с местоимением второго лице единственного и (реже) множественного числа образуют междометный комплекс, в котором местоимением десемантизируется, но при этом усиливает семантику комплекса. Вторичные междометия соотносятся со знаменательными частями речи и словосочетаниями, которые теряют исходную семантику и употребляются в междометной функции. Междометия по своим семантическим показателям разделяются на несколько основных групп: эмоциональные, волеизъявительные, этикетные, бранные.

уже в первые русские словари составители включают междометия. В словаре Памвы Берынды отмечено 8 первичных междометий (а, агъ, ахъ, ѿгъ, гай, гай гай, ѿле, ѿле, уфъ) и впервые в отечественной лексикографии включены два вторичных междометия: бѣда и гóре. В дефинициях автор чаще всего используется синонимический способ, однако делает также попытки описать и прокомментировать слова: агъ – голос жалованья, ѿле – задивованья словко тое. Фёдор Поликарпович Поликарпов-Орлов в 1704 году подготовил и издал первый в России «Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище». В нём *впервые* в российской лексикографии используется термин *междометие*: ахъ – междометие сетующего, гой: междометие радующегося. Встречающиеся также поясняющие дефиниции: агъ – глас жаления и сетования по ком-либо. В «Немецко-латинском и русском лексиконе» (1731) русские междометия приведены как эквиваленты немецких. Впервые эта часть речи включена в прилагаемое к словарю пособие по русскому языку как иностранному «Элементарные знания русского языка (Anfangsgründe der Russischen Sprache)». В конце XVIII – начале XIX века четырьмя изданиями выходит «Церковный словарь» П. А. Алексеева, в котором междометия встречаются только в том случае, когда они используются в церковных текстах, но автором делается попытка определить семантику единиц: *насмеятельное, ругательное,*

попрекательное, поносительное, прискорбность означающее и др. В словаре дано также определение термина междометие.

Словарь Академии российской знаменовал собой новый этап в лексикографическом оформлении русской интеръективной лексики. В него включено большое число междометий разного происхождения и коммуникативного предназначения. Составители словаря относят к междометиям оноματοпею и междометные глаголы. В словаре ощущаются разные подходы академиков к лексикографическому оформлению междометий: от разделения разных значений в отдельные словарные статьи до включения в одно гнездо не только самих междометий, но и отмеждометных глаголов и существительных. Многие подходы к описанию интеръективной лексики в САР находят своё продолжение в современных лексикографических изданиях.

Заимствованные междометия приходят в русский язык устным и письменным путем, отражая разнообразные политические, экономические, культурные и прочие контакты русского народа с соседними и более удаленными этносами. Войдя в язык-реципиент, заимствования включаются в его фонетическую систему, употребляются в соответствующих синтаксических позициях. Поскольку у заимствованных междометий нет этимологических связей с русскими словами, они относятся к примарным единицам, хотя и могут иметь более сложный, чем традиционные первичные междометия, фонетический состав.

Междометие *о* в письменной русской речи появилось в результате заимствования из греческого языка. Большинство поэтов России XVIII-XIX веков обращались в своих стихах к музе, вокативный комплекс *о муза* получил широкое распространение в письменной речи, по его образцу возникли обращение к другим лицам, топонимам, абстрактным и конкретным существительным. Попытки определить в вокативном комплексе *о* как

частицу не вполне убедительны. В дальнейшем в русском устном языке возникло междометие *о*, выражающее какое-либо сильное чувство (боль, страдание, тревогу, отчаяние'), а также омонимичное междометие, не включённое в словари, использующееся при неожиданности встрече или обнаружении предмета.

Междометие *увы* к заимствованиям из церковнославянского языка, источником для которого послужило греческое междометие, поскольку оно не имеет соответствий в близкородственных славянских языках, кроме болгарского, неразрывно связанного с церковнославянским языком. Междометие *гм / хм* представлено единообразно во всех славянских языках и в греческом, но отсутствует в других языках (родственных и неродственных) Это заставляет предположить о наличии греческого влияния на функционирование этого междометия у славян.

В русском языке активно используются заимствованные междометия, которые пришли из контактирующих языков: *ура* (немецкий первоисточник), *айда* (тюркизм), *алло* (галлицизм), *шабаш* (ивритизм). К заимствованным междометиям, пришедшим в русский язык устным и письменным путем из европейских языков, относятся также театральные возгласы *браво* и *бис* (итальянизмы), охотничьи команды *апорт*, *пиль*, *тубо* (галлицизмы), слова *стоп* (англицизм), *марш* (галлицизм), *виват* (германизм / латинизм), *баста* (итальянизм) и др. В новое время в русский язык вошло интеръективное заимствование из англо-американского сленга *вау*, которое получило распространение и в других языках, включая китайский. Изучение междометий позволяет обнаружить особенности этнолингвокультуры русского народа, выразительные возможности русского языка, его связи с лингвокультурами разных народов.

Мы можем отметить, что в русском языке реально существуют междометно-местоименные комплексы, которые отмечены во многих

художественных и фольклорных текстах, однако, кроме комплекса *ух ты*, они не отмечены в словарях. Междометно-местоименные комплексы относятся к тому же классу слов, что и междометия. Сочетание междометия и местоимения ты делает всю междометную единицу более эмоциональной. Междометно-местоименный комплекс значительно расширяет экспрессию текста. Наличие междометно-местоименного комплекса делает выражение эмоций более разнообразным и ярким. Широкое использование междометий и междометно-местоименных комплексов в текстах художественной литературы и фольклора свидетельствует о том, что они являются неотъемлемой частью русского языкового сознания.

Глава 2. Функционирование междометий в текстах

2.1. Междометия в художественном тексте

Классическое определение текста гласит: «Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа, литературно обработанное в соответствии с типом этого документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объективированных разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую целенаправленность и прагматическую установку» [Гальперин, 2007, с. 18]. Известный российский лингвист Александр Иванович Горшков в своём учебнике «Русская стилистика» настаивал на том, что «текст как явление языкового употребления есть та реальность, которая непосредственно дана исследователю и в которой только может быть тот или иной стиль». Он утверждает: «Поэтому можно сказать, что стиль есть только там, где есть текст» [Горшков, 2006, с. 34].

Междометия широко используются авторами художественных текстов, которые стремятся отразить реальную жизнь языка. Они употребляются преимущественно в диалогах героев произведений. В русском художественном тексте, как и в целом в языке, междометия и междометно-местоименные комплексы используются для выражения эмоций, чувств и отражения языковой экспрессии, они становятся показателями коммуникативной ситуации, в которой находится человек. «Основная цель междометий состоит в том, чтобы показать, что чувствует говорящий в момент речи» [Рыжкина, 2009, с. 8]. Если все знаменательные и служебные части речи употребляются как в тексте, так и как самостоятельные языковые единицы, то междометия существуют только в тексте, вне текста невозможно определить их семантику. При этом вторичные междометия в большей степени имеют понятную семантику, её эмоциональную составляющую в отличие от

первичных междометий, значение которых в каждой ситуации может различаться, вплоть до противопоставленного.

2.2. Междометия в произведениях А. С. Пушкина

Александр Сергеевич Пушкин оказал существенное влияние на формирование современного русского литературного языка. Гений Пушкина смог органично соединить и развить единство разных пластов национального языка. В. В. Виноградов отмечал: «Язык Пушкина является истоком и источником всего последующего стремительного развития русского литературного языка, связанного с расцветом реалистических стилей художественной литературы» [Виноградов, 1949, с. 215]. По мнению учёного, «пушкинская реформа русского литературного языка разрешила проблему гармонического соответствия мысли и ее словесного выражения, по крайней мере, в области художественного творчества» [Виноградов, 1949, с. 201].

В произведениях А. С. Пушкина представлены все пласты русского языка, все особенности словоупотребления и словоизменения того времени. Естественно, не мог обойтись великий русский поэт в своём творчестве без междометий. Благодаря работе русских лингвистов над словарём А. С. Пушкина, мы можем обнаружить и проанализировать количественные и качественные характеристики интеръективной лексики в творчестве поэта.

Мысли о необходимости создания словаря творчества русского гения были впервые сформулированы в годы подготовки к столетию со дня его рождения. Однако первые попытки работы в этом направлении (В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт, А. И. Соболевский, С. А. Венгеров и др.) ощутимых результатов не принесли. В начале 1930-х годов в связи с приближающейся столетней годовщиной со дня смерти А. С. Пушкина было решено издать полное собрание сочинений поэта [АСП]. О трудностях с его изданием

рассказывается в статье директора Института русской литературы (Пушкинского Дома) Николая Николаевича Скатова (1931–2021) [Скатов, 1995].

Параллельно с этим была создана группа крупных российских лингвистов, которая начала работу над словарём языка А. С. Пушкина. Великая Отечественная война прервала деятельность группы, она была возобновлена в 1945 году в созданном годом ранее Институте русского языка АН СССР. Первый том вышел в свет в 1956 году, 4-й – в 1961-м. Ответственным редактором издания был академик В. В. Виноградов, он же написал предисловие [Виноградов, 2000]. Объём словаря включал 21191 словарную статью. В 1982 году был издан дополнительный том «Новые материалы к словарю А. С. Пушкина», в нём сдержалось 1642 словарные статьи из текстов первоначальных вариантов произведений. В 2000 году словарь был переиздан с дополнением около 1000 слов, отсутствующих в первом издании словаря. В работе над переизданием участвовала группа исследователей во главе с В. А. Плотниковой, которая написала предисловие к новому изданию [Плотникова, 2000].

В словаре содержится междометий, используемых А. С. Пушкиным в своих произведениях. В связи со сложностью дефинирования междометной лексики нее всегда учёным удавалось точно отнести ту или иную единицу к междометиям. Во втором издании в некоторых случаях дополнительно в квадратных скобках внесена помета [междомет.], однако это сделано непоследовательно, у многих слов помета отсутствует: *ай* [СЯП, т. 1, с. 35], *ахти* [Там же, с. 39], *ге* [Там же, с. 467] и мн. др. О междометном употреблении таких слов свидетельствует определение, включающее слова *возглас*, *восклицание* и пр. Представим пушкинские междометия в таблице.

Таблица 1. Частотность междометий в произведениях А. С. Пушкина

Ранг	Междометие	Количество употреблений	Цитата
1.	о	430	О, я им отомщу, отомщу... О витязь мой! завидую тебе.
2.	ну	199	Ну, пошел же, погоняй!
3.	ах	182	Ах, вот и дуб заветный.
4.	увы	73	Увы! всё гибнет: кров и пища.
5.	ай	35	Ай, ай!.. Ай, ай... Умру!
6.	ох	33	Ох, лето красное! любил бы я тебя...
7.	а	27	Но что же я спою? А, слушайте.
8.	вот	22	„Вот ужо тебе будет баня, и с твоею хозяйюшкою!“ Вот-на! какая весть!
9.	эй	20	Эй! водки! Граф, прошу отведать.
10.	горе	16	О горе: нет подруги милой!
11.	ба	15	Ба, ба, ба, Петр Андреич! Какими судьбами?
12.	ага, и	14	Ага! догнал тебя! стой! И, бабушка, затеяла пустое!
13.	эх	10	Эх, батюшка Петр Андреевич!
14.	беда, гей	9	Беда, беда! Царевич! Ляхи!

			Гей, вы – долой с дороги!
15.	ахти, ого, ух, господи владыко	7	Ахти, – жалобно закричала Егоровна. Ого, какой удалец! Ух! конечно – душе как будто легче. „Господи владыко!“ – простонал мой Савельич.
16.	батюшки	5	Ах, мои батюшки! На что это похоже.
17.	эк	4	Эк она звонит!
18.	эвое	3	(греч. εῖβοι). Эван, эвое!
19.	фора, цыц, то-то	2	В просонках фора закричит... То-то ж, смотри...
20	ге, гой еси, караул, ой, ой ли, у, цып-цып, чур, э э э	1	„Чем тебя наделили? что там? Ге! не рубли ли?“ Ой ты гой еси, Волга, мать родная! Ой ли!“, сказал обрадованный гробовщик. „У! как теперь окружена Крещенским холодом она! Караул: лови, лови. Ой, сестра, убей тебя боже. Только помни – чур с рассветом. Э э э, – вскричал он наконец, обнимая его. — сдарофо, тофно ли твой сдесь

В словаре отсутствуют данные о частотности некоторых междометий. Вторичные междометия *небо* [СЯП, т. 2, с. 797], *страх* [т. 4, с. 415], *ужас* [т. 4, с. 691] указаны с пометой «в знач. междометия», приведены убедительные примеры, но количество подобных словоупотреблений не указано: *Небо! Что с нею? что с тобою, Дона Анна? / Встань, встань, проснись, опомнись... – О небо! Где ж правота, когда священный дар, / Когда бессмертный гений – не в награду / Любви горящей, самоотверженья. Квириты гордые под иго преклонились!... / Кому ж, о небеса! кому поработились?* [т. 2, с. 797]; *Идут – идут к ее постеле; / В подушки прячется княжна / – И вдруг... о страх!., и в самом деле / Раздался шум. Я знаю: дам хотят заставить / Читать по-русски. Право, страх! Могу ли их себе представить / С Благонамеренным в руках!* [т. 4, с. 415]; *Где вольность и закон? Над нами / Единый властвует топор. / Мы свергнули царей. / Убийцу с палачами / Избрали мы в цари. / О ужас! о позор! О ужас... призрак исчезает! / Княжна в сетях; с ее чела / На землю шапка упадает* [т. 4, с. 691]. В словаре отмечены словосочетания *господи помилуй, господи помилуй и спаси, защити и помилуй, упаси и помилуй упаси и избави* с пометой [в знач. междом.] [СЯП, т. 1, с. 532].

В словаре представлены глаголы, образованные от междометий: *ахать* (2 употребления), *ахнуть* (15), *охать* (16), *охнуть* (3). Отмеждометное происхождение, как мы это видели в САР, имеет глагол *баюкать* (4), но само междометия *баю-бай* поэт в произведения не включил.

Итак, в произведения А. С. Пушкина встречаются междометия, известные из лексикографических источников и лингвистических работ того времени. Высокая частотность междометий *о* и *увы* объясняется высоким стилем, книжным характером текстов, в которых они употреблены. Междометия *ах*, *ай*, *ох* и др. свидетельствуют о народной составляющей речи. При описании жизни греков А. С. Пушкин использует заимствованные междометия *эвоэ* и *фора*. В значительной степени в творчестве поэта представлены вторичные междометия и междометные словосочетания: *горе*, *беда*, *страх*, *ужас* и др. А. С. Пушкин употребляет в текстах отмеждометные дериваты.

2.3. Междометия в пьесах А. Н. Островского

А. Н. Островский своими произведениями существенно, революционно изменил русский национальный театр. Героями его пьес стали простые русские люди: купцы, приказчики, стряпчие, трактирщики, свахи, лакеи, горничные и др. Со сцены прозвучал живой народный язык. Герои использовали просторечные и диалектные слова, народные фразеологизмы и поговорки, формулы русского народного речевого этикета, другие единицы с богатым лингвокультурным содержанием [Супрун, 2023, с. 167]. Одним из показателей разговорного и просторечного стиля речи является включение в тексты междометий, отражающих переживания человека, его реакции на внешние раздражители. Эта часть речи отсутствует в научных и публицистических текстах, в литературной прозе встречается только в диалогах, крайне редко отмечена в поэтических произведениях. При этом живая разговорная речь активно использует междометия и междометные комплексы, поэтому естественно, что эти единицы представлены в пьесах А. Н. Островского (все анализируемые примеры взяты из [АНО]).

Междометия составляют важную часть лексико-синтаксического состава текста пьес А. Н. Островского. Иногда они входят в число наиболее частотных единиц произведений: междометие *ну* 'употребляется как выражение нетерпеливого побуждения, призыва к действию' [БТС, с. 859] в пьесе «Не было ни гроша, да вдруг алтын» отмечено в 134 словоупотреблениях, в «Грозе» использовано автором 113 раз, в пьесе «Не в свои сани не садись» встретилось 71 раз (не все примеры можно легко отделить от аналогичной частицы).

В драматическом произведении просодика фиксируется на письме в ремарках путём использования глаголов говорения и сопровождающих слов или целых описательных конструкций: *вздыхая в сторону; горячо, задумчиво, с испугом, вскрикивает, громко во весь голос, строго, рыдая* и др. (все примеры из пьесы «Гроза» [АНО, т. 2]).

Среди междометий, используемых в пьесах А. Н. Островского, отмечены примарные и секундарные единицы. Большая часть первичных междометий состоят из стандартных фонем русского языка, они отмечены в словарях литературного языка. В связи со сложностью семантики этой части речи в лексикографических изданиях используются при описании единиц нестрогие, порой расплывчатые дефиниции. Отмечены три типа определений для примарных междометий: 1) употребляется как выражение боли, досады, эмоций (*ой*); 2) выражает эмоции (*эх*); 3) коммуникативный возглас (*эй*) [БТС].

Частотным в пьесах А. Н. Островского является междометие *ах*. Оно 31 раз встретилось в «Грозе», 17 словоупотреблений – в пьесе «Не в свои сани не садись», 68 раз – в пьесе «Не было ни гроша, да вдруг алтын». В словаре дано определение по второму типу: «выражает испуг, внезапное удивление, восхищение, сожаление, возмущение и т. п.» [БТС, с. 52]. В пьесах отмечены все оттенки этих разнообразных, сложных, часто противоположных чувств. Междометие встречается изолированно как самостоятельное предложение, в сложном предложении, в составе местоименно-междометного комплекса [Ду, 2022], в сочетании со вторичными междометиями:

Катерина. Ах!

Катерина. Ах! Скорей, скорей!

Катерина. Ах, беда моя, беда!

Катерина. Ах, какая скука!

Катерина. Ах, кто-то идёт. Ах, кабы ночь поскорее!..

Борис. Ах ты, Господи!

Борис. Ах, Кудряш, как она молится, кабы ты посмотрел!

Борис. Ах, кабы люди эти знали, каково мне прощаться с тобой!

Борис. Ах, не говори этого, Кудряш!

Варвара. Ах ты какой! [АНО, т. 1].

Междометие отмечено также в функции сказуемого, обозначая усиление действия (в словаре указано только «быстрое действие» [БТС, с. 52]):

Кабанов. Уж так тоскует, так тоскует, что ах!

Авдотья Максимовна. Ах, боже мой! Тятенька мне ничего не говорил об этом.

Авдотья Максимовна. Ах, нет, тятенька меня любит.

Авдотья Максимовна. Ах, нет, нет! – что вы это, ни за что на свете!..

Арина Федотовна. Ах, отстань ты от меня, почему я знаю.

Арина Федотовна. Ах, Дунюшка, как это интересно, кабы ты знала! [АНО, т. 1].

Фетинья. Ах, редкости какие!

Настя. Ах, уйдите, уйдите.

Настя. Ах, я так и знала.

Настя. Ах, это ужасно, ужасно! [АНО, т. 6].

Для указания на усиленное, продлённое произношение междометия драматург повторяет гласную букву:

Вихорев. (*Берёт себя за голову.*) А-ах! [АНО, т. 1].

Отличительной чертой многих междометий является их двух- или трёхкратное повторение. Оформляться на письме такие единицы могут как отдельные слова и с дефисным написанием как одна единица.

Катерина. Не трогай, не трогай меня! Ах, ах!

Катерина. Ах, ах, перестань. У меня сердце упало. Ах! [АНО, т. 2].

Анна Антоновна. Скажите, пожалуйста! Ах-ах-ах!.. (Качает головой.) [АНО, т. 1].

Второе частотное в русском языке междометие *ой* в пьесах «Не в свои сани не садись» и «Не в свои сани не садись» отсутствует, а в «Грозе» только дважды встречается в составе междометного комплекса *ой ли* ‘употребляется как выражение сомнения, недоверия: верно ли? так ли?’ [БТС, с. 705]:

Шапкин. Ой ли?

Кудряш. Что тут: ой ли! Я грубиян считаюсь; за что ж он меня держит? [АНО, т. 2].

В пьесах А. Н. Островского встречаются междометия *ох*, *эх*, *эй*. Дефиниции двух первых двух близки по описанию: ‘выражает сожаление,

печаль, боль и другие чувства’, ‘выражает сожаление, досаду, упрёк, укоризну’. Определение междометия *эй* дано по третьему типу: ‘возглас, которым окликают, подзывают, обращаются к кому-либо’ [БТС, с. 759, 1528, 1513]. Последнее междометие подробно рассмотрено Ю. А. Цофиной [Цофина, 2019].

Сравнение употреблений междометий *ох* и *эх* в пьесах А.Н. Островского показывает, что второе передаёт переживания героев с большей интенсивностью:

Вихорев. Ох, Максим Федотыч, страшно!

Русаков. Ох, Дунюшка, не верится мне...

Бородкин. Ох, кабы я на месте Максима Федотыча, я бы вам феферу задал.

Бородкин. Эх, Авдотья Максимовна, вспомните-с!

Бородкин. Эх, Авдотья Максимовна, грех вам!

Бородкин. Эх! загубила ты мою молодость!..

Русаков. Эх! (*Махнув рукой, отворачивается.*)

Степан (*один*). Должно быть, опять не выгорело! Эх, жизнь, жизнь!

Русаков. Эх, бестолков ты, сват [АНО, т. 1].

Кабанова. Ох, грех тяжкий!

Катерина. Ох, девушка, что-то со мной недоброе делается, чудо какое-то.

Борис. Эх, Кулигин, больно трудно мне здесь без привычки.

Катерина. Эх, Варя, не знаешь ты моего характеру.

Кудряш. Эх, Борис Григорьич, бросить надоть.

Кулигин. Эх, сударь! Дела, дела! [АНО, т. 2].

Елеся. Ох, не пугай, я и так пуганый.

Анна. Ох, Настя, и я прежде стыдилась бедности, а потом и стыд прошел.

Настя. Ох! Очень, очень любит.

Мигачёва. Ох, вернулись.

Мигачёва (*проходя мимо Насти*). Чай да сахар всей компании. Ох, не очень ли важно вы расселись-то.

Баклушин. Ох, этот ростовщик проклятый, опутал он меня по рукам и по ногам.

Мигачёва. Эх, Михей Михеич, племянницу-то вы голодом заморили.

Крутицкий. Эх, какой ты болтун [АНО, т. 6].

Специфически оформляются повторы обоих междометий: в них гласный второго междометия присоединяется к первому, а во втором в конце добавляется тот же тематический гласный:

Русаков. Охо-хо – палка-то по ним плачет.

Русаков Эхе-хе! Недаром пословица говорится: не бойся смерти, а бойся греха. [АНО, т. 1].

Современный словарь разделяет редуцированное междометие на три части: *э-хе-хе*. Междометие *эх* входит в состав сложного междометия *эх-ма* ‘употребляется для выражения досады, сожаления’ [БТС, с. 1528]:

Русаков (*поражённый*). Эх-ма, сват, состарелся я, а всё еще глуп [АНО, т. 1].

Петрович. Эх-ма! Прозевал [АНО, т. 6].

Местоименное наречие *как* в восклицательных предложениях употребляется для выражения высокой степени какого-либо состояния, признака, чувства. При описании междометия *ай* в словаре отмечается, что оно в этой же функции используется в сочетании со словами *как*, *какой* [БТС, с. 31, 410]. В пьесе «Гроза» эмоционально подчёркивает семантику прилагательного междометно-местоименный комплекс *ох как*:

Катерина. А горька неволя, ох как горька [АНО, т. 2].

Междометие *эй* используется в пьесах для обращения к другому человеку или окружающим людям. В речи Селиверста Потапыча Маломальского из пьесы «Не в свои сани не садись» оно свидетельствует о грубых манерах этого содержателя трактира и гостиницы, что подчёркивается также использованием местоимения *ты*:

Маломальский. Эй ты! Прибирай чай.

Маломальский (*допивает, стучит по столу и кричит*). Эй, молодцы!.. Прибирай всё, слышь ты, прибирай... (Стучит.) [АНО, т. 1].

В речи Дикого в пьесе «Гроза» грубость, невежливость снижается за счёт прилагательного *почтенный*, используемого как фамильярное обращение [БТС, с. 249], и формы множественного числа:

Дикой. Эй, почтенные! Прислушайте-ка, что он говорит!

Это междометие используется также безымянным героем:

Голос за сценой: «Эй, лодку!» [АНО, т. 2].

Междометия с нестандартным фонемным составом, приблизительно передающие фонации человека, являются своеобразным показателем лингвокультуры этносообщества, поэтому они значительно отличаются в записи на разных языках. Русское междометие *тьфу*, которое передаёт звук плевок и 'выражает презрительное отношение к кому-, чему-либо, раздражение, негодование и т. д.' [БТС, с. 1356], даже в близкородственных языках имеет фонетико-фонематические отличия при записи: укр. *тьху*, белор. *цьфу*. В неродственных и далёких по родству языках запись столь существенно отличается, что можно только удивляться избирательности фонематического слуха разных народов: англ. *ugh*, *pshaw*, швед. *usch*, фр. *rouah*, исп. *uf*, чеш. *fuj*, венг. *huh*, тур. *öf*, якут. *ньфу*, эстон. *phew*, кит 呃 [è], япон. うわー [uwa] и т. п.

В пьесе А. Н. Островского «Не в свои сани не садись» междометие *гм* используется для показа коммуникативных затруднений Маломальского:

Маломальский. Гм!.. Выпьем сперва-наперва.

Маломальский Гм... приходит это, примерно, ко мне...

Маломальский (*с важною физиономиею показывает на Бородкина*). Теперича этот молодец... гм!.. к примеру... (мигает глазом) то есть, примерно, приходит он ко мне...

Маломальский. Это, сват, со всяким может.... гм... потому захочет что сделать, если, примерно... как ты её удержишь или усмотришь... настоящее я тебе дело говорю...

Маломальский. Гм!.. (*Мигает глазом*.) Не бери!

Встречается оно и в речи других персонажей:

Степан. Гм! где ему служить!

Вихорев. Гм! Дело-то скверно!..

Бородкин. Они пошли-с... гм... недалечко-с... скоро придут... [АНО, т. 1].

В пьесах А.Н. Островского в большом количестве употребляются вторичные междометия. Православная жизнь русского народа отразилась в переходе вокативных конструкций со словами *Боже, Господи* в звательной форме и словосочетаний со словом *Бог* в именительном и косвенных падежах в междометия. Следует, однако, помнить, что действие произведений происходит в XIX веке, русские люди постоянно ходят в церковь, являются истинно верующими, поэтому для них в этих конструкциях междометная и религиозная функции строго не разделяются. Кроме того, некоторые сходные конструкции рассматриваются не как междометия, а как вводные слова, но при этом их дефиниции близки к междометным: *ей-богу* 'I. междометие. Употребляется для подтверждения чего-либо, уверения в чём-либо; в самом деле, действительно. <...> II. в значении вводного слова. Употребляется при уверении в чём-либо'. В пьесах отмечены вторичные междометия *ей-богу, Господи* 'выражает восторг, удивление, негодование и т. п.'; *Боже мой* 'выражает восторг, удивление, досаду, нетерпение и т. п.'; *Бог с ним / ней / ними* 'выражает прощение, примирение, согласие или, напротив, возмущение, удивление, упрёк' [БТС, с. 296, 222–223, 87, 86]:

Авдотья Максимовна. Нет, мне стыдно, ей-богу, стыдно!..

Русаков (*вбегая*). Где? Что? Господи! (Всплеснув руками.) Господи! не попусти!

Русаков (*садится к столу и подпирает голову рукой*). Господи, поддержи!

Авдотья Максимовна. Господи! измучилась...

Авдотья Максимовна. Ах, боже мой!

Бородкин. Вы не думайте, Селиверст Потапыч, чтобы я польстился на деньги, или там на приданое, ничего этого нет; мне что приданое, Бог с ним,

потому у меня и своего довольно; а как собственно я очень влюблён в Авдотью Максимовну.

Русаков. Коли кто из вас увидит её, так скажите ей, что отец ей зла не желает, что коли она, бросивши отца, может быть душой покойна, жить в радости, так Бог с ней!

Авдотья Максимовна. Ну, говорит, Бог с тобой!

Авдотья Максимовна. Бог с ними, и с деньгами, не в деньгах счастье [АНО, т. 1].

Борис. Ах, Боже мой!

Борис (*не видя Катерины*). Боже мой! Ведь это её голос!

Кабанов. Ах ты, Господи! [АНО, т. 2].

Мигачёва. Ах, Боже мой! [АНО, т. 6].

Современные словари определяют словосочетания *избави (помоги, сохрани, упаси) Бог* как междометие, которое выражает страх, боязнь при приближении, наступлении чего-либо чреватого нежелательными последствиями, а *прости, Господи* – в значении вводного слова ‘указывает на резкость высказанной оценки, суждения и т. п.’ [БТС, с. 86, 222]. Столь же противоречиво даны дефиниции коммуникативных единиц *Слава тебе, Господи!* – в значении междометия ‘выражает удовлетворение чем-либо’ [БТС, с. 222] и *Слава Богу!* – в значении вводного словосочетания ‘к счастью’ [БТС, с. 86]. Е. А. Фивейская описывает проблемы разработки междометий со словом *Бог* для толкового словаря [17].

В пьесах А. Н. Островского персонажи используют эти единицы с явно выраженным религиозным содержанием:

Борис. Сохрани Господи! Сохрани меня Господи!

Кабанов. Нет, маменька! Сохрани меня Господи!

Катерина. Нет, нет, не надо! Что ты! Что ты! Сохрани Господи!

Феклуша. Что за крайности, матушка! Сохрани Господи от такой напасти!

Борис. Сохрани меня Бог! [АНО, т. 2].

Крутицкий. Боже тебя сохрани!

Анна. Боже вас сохрани! [АНО, т. 6].

Обратим внимание на пунктуационное оформление этих выражений в пьесах А. Н. Островского. Драматург всегда обращение отделяет запятой, в данном же случае знака нет, поскольку высказывание воспринимается им как единый комплекс с утратой вокативной функции у существительного.

2.4. Междометия в романе А. С. Грина «Золотая цепь»

Произведения известного русского писателя Александра Степановича Грина (1880–1932) привлекали внимание русских и русскоязычных читателей своими приключенческими сюжетами, яркими картинками иноземной жизни, мужественными героями и очаровательными красавицами. Вместе с автором читатели погружались в экзотический мир неведомых зарубежных стран, с интересом следили за приключениями персонажей, носящих иностранные имена, живущих в городах со звучными топонимами, плавающих на судах и проводящих время в ресторанах и тавернах со знакомыми по приключенческим романам названиями. В произведениях писателя встречается полный набор названий кораблей и их частей, тропических растений и их плодов и прочей экзотики, которая служила аттрактивным средством, вызывающим неиссякаемый интерес к его творчеству [Супрун, 2024, с. 67]. Однако в использовании междометий он ничем не отличается от других русских писателей, выбирая для отражения эмоций персонажей традиционные единицы интеръективной лексики русского языка (примеры извлечены из [АСГ]).

В романе А. С. Грина «Золотая цепь» используются следующие первичные и вторичные русские междометия (таблица 1).

Таблица 2. Междометия в романе А. С. Грина «Золотая цепь»

Междометие	Количество единиц	% от	Значение
------------	----------------------	---------	----------

		общего числа	
Первичные междометия			
Ну Ну, ну Ну-ка	54 2 2 = 60	53,9	Употр. как выражение нетерпеливого побуждения, призыва к действию.
О О, да О нет О боже мой	2 3 1 2 = 8	7,1	Усиливает экспрессивность высказывания. Усиливает утверждение или отрицание. Выражает какое- л. сильное чувство (чаще боль, страдание, тревогу, отчаяние).
Ах Ах, ах	4 2x2 = 4 = 8	7,1	Выражает испуг, внезапное удивление, восхищение, сожаление,

			возмущение и т. п.
Эй Эй, эй	3 $1 \times 2 = 2 = 5$	4,4	Возглас, которым окликают, подзывают, обращаются к кому-л.
Гм	3	2,6	Выражает сомнение, недоверие, иронию.
Фу Ф-фу-у-у	2 $1 = 3$	2,6	Выражает укоризну, досаду, презрение, отвращение и т. п.
Эх	2	1,8	Выражает сожаление, досаду, упрёк, укоризну.
Ох, ох	2	1,8	Выражает сожаление, печаль, боль и др. чувства.
Ба	2	1,8	Выражает удивление,

			догадку, радость при встрече.
Ого	1	0,9	Выражает удивление, восхищение, одобрение и т. п.
Ага	1	0,9	Выражает злорадство, торжество, замешательство и т. п.
А	1	0,9	Выражает припоминание, узнавание при встрече, догадку и т. п.
Вторичные междометия			
Чёрт побери	5	5,3	Восклицание, выражающее удивление, восхищение или возмущение, негодование.
Подите к чёрту	1 = 6		Пожелание уйти прочь тому, кто надоел, от кого

			хотят избавиться.
Здравствуй	3	3,5	Приветствие при встрече.
Здравствуйте	1 = 4		
Боже мой	1	1,8	Выражает восторг, удивление, негодование и т. п.
Боже сохрани	1 = 2 (+ 2 с между- метием о)		
До свидания	2	1,8	Прощальное приветствие.
Ей-богу	1	0,9	Употр. для подтверждения чего-либо, уверения в чём- либо; в самом деле, действительно.
Стоп	1	0,9	Команда для прекращения движения, работы; стой! остановись!
Итого	112	100	

Всего в романе А. С. Грина используется 18 междометий в 112 словоупотреблениях. Более половины последних составляет междометие

ну, которое можно отнести в данном произведении к текстообразующим единицам и к особенностям идиостиля автора. Оно, прежде всего, ‘выражает призыв или побуждение к действию’ [БТС, с. 659]: – Ну, идём, – сказал Дюрок, – и я ступил следом за ним во двор [АСГ, с. 53]. Ну, берегитесь! [АСГ, с. 53].

Это междометие употребляется также как выражение удивления, восхищения или недовольства, негодования, иронии и других чувств [БТС, с. 659]: Ну, скажите, отчего это у меня было совершенно непоколебимое предчувствие, что как только уедем, явится женщина? [АСГ, с. 53]. – Ну, тогда долго рассказывать [АСГ, с. 57]. – Ну, знаете... У них, должно быть, большая шайка [АСГ, с. 72]. В сочетании с глаголом повелительного наклонения междометие усиливает угрозу: – Ну, смотри, Арколь! [АСГ, с. 69].

Частица *-ка*, присоединяясь к междометию, смягчает его побудительность, придаёт оттенок непринуждённости, простоты обращения [МАС, т. 2, с. 10], но при этом в междометии усиливается семантика глагольности, поскольку обычно эта частица сочетается с глаголами повелительного наклонения (*ответь-ка, достань-ка, давай-ка*): Ну-ка, посторонись, мальчик [АСГ, с. 5]. В сочетании с вопросительным местоимением междометие усиливает вопросительность предложения, при этом придавая тексту непринуждённость: – Ну что, опять, говорят, свалился?! [АСГ, с. 17]. – «Ну, кто там?! – громче сказал первый, – в кубрике свет; эй, молодцы!» [АСГ, с. 6]. Междометие *эй* используется для оклика собеседника: Эй, юнга, посади нас к себе, и мы поговорим, здесь очень сыро [АСГ, с. 6]. Эй вы, мясо акулы! [АСГ, с. 6]. — «Эй, эй, что у меня в р у к е?». [АСГ, с. 16]. Междометие *ба* используется при явном или мнимом, как в тексте романа, удивлении: – Ба! – произнесла она, медленно вставая, и, притворно зевнув, обвела бессильно высокомерным взглядом толпу лиц, взиравших на сцену с молчаливой тревогой [АСГ, с. 108]. Удивление,

восхищение и другие сходные эмоции передаются с помощью междометия *ах*: – Ах, Молли, красotka Молли! [АСГ, с. 68]. – Ах, и ты тоже Санди? [АСГ, с. 69]. Коммуникативные затруднения собеседника отражаются с помощью междометия *гм*: – О нет! – сказал Эстамп. [АСГ, с. 8]. – Но мы... гм... слышали о нем. — В самом деле, — продолжала Дигэ, — такая масса денег на... гм... прихоти. [АСГ, с. 85]. – А , – может быть!.. Может быть... – забормотал Гро. – Гм... Санди! [АСГ, с. 125]. Междометие *ей-богу* используется для подтверждения чего-либо, уверения в чём-либо: Он был подвыпивши. Ей-богу! Поцеловал руку. Честь честью! [АСГ, с. 42].

Междометия используются в диалогах персонажей или во внутреннем монологе главного героя Санди Пруэля. Характерной стилиеобразующей чертой писателя является повтор междометий: *ну, ну; ах, ах; ох, ох; эй, эй*: Ну, ну, я пошутил. Повторами характеризуется речь Молли: — Ах, ах! — вскричала она. – Молчите, молчите! [АСГ, с. 114]. – Ох, ох! — сказала Молли.— Ну как же он не знал? [АСГ, с. 113].

Междометия не только отражают эмоции персонажей, но и усиливают коннотацию последующих за ними слов: Гнусный – о, какой гнусный! – смех был ответом Патрику [АСГ, с. 4]. Входя в состав предложения, междометие теряет свою интеръективную функцию, становясь главным или второстепенным членом предложения: Боже сохрани тебя болтать обо всем этом! [АСГ, с. 6].

При переводе этого произведения на китайский язык переводчику придётся прибегать к сложным решениям, учитывая многозначность дефиниций междометий, различия в силе выражаемой ими экспрессии (прежде всего у примарных междометий). Например, в исследовании монаха Линя «

Меньше проблем обнаруживается при переводе вторичных междометий, для которых в китайском языке имеются относительно

эквивалентные единицы: Чёрт подери! – 该死! О боже мой! – 哦, 我的上帝! Здравствуй – 你好! До свидания! – 再见! и т. п.

2.5. Междометия в диалектном тексте

В народной речи в силу её повышенной экспрессивности количество и структура первичных междометий значительно расширяется, чем повышается уровень эмоциональной выразительности высказывания. Усложнённая фонетическая структура способствует усилению экспрессии. Т. С. Коготкова справедливо пишет, что «в диалектной системе как бы сосредотачивается максимальный набор средств экспрессивного выражения» [Коготкова, 1979, с. 80]. В различных русских диалектах используются примарные междометия с усложнённой фонетической структурой: *аихма*, *аихмах* ‘восклицание, выражающее горе’, *ахти-хти* ‘выражает удивление, сожаление и т. п.’, *ачев*, *айй* ‘выражает удивление, изумление’, *аяё* ‘выражает ощущение боли, ужас’ [СРНГ, т. 1, с. 219, 298, 301], *охма*, *охмак* ‘выражает досаду, сожаление, горечь, разочарование’ [СРНГ, т. 24, с. 39] и др.

Помимо междометия *ой*, которое «выражает чувства боли, испуга, недоумения, радости, сомнения и т. п.» [СРНГ, т. 6, с. 103], также отмечены более сложные единицы. В русских говорах используются варианты деривационного расширения междометий за счёт фонетических добавок, суффиксации и особых лексических элементов, образующих междометный комплекс с основным междометием *ой*: *ой-ё* ‘выражает удивление; поддразнивание в шутливом разговоре’, *ой-ей-еюшки* ‘выражает удивление’, *ой-ёченьки* ‘выражает испуг’, *ой-ой-оченьки* ‘выражает удивление’, *ой-ой-ошеньки* ‘восклицание от боли’, *ой-этта* ‘выражает удивление’, *ой-бай*, *ой-пурмой* ‘выражает чувство боли, испуга, недоумения, радости и т. п.’, *ой-оно-то* ‘выражает чувство боли, недовольства трудными обстоятельствами, тяжёлой жизнью’ и др. [СРНГ, т. 6, с. 103-104].

В данных случаях носители народной речи прибегают к фонетическим средствам усиления экспрессии междометий. Несмотря на сложный фонетико-фонологический состав некоторых из них, мы должны отнести эти единицы к первичным междометиям, поскольку для расширения объёма слова используются асемантические повторы и звуковые добавки. Обратим внимание, что в состав этих междометных дериватов входят известные по первичным междометиям звуки [х] и [й], а также сонорный [м], добавляющий экспрессию в новое слово. В литературном языке этот звук отмечен в междометии *эх-ма*, используемом для выражения досады, сожаления [БТС, с. 1528]. В одном из сложных междометий используется суффикс *-ушк-*, придающий деривату уменьшительно-ласкательный оттенок значения.

Междометно-местоименный комплекс *ох ты / вы* используется как обращение к кому-нибудь, выражающее упрёк, укоризну, насмешку [СРНГ, т. 24, с. 21]. Оно может входить в более сложный комплекс *ох ты маченьки* ‘употребляется при выражении удивления, страха, недовольства и т. п.’ [Там же]. В междометном комплексе может опускаться местоимение, он приобретает вид *ох-маченьки* с тем же значением [Там же]. Последнее слово может выступать в качестве самостоятельного междометия, оно зафиксировано в 1887 году на Урале: *маченьки, междом. Восклицание, выражающее сожаление* [СРНГ, т. 18: 55]. С этой лексемой связано междометие *мача-куча*, которое используется в фольклорных текстах для выражения удивления, восхищения. Правда, лексикографы не заметили, что оно входит в междометный комплекс, начинающийся междометием *ах*: *Замечает Зоря Кручинин, что во дворце убранство, пространство, ах, мача-куча! Вельск. Арх., 1917* [СРНГ, т. 18, с. 55].

Слово *маченьки*, вероятно, является уменьшительно-ласкательным дериватом от *мачка* ‘1. Родная мать, матушка. 2. Бабушка. 3. Попадья’ [СРНГ, т. 18, с. 56]. Переход [т] > [ч] отмечен также в слове *мачеха, мачешник, мачишник* ‘растение мать-и-мачеха’ [СРНГ, т. 18, с. 56]. Деминутивно-мелиоративное именование матери используется в качестве междометия и в

литературном языке: *матушки (мои)!*; *матушки светы* ‘выражает изумление, испуг, радость’ [БТС, с. 525].

Эти усложнённые междометия могут входить в русские пословицы, причём можно предположить, что некоторые из них возникли в результате характерной для фольклора рифмовки: *Ой-ой-ошеньки! Болят боченьки; бока болят, а лежать не велят* [ПРН, т. I, с. 667].

В словаре русского литературного языка междометие *ой* помечено как *разговорное*, у него выделено несколько значений: 1) употребляется как выражение неожиданной боли, испуга; 2) употребляется как выражение досады, сожаления, предупреждения о возможных трудностях; 3) употребляется как выражение радости, восхищения и т. п.; 4) употребляется для эмоционального подчёркивания высокой степени проявления какого-либо признака. Особо выделено использование междометия *ой* в фольклоре с пометой *народно-поэтическое* ‘при обращении к кому-, чему-либо с целью усиления эмоциональной выразительности’. Приводится цитата из народной песни: *Ой, мороз, мороз, не морозь меня!* Междометие входит в состав словосочетаний *ой как* и *ой какой*, которые имеют адвербиальное значение ‘в высокой степени, очень’, а в сочетании с частицей *ли* сохраняет междометную функцию и ‘выражает сомнение, недоверие; верно ли? так ли?’ [БТС, с. 706].

В словаре русского литературного языка междометно-местоименный комплекс *ой ты* не выделен, тогда как в русском фольклоре он широко используется в былинах и песнях для эмоционального воздействия на слушателя и для подчёркивания идущих после него слов. Комплекс может выражать удивление, боль, неудовлетворенность, жалость и другие эмоции. Т. В. Матвеева отмечает, что «диалекты, языковые нормы которых не кодифицированы, более свободны в использовании разнообразных ресурсов родного языка с целью усиления выразительности речи» [Матвеева, 2013, с. 7].

Междометно-местоименный комплекс *ой ты* является зачином многих русских народных песен. Он может сопровождать антропоним, являясь своеобразным введением его в текст песни:

Ой, ты Грунюшка, Груняша,

Груня – ягодка моя [Веретенников, 2014, с. 25].

В известной свадебной песне междометно-местоименный комплекс *ой ты* подчёркивает тревогу девушки и печаль её отца, ожидающего разлуки с дочерью:

Посидела дева молода

На дубовой на лавочке,

Возле красна окошечка,

Поглядела на зелёные луга:

– Ой ты батюшка, родной батюшка,

Это кто едет по широкому полю?

– Ой ты, дитяtko, это едет разлучник,

Разлучить хочет от родного батюшки,

Приютить хочет ко лихому ко свёкору,

Ко лихой ко свекровушке! [Круглов, 1978, с. 7–8].

Этот же комплекс отмечен в свадебных корильных песнях, в которых персонаж-адресат не восхваляется, а порицается. Они относятся к тем участникам свадьбы, по «вине» которых девушка выходит замуж. В них комплекс *ой ты* усиливает эмоциональное воздействие текста, предваряя обращение к дружку жениха, которого характеризуют негативно:

Ой ты, друженька —

Рожа прямищею!

Ой ты, друженька —

Зенка скляницею! [Круглов, 1978, с. 7–8].

Этот комплекс является также лирическим зачином известной русской народной песни, в которой первоначально воспевались красоты степи и Волги.

Ой ты, степь широкая, широкая, раздольная!

Ой ты, Волга-матушка, Волга вольная!

Затем эту песню подхватили донские казаки, убрав из текста название реки и актуализировав свою удаль и свободолюбие:

Ой, ты, степь широкая,

Степь раздольная,

Широко ты, матушка,

Протянулася.

Ой, да не степной орёл.

Подымается,

То донской казак

Разгуляется.

В этой песне начальное междометие может заменяться на другие единицы: междометия *ах, ох*, частица *уж* [Вардугин, 1999, с. 185]. Подобного рода междометно-местоименные зачины встречаются и в других русских песнях: *Ах ты, душечка; Ах ты, ноченька; Ой, да ты, калинушка; Уж ты, поле; Уж ты, сад* [Такун, 2005].

Фольклорные мотивы широко используются различными русскими писателями. Они цитируют народные песни, содержащие междометно-местоименные комплексы, создают свои тексты с этими единицами. Русский поэт Василий Кириллович Тредиаковский (1703–1769) в своей статье

«Мнение о начале поэзии и стихов вообще» (1752) в качестве примера анапеста из «наших подлых, но коренных стихов» приводит текст песни:

Ой ты полюшко полюшко чистое,

Ничего мне ты, поле, не родило,

Ох ты родило только рокитов куст [Тредиаковский, 2009, с. 106].

В истории языка фиксируется также междометно-глагольный комплекс *ой еси* в тексте XVII века [СРЯ, вып. 12, с. 315].

Междометие *ай* в русском языке используется для выражения боли, испуга, упрёка, насмешки. Оно часто встречается в виде повтора: *ай-ай-ай* [БТС, с. 31]. В диалектах междометие фиксируется как *айяя* и используется для выражения удивления [СРНГ, т. 1, с. 225]. В диалектной речи оно имеет другую семантику: используется как восклицание, выражающее отказ (что-либо делать), пренебрежение к какому-либо предложению; нет. – *Сходил бы за грибами. – Ай, не пойду. – Хочешь, пойдём гулять? – Ай, не хочу.* В этом значении междометие *ай* зафиксировано в Псковской и Смоленской губерниях. Известный русский фольклорист, преподаватель Псковской духовной семинарии Иван Константинович Копаневич отметил это междометие в своём собрании областных слов Псковского уезда и губернии, хранящемся в рукописном отделе Библиотеки РАН [СРНГ, т. 1, с. 139; Лиценко, 2017, с. 182–199]. Исходя из дефиниции в словаре, в данном случае можно говорить, что происходит переход междометия в частицу.

Для выражения удивления используется фонетически осложнённое междометие *ай-та*. Оно встречается в различных районах Псковской губернии [СРНГ, т. 1, с. 225]. На Урале и Дону отмечено подзывное императивное междометие *ай-ты* ‘иди-ка сюда’ [Там же], представляющее собой междометно-местоименный комплекс, который, однако, используется с существенно преобразованной семантикой. Обычно местоимение *ты* в составе междометно-местоименного комплекса служит для усиления

выражения эмоции, чувства, ощущения [Ду Сянь, 2021а, с. 113]. Возможно, в этом комплексе мы имеем дело не с местоимением *ты*, а с фонетическим вариантом постпозитивной морфемы *то*, как и в предыдущей единице.

В русской диалектной речи встречаются и другие междометия, не отмеченные в литературном языке. Антонимичными междометиями, зафиксированными Владимиром Ивановичем Далем в своём словаре, а также юристом и этнографом-любителем Павлом Андреевичем Мулловым (1832–1893) в рукописи, которая также хранится в рукописном отделе Библиотеки РАН, являются *авава* и *акика*. Они используются диалектоносителями на Камчатке и в Восточной Сибири для отражения температурных ощущений: *авава* «аяй, холодно, студено, морозно»; *акика* «ой жарко, горячо, ожёгся». Второе междометие используется также как окрик кучера или верхового ездока: «прочь, сторонись, ожгу!» [ДТС, с. 2, 8]. В последнем случае обнаруживается перенос ощущения ожога от огня или горячего предмета на жгучую боль, жжение в результате удара, ср.: *ожечь* ‘вызвать ощущения жгучей боли, жжения; ударить, хлестнуть, причиняя такую боль’ [БТС, с. 704]. Синонимичное междометие *прочь*, включённое В. И. Далем в дефиницию, выражает требование уйти, отодвинуться, убрать и т. п. [БТС, с. 1038].

Фонетическим вариантом первого температурного междометия является единица с усиленным произношением звука [в]: *аввава*. В 1930-е годы в селе Павловском Барнаульского округа Е. П. Молчанова записала такой контекст: *Аввава, – заколел (говорят, войдя в избу в сильный мороз, постукивая средними суставами пальцев друг о друга и дуя в них)* [СРНГ, т 1, с. 196].

Побудительным является диалектное междометие *алё*, которое соответствует императивам *иди, пойдём*; оно широко распространено в народных говорах, отмечено от Владимирской области до Красноярского края, от Тулы до Северной Двины [СРНГ, т. 1, с. 233]. В контексте оно может переходить в сказуемое: *Взял шапку и алё!* [Там же].

В новгородских и смоленских говорах встречается междометие *авой*, выражающее изумление, негодование и т. п. [СРНГ, т. 1, с. 198]. Русский этнограф и фольклорист Владимир Николаевич Добровольский (1856–1920) включил его в свой словарь со следующим контекстом: *Авой, моя мамынька* [ДСОС, с. 4]. С редупликацией последнего слога междометие *авой-вой* выражает изумление, испуг и т. п., оно отмечено в новгородских, тверских, олонекских говорах [СРНГ, т. 1, с. 198]. В междометии *авой-воюшки* используется суффикс *-ушк-*, который придаёт деривату уменьшительно-ласкательный оттенок значения (см.: [Ду Сянь, 2021б, с. 71]).

Междометия используются в народной культуре во время обрядов. В. Н. Добровольский отмечает в своём словаре междометие *авле*: «Радостное восклицание во время обряда кумления». Даётся пространный комментарий по его употреблению: *Во время наполнения духовских песен и обрядов крестьянские девушки в Орловской губернии меняются серьгами, крестами и образами, целуются через венок, сплетенный из березок, воспевают «кукушку» и сами в песне перекликаются, как кукушки: Авле! кукушка ряба!.. Авле! да кому ж ты кума?* [ДСОС, с. 3–4]. Думается, что данная единица является припевкой, используемой в народной песне и только примыкающей к междометиям, поскольку она не выражает чувств, ощущений, душевных состояний человека и его эмоциональных реакций на происходящее. Ср. описание слова *люли* в словаре: употребляется в припевах русских народных песен [БТС, с. 510].

В СРНГ приведено междометие *адяк*, с помощью которого выражается удовлетворение или неудовольствие чем-либо [СРНГ, т. 1, с. 209]. Оно способно в контекстах употребляется в качестве сказуемого: *Когда результат какого-нибудь дела получился хороший, то говорят «адяк» повышенным веселым голосом и коротко, и, наоборот, когда результат дела получился плохой, то тоже говорят «адяк», но пониженным печальным голосом и несколько протяжно, напр., над моим посевом несется сильная туча с градом;*

ну, думаю, теперь адяк, останусь без хлеба; глядь, град пошел в другую сторону, а на мой посев пролил только сильный дождь, ну и адяк! Хлеб вышел на славу [Там же]. В этих примерах в диалектной речи отражен редкий случай, когда на семантику междометия влияет его интонационное оформление.

Негодование, отрицание выражается с помощью междометия *аёв*: *А-ёв, нявууж буду делать!* [ДСОС, с. 5; СРНГ, т. 1, с. 209]. В СРНГ дана не очень ясная дефиниция этого слова: «вот, ай». С помощью суффикса *-очк-* образуется междометие с ласкательным оттенком значения *аёвочка* [СРНГ, т. 1, с. 209]. В смоленских говорах встречается междометие *азаська*, используемое для отказа в просьбе с императивным оттенком значения: *иди прочь, не дам* [ДСОС, с. 6].

Литературное междометие *ах* ‘выражает испуг, внезапное удивление, восхищение, сожаление, возмущение и т. п.’ [БТС, с. 52] представлено в народной речи осложнёнными дериватами: *ахма, ахмак, ахмах, ахте, ахти, ахти-хти, ахьян*: *Ахти-хти, как нам замуж-то идти* [СРНГ, т. 1, с. 297–298]. В песне оно может приобретать вид *ахи*, вероятно, для соблюдения ритма: *Ахи, матушка, баран, государыня, баран* [ДСОС, с. 17].

С начальным *у* в литературном языке используются только междометия *ух* и *уф*, которые выражают некоторое удивление, восхищение перед необычностью, величиной, силой и т. п. чело-либо [БТС, с. 1408]. Народная речь богаче количеством междометных единиц с этой инициальной: *ужо-те* – «подождите» (императивный оттенок значения) [СРНГ, т. 47, с. 5], *ужотто*, ‘выражает угрозу, обещание доставить неприятности’: *Я вас ужотто!* [Там же, с. 6], *узю* – ‘слово, выражающее недоверие’ [Там же, с. 31], *уй* – ‘1. Выражает чувство испуга. 2. Выражает чувство удивления, восхищения, радости’: *Она [дочь] така, уй, боева!* [Там же, с. 41]. В СРНГ не определено значение междометия *узо*. Судя по контексту и параллельному употреблению междометия *ой*, оно выражает сожаление, печаль, предупреждение о возможных трудностях: *Узо, свет ты чадо милое, Уж куда ты собираешься?*

Узо тебе-то, чадо милой, Ой, ой, ой, Не ложить бы буйну голову, Ой, ой, ой!
[Там же, с. 31].

В русских диалектах представлены междометия с фонетическими и суффиксальными наращиваниями. Они используются в различных коммуникативных ситуациях для передачи эмоционального состояния говорящего или поющего, отражения его отношения к окружению. Широко представлены в народной речи междометные комплексы различного состава и разной эмоциональной нагрузки

2.6. Особенности перевода русских междометий на китайский язык

В ходе перевода текста с одного языка на другой переводчику приходится прибегать к сложным решениям, учитывая многозначность дефиниций междометий, различия в силе выражаемой ими экспрессии. Прежде всего это касается перевода примарных междометий. Так, русскому междометию *ой* ‘1. Употребляется как выражение неожиданной боли, испуга. // Употребляется как выражение внезапно замеченного упущения, оплошности; неожиданно возникших обстоятельств. 2. Употребляется как выражение досады, сожаления, предупреждения о возможных трудностях. 3. Употребляется как выражение радости, восхищения и т. п. 4. Употребляется для эмоционального подчеркивания высокой степени проявления какого-либо признака’ [БТС: 706] соответствуют английские слова *ouch, aw, oops, oh, whoa, ow*, французские *aïe, oh, oh la la, ouille*, немецкие *oh, ah, och, ach*, чешское *au*, китайское 哎哟 [āiyō], греческое *ωχ* и пр.

Меньше проблем обнаруживается при переводе вторичных междометий, для которых в разных языках имеются единицы с относительной эквивалентностью.

Русские междометно-местоименные комплексы также вызывают затруднения при переводе на китайский язык, в котором подобные структуры отсутствуют. При переводе следует учитывать усиление эмоционального содержания междометия и передавать его компенсационным способом с помощью дополнительных компонентов или китайских слов с более интенсивным эмоциональным содержанием [Ду Сянь, 2022].

На основе корпусного метода исследования китайский русист Ван Сюань провёл анализ возможностей передачи эмоционально-экспрессивной окраски междометия “Ах” при переводе русских художественных произведений на китайский язык [王旋, 2020, 页面 184–186].

И в русском, и в китайском языке одно и то же междометие может выражать несколько эмоций. И наоборот, одна и та же эмоция часто выражается с помощью разных междометий. Русский местоименно-междометные комплексы *ах ты* в основном выражает гнев, сожаление, печаль, восхищение, удивление и другие эмоции. Это демонстрируют русские художественные тексты (все примеры взяты из НКРЯ).

(1). *Месяц умер, синее в окошко рассвет. Ах ты, ночь! Что ты, ночь, наверху?* [В. П. Катаев. Алмазный мой венец (1975-1977)]. В этом тексте местоименно-междометный комплекс *ах ты* выражает эмоцию печали. На китайский язык *ах ты* можно перевести как 唉 – выражение грусти и печали.

(2). *Ах ты господи, – изумился Сысоев, – а как же забор голубой?* [Булат Окуджава. Искусство кройки и житья (1985)]. В этом предложении *ах ты* выражает эмоцию удивления, что усиливается непервичным междометием *господи*. В китайском переводе можно использовать 哎呀 – выражение удивления.

(3). *Вправду ополоумел! Ах ты вражина! Ах проститутка!* [Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей, часть 3 (1978)]. Местоименно-

междометные комплексы *ах ты* в этом предложении выражает гнев. В китайском языке для выражения этой эмоции обычно используется слово 咳.

При переводе на китайский язык местоименно-междометного комплекса *ух ты* возможно использование двух разных переводческих решений. В первом случае следует подобрать соответствующее китайское междометие: 嗨, 嘿, 咳, 哈 и т. д.

(4). Анеточка, 2004. 08. 1208: 43. *Ух ты! Поздравляем! Женечка!* [Наши дети: Подростки (2004)].

(5). Анеточка, 2004. 09. 0208: 03. *Ух ты! Замечательные рисунки! Я в восторге!* [Наши дети: Подростки (2004)].

Оба предложения выражают эмоции радости и счастья. В китайском переводе можно использовать междометие 嘿, которое служит для выражения сходных эмоций.

Можно также для перевода местоименно-междометного комплекса *ух ты* использовать китайское наречие 真是 ‘действительно’. Общий контекст китайского предложения при этом соответствует выраженной в русском языке эмоции.

(6). – *Во жизнь у Марусечки, а! Ух ты хулиганка такая! Котят принесёт — и опять на блядки. Ну что, ну что?.. жмурится, ишь!* [Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001]. В этом предложении *ух ты* выражает эмоцию гнева (напускного), но обычные китайские междометия не могут полностью передать эту эмоцию, поэтому целесообразно использовать наречие 真是. Предложение *Ух ты хулиганка такая!* можно перевести 你真是个无赖! ‘Ты настоящая хулиганка, негодяйка!’. Такой способ перевода передаёт эмоцию гнева (явного или мнимого, как в данном контексте), не разрушая первоначального смысла предложения.

(7). *Слесарь разглядел белые глаза, выпадающие светлые волосы на облезшем черепе и в сердцах сказал: – Ух ты, гад из стеклянной банки! Ни хрена, после отбоя запрут с нами – разговоришься!* [Александр Солженицын. В круге первом, т.1, гл. 1-25 (1968) // «Новый Мир», 1990]. Предложение *Ух ты, гад из стеклянной банки!* можно перевести *你真是个玻璃罐子里的混蛋!* ‘Ты такой гад, придурок в стеклянной банке!’.

В современных русских художественных текстах могут встречаться старинные и фольклорные местоименно-междометные комплексы для выражения различных эмоций. Сходные междометия могут быть отмечены и в древнекитайском языке. Они трудны для понимания, что вызывает затруднения при переводе.

(8). – *Ой ты гой еси, исполать тебе, добрый молодец!* [Сергей Шаргунов. Россию надо выдумать заново? (2011)].

Сложный междометный комплекс *ой ты гой еси*, содержащий единицы древнерусского языка и используемый в фольклоре, не может быть переведён на китайский язык, поэтому можно ограничиться переводом эмоции, выраженной частью комплекса *ой ты*, которая «выражает чувства боли, испуга, недоумения, радости, сомнения и т. п.» [СРНГ, т. 23, с. 103]. В данном предложении нетрудно обнаружить, что междометный комплекс выражает эмоцию восхищения. При переводе на китайский язык можно использовать междометие 啊呀.

В русском фольклоре существует множество различных местоименно-междометных комплексов: *ой-ей-еюшки* ‘выражает удивление’, *ой-ёченьки* ‘выражает испуг’, *ой-этта* ‘выражает удивление’, *ой-бай* ‘выражает чувство боли, испуга, недоумения, радости и др. [СРНГ, т. 23, с. 103–104]. Эти единицы могут найти отражение в русской народной поэзии или песнях. При переводе на китайский язык также достаточно отразить значение междометно-

местоименного комплекса *ой ты* с помощью соответствующего китайского междометия 哎哟 [āiyō].

Итак, при переводе русских междометий и междометных комплексов на китайский язык важно сохранять исходную эмоцию или оценочную характеристику единицы. В первичных междометиях это затруднительно, поскольку обычно слово в зависимости от коммуникативной ситуации (контекста) имеет разные, порой противоположные семантико-коннотативные дефиниции, и переводчик должен владеть знаниями о функционировании междометий в русском языке. Вторичные междометия часто имеют эквивалентные или семантически близкие единицы в русском и китайском языках, что позволяет сделать перевод достаточно адекватным.

Выводы по главе 2

В произведениях А. С. Пушкина встречаются междометия, известные из лексикографических источников и лингвистических работ того времени. Высокая частотность междометий *о* и *увы* объясняется высоким стилем, книжным характером текстов, в которых они употреблены. Междометия *ах*, *ай*, *ох* и др. свидетельствуют о народной составляющей речи. При описании жизни греков А. С. Пушкин использует заимствованные междометия *эвоэ* и *фора*. В значительной степени в творчестве поэта представлены вторичные междометия и междометные словосочетания: *горе*, *беда*, *страх*, *ужас* и др.

В пьесах А. Н. Островского представлен весь спектр междометий, функционирующих в русском языке. Значительное место в текстах занимают первичные междометия, с помощью которых автор отражает разнообразие чувств и переживаний героев. В число самых частотных слов пьес входят междометия *ну* и *ах*. Встречаются также примарные междометия *ох*, *эх*, *эй* и др. В словарях отмечены три типа определений для первичных междометий: 1) употребляется как выражение боли, досады, эмоций (*ой*); 2) выражает

эмоции (эх); 3) коммуникативный возглас (эй). Вторичные междометия в пьесах А. Н. Островского в основном представлены прошедшими интеръективацией словами *Бог, Боже, Господи*, используемыми как самостоятельно, так и в составе междометных конструкций (*сохрани Господи, Бог с тобой* и др.). Во многих случаях затруднительно провести границу между междометным и религиозным употреблением данных единиц в речи персонажей.

Местоименно-междометные комплексы в русских художественных текстах используются для выражения различных эмоций, но только некоторые из них включены в словари. В китайском языке подобные комплексы отсутствуют. При переводе можно использовать китайские простые, редуцированные или сложные междометия, которые выражают такие же или похожие эмоции. В некоторых случаях следует использовать наречия, которые в полном контексте предложения отражают эмоции гнева или недовольства. Другие проблемы, возникающие в процессе перевода на китайский язык междометно-местоименных комплексов в русских художественных текстах, требуют дальнейшего анализа.

В русских диалектах встречаются как примарные междометия, так и фонетически и морфемно преобразованные единицы и междометные комплексы. Они отражают широкий спектр чувств и внутренних переживаний человека, некоторые из них обладают императивной функцией, способны в тексте становиться сказуемым.

В русской народной речи регулярно используются междометные комплексы, содержащие примарное междометие и расширители фонетического и лексико-синтаксического типа. В качестве фонетических расширителей используются асемантические повторы и звуковые добавки. В состав новых междометных дериватов входят звуки [х] и [й], а также сонорный [м], добавляющий экспрессию в новое слово. Используется также суффикс *-ушк-*, придающий деривату уменьшительно-ласкательный оттенок значения. Лексико-синтаксическими средствами создания междометных комплексов с

усиленным зарядом экспрессии выступают десемантизированные местоимения 2-го лица в обоих числах (чаще в единственном), а также нарицательные слова с положительной семантикой. Изучение образования и функционирования междометий в русских народных говорах перспективно для определения творческой энергии языка, психолингвистических особенностей народно-поэтической речи.

При переводе русских междометий и междометных комплексов на китайский язык важно сохранять исходную эмоцию или оценочную характеристику единицы. В первичных междометиях это затруднительно, поскольку обычно слово в зависимости от коммуникативной ситуации (контекста) имеет разные, порой противоположные семантико-коннотативные дефиниции, и переводчик должен владеть знаниями о функционировании междометий в русском языке. Вторичные междометия часто имеют эквивалентные или семантически близкие единицы в русском и китайском языках, что позволяет сделать перевод достаточно адекватным.

Глава 3. Деривационный потенциал междометий в русском языке

3.1. Глаголы междометного происхождения в русском языке

О том, что междометия являются частью лексического состава языка, свидетельствует их словообразовательный потенциал. Они присоединяют суффиксы и становятся полноценными глаголами русского языка. Об этой их способности писал Ф. Ф. Фортунатов: «Междометия могут обращаться в полные слова, обозначающие собою эти же междометия, т. е. известные знаки языка, как предметы мысли; например, в предложении он воскликнул ах! слово *ах* не есть уже междометие, но полное слово, обозначающее собою междометие *ах*. Поэтому из междометий могут образовываться и основы полных слов, имеющих формы, например в русском языке в *ахать, охать*» [Фортунатов, 1956, с. 172]. А. А. Реформатский обращает внимание на то, что, несмотря на регулярные деривационные процессы образования слов отмеждометного происхождения в русском языке, всё же «это очень ограниченный круг (*ах – ахать, аханье, ох – охать, оханье, ха-ха – хахать, хаханье, хахаль, ну – понукать <...>*)» [Реформатский, 2000, с. 74].

Е. А. Земская отмечает, что отмеждометные глаголы образуются с помощью суффикса *-а-*, а при образовании глаголов от междометий, заканчивающихся на гласный или *-j-*, перед ним ставится интерфикс *-к-*: *ахать, ох-ать, ой-(к)-ать, ну-(к)-ать* и др. [Земская, с. 290–291]. От глаголов-делимитативов образуются глаголы несовершенного вида с помощью суффикса *-ива-* [ССА, с. 737]: *поахивать, поохивать, поойкивать, похихикивать* и др. Такие формы в русском языке второй половины XVI века функционировали в разговорной и приказной речи [Никифоров, 1952, с. 119]. Г. П. Мельников выделяет 5 степеней длительности глагольного действия: 1) минимальная с суффиксом *-ну-*, 2) бессуффиксальная, 3) с суффиксами *-е-/-и-*, 4) с суффиксом *-а-*, 5) максимальная с суффиксом *-ыва-/-ива-* [Мельников, 2001]. У глаголов отмеждометного происхождения встречаются только первая

и четвёртая степени, однако у префиксальных дериватов нами выявлены единицы пятой степени (таблица 2).

Таблица 3. Отмеждоментные префиксальные глаголы с максимальной степенью длительности глагольного действия (по материалам [НКРЯ])

№ п/п	Глагол	Количество текстов	Количество примеров	Первый год фиксации
1.	подхихикивать	88	94	1864
2.	похихикивать	49	54	1844
3.	поохивать	15	16	1775
4.	прихихикивать	10	12	1891
5.	понукивать	6	7	1858
6.	поойкивать	1	1	2009
7.	похехекивать	1	1	2010

В силу особенностей глагольной деривации отмеждоментные глаголы способны образовывать видовые пары суффиксальным и префиксальным способом. При этом возможно образование семельфактивов и делимитативов. Семельфактивы появляются в результате присоединение к основе глагола суффикса *-ну-*. Он ограничивает «действие пределами одного акта, одного момента, мига, т. е. придает глаголу значение недлительности, мгновенности, одноактности, моментальности» [Виноградов, 1986, с. 361]. Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев отмечают, что семельфактивы образуются от глаголов со значением простого физического действия, акустического и оптического явления [Зализняк, Шмелев, 2000, с. 118]. Междоментные глаголы имеют акустическую семантику, поэтому регулярно образуют пары мультипликатив – семельфактив [ЖСЛ, с. 207, 321]: *аукать – аукнуть, ахать – ахнуть, охать – охнуть, ойкать – ойкнуть, хихикать – хихикнуть, фукать – фукнуть* и др.

Мультипликатив – многоактный непредельный глагол несовершенного вида – обозначает действие, расчленённое на неограниченное множество однородных актов, а семельфактив, или одноактный предельный глагол совершенного вида, – один из актов такого действия [ТСС, с. 7]. Данная модель действует и при образовании глаголов, не зафиксированных в словарях: *эхать – эхнуть*.

Таблица 4. Соотношение отмеждоментных мультипликативов и семельфактив в русском языке (НКРЯ)

Мультипликатив	Количество текстов	Количество примеров	Семельфактив	Количество текстов	Количество примеров
ахать	1009	1473	ахнуть	2250	4683
охать	1343	2105	охнуть	818	1254
ойкать	65	72	ойкнуть	206	272
эхать	3	3	эхнуть	2	2

Носители языка могут по этой же модели образовывать глаголы от вторичных междометий: – *Боже мой! Боже мой!* – *ужасается бабушка, увидев, как измазался в глине её четырёхлетний Володя. Володе не нравятся её причитания.* – *Пожалуйста, не божемойкай!* – *говорит он сердито* [КИЧ, с. 43]. Слово образовано в детском языке, однако эта модель может сработать и в языке взрослых.

Живая жизнь языка рождает по модели слова, которые не только не отмечены в словарях, но и не имеют регулярного употребления в речи, при этом легко распознаются носителями языка. В «сценарных имитациях» русскоязычной нидерландской писательницы М. А. Палей «Long distance, или Славянский акцент» встречается междометие *хе-хе, хе-хе-хе* («обозначает негромкий смех, обычно шуточный, иронический или подобострастный» [БТС, с. 1441]), образованный по модели глагол *похехекать* и окказионализм

прихехекс: Это некий приседающий смешочек, подобострастное «хе-хе», извиняющийся, квакающе-побудительный прихехекс идиота: давайте и вы, сэр, испустите мирные, типичные для нашей мелкотравчатой породы сигналы, похехекайте со мной, поквакайте, авось и создадим на секундочку буферок безопасности, где мы не сожрём друг друга, правда ведь, сэр? – нет, не сожрем и даже не укусим, сэр, хе-хе-хе. [МАП, с. 308].

В. С. Храковский рассмотрел типологию семельфактива [Храковский, 1998]. При добавлении к основе глагола несовершенного вида суффикс *-ну-* образует глагол совершенного вида со значением однократного или законченного действия. При этом исследователи на материале 1440 русских глаголов с суффиксом *-ну-* отмечают, что при образовании форм прошедшего времени глаголы состояния (инхоативы) отбрасывают суффикс *-ну-*, а глаголы действия (семельфактивы) его сохраняют: *сох – вздрогнул* [Кретов, Стародубцева, 2023, с. 114], и даже высказывают смелое предположение, что речь идёт об этимологически разных суффиксах **-NOU-* и **-NON-* [Там же, с. 124]. Однако у славянских глаголов встречается чередование звуков в этом суффиксе при образовании страдательных причастий прошедшего времени: ПРИКОСНЖТИ – ПРИКОСНОВЕНЬ, ВЪДОХНЖТИ – ВЪДОХНОВЕНЬ, ДУНЖТИ – ДУНОВЕНЬ, МЫГНЖТИ – МЫГНОВЕНЬ [Супрун, 2024д, с. 172]. Следовательно, выделять особый суффикс **-NOU-* и приписывать ему особую деривационную семантику нет необходимости. Глаголы междоветного происхождения, как мы отмечали выше, являются семельфактивами, в них при образовании прошедшего времени суффикс сохраняется: *ахнул, ойкнул, хихикнул* и др.

Префиксальный способ глаголов образования отмеждоветного происхождения вносит семантические приращения в дериваты. Приставка *по-* образует делимитатив, означающий, что состояние или процесс начались и имели место некоторое время, а потом прекратились: *поахать, поохать, поойкать, похихикать* и др. Американские исследователи Ст. М. Дикки и Дж.

Хатчесон считают, что продуктивный класс делимитативов с префиксом *по-* в восточнославянских языках является новацией, она способствовала грамматикализации аспектуальной оппозиции в этих языках [Dickey, Hutcheson, 2003]. В статье М. Л. Федотов и О. Ю. Чуйковой рассмотрены глаголы *погулять, поработать, почитать (книгу)* и др. и определено, что при делимитативной деривации наблюдаются различные сочетаемостные ограничения, нестабильные дополнительные компоненты и пр. [Федотов, Чуйкова, 2013, с. 202]. Учитывая семантику отмеждоментных глаголов, отмеченные ограничения проявляются с ещё большей интенсивностью: в НКРЯ приводятся данные, что глагол *поохать* встречается в 148 примерах в 137 текстах. В. И. Супрун при анализе корпусной ономастики указывал на недостатки машинного распознавания текстов, включённых в НКРЯ, на использование в корпусе неправильно распознанных единиц и их форм [Супрун, 2024г, с. 75]. Анализируя примеры с глаголом *поохать*, мы обнаружили неверное распознавание не только глагола *поѣхать* (в текстах XIX – начала XX века), что можно объяснить отсутствием буквы ъ в современном языке и вытекающей из этого трудностью её автоматического распознавания, но и *поехать*, что говорит о слабой проработке системы распознавания слов. Эти примеры включены в список рассматриваемого глагола (11 примеров в 11 текстах, что составляет 7% от числа примеров и 8% от количества текстов).

Отмеждоментные глаголы-делимитативы в предложении, как правило, встречаются в парной связке с другим глаголом. Чаще всего они сочетаются с глаголами звучания, речемыслительной деятельности, психофизиологических процессов, эмоционального состояния, переживания [Васильев, 1981; Kozera, 2018; БСРГ]. Можно определить как регулярную сочетаемость зафиксированные в текстах НКРЯ 21 случай (15%) употребления пары глаголов *поохать* и *поахать*, первый чаще находится в препозиции. Встречаются случаи дефисного оформления этих глаголов, что говорит о том, что в сознании носителей языка они фиксируются как неразрывная пара: *В*

Галкин дом зашли, побродили по огороду, поохали-поохали на нашу бедность, а потом разобрались по машинам, и всё... [НКРЯ: Светлана Крещенская. Черный лебедь, белый лебедь...]; *Мы поохали-поохали и разошлись* [НКРЯ: Александр Яковлев. Омут памяти. Т.2]. У В. П. Некрасова в этой конструкции на первой месте стоит глагол *поохать*: *До застолья ходили по квартире, рассматривали картины, негритянских божков, о каждом рассказывалась его история, потом рассматривали старые альбомы с фотографиями, поохали-поохали над одной, где три пятилетних мальчика, один кудрявый, другой златокудрый, а третий в шапочке, держатся за руку и внимательно ждут птички, которая должна вылететь* [ВПН, с. 280].

Глагол *поохать* сочетается также в предложении со стоящими в пре- или постпозиции глаголами: *повздыхать / вздохнуть* (11 случаев, 8%), *погоревать, потужить, постонать, побряхтеть, поогорчаться, помолчать, поплакать, пошептать, посокрушаться, повосклицать, потужить, побраниться, поматериться* и др. Обратим внимание на то, что почти все сопровождающие глаголы имеют приставку *по-*. В случае одиночного употребления глагола *поохать* после него стоят темпоральные уточнения (*немного, с полчаса, маленько, дня четыре* и др.), качественные характеристики действия (*сочувственно, грустно, картинно, для вида, для прилику, фальшивым голосом* и др.), объекта с предлогом *над* (*над девушкой, стрекозой, утопающим, достижениями*), с другими предлогами (*о судьбе, на бедность, на судьбу, насчёт пожару* и др.).

Глагол входит в состав пословицы: *Поохал бы дядя, на себя глядя*. Дважды её вспоминает в своём дневнике Никита Потапович Окунев (1868–1936). Первый раз по отношению к себе, отметившего 10/23 мая серебряную свадьбу, но не нажившего за прошедшие годы «серебра и злата ни материального, ни духовного». Он пишет: *Можно бы кого-нибудь и кольнуть при таком воспоминании, да при тонком разумении пословицы: «поохал бы дядя, на себя глядя», чувствую за собой большую часть вины* [НПО, с. 143].

Второй раз он реагирует этой же пословицей на выступление Максима Горького на «торжественном объединённом заседании съездов профсоюзов и совнархозов, посвящённом вопросам науки и техники». Писатель сказал собравшимся, что они к работникам науки относятся «довольно-таки варварски». Н. П. Окунев записывает в дневнике: *Ох, Горький, Горький! Действительно для русского человечества «горький», – и тебе бы нужно подумать над вышеприведённой пословицей, т. е. «поохал бы дядя, на себя глядя». А то «варвары». А не сам ли ты образовал этих варваров?* [Там же].

В. И. Даль в свой сборник пословиц включает трижды эту паремию с разными отмеждоментными глаголами: *Ахал бы дядя, на себя глядя* [ПРН-2, с. 104]; *Поохал бы дядя, на себя глядя* (а не на людей) [ПРН-2, с. 167]; *Охнет (Охает) дядя, на тетку глядя* [ПРН-2, с. 341].

Приставка *за-*, присоединяясь к основе глагола, образует глагол со значением ‘начать действие, названное мотивирующим глаголом’ [ССА, с. 86].

Таблица 5. Частотность отмеждоментных глаголов с приставкой *за-* в НКРЯ

п/ п	Глагол	Количество текстов	Количество примеров	Первая фиксация	Примеры
.	Захихикать	455	712	1859	И я захихикал, надеясь вызвать всеобщий смех в похвалу моему остроумию. Ф. М. Достоевский. Село Степанчиково и его обитатели.

.	Заохать	224	257	1793	Суворов отскочил на три шага и крепко ударился в толстого майора; тот заохал. Н. А. Полевой. Краковский замок.
.	Заахать	110	120	1791	Мы остановились здесь, потому что дамы заахали от восхищения, когда перед ним и сюрпризом открылось озеро. И. И. Панаев. Опыт о хлыщах.
.	Заойкать	14	15	1967	Женщина вытащила ведро наверх и нечаянно облилась водой-холодянкой. Заругалась, заойкала. В. Белов. Привычное дело.
.	Занукать	5	6	1869	Ну, видал. Занукал! Коль видал, чего же и толковать. М. А. Шолохов. Тихий Дон.

Среди отглагольных производных особую парадигму образуют конфиксальные глаголы с префиксом *на-* и постфиксом *-ся*. Глагол получает семантику 'вдоволь, много произвести действий по значению производящего глагола'. В НКРЯ отмечены 6 текстов и 6 примеров глагола *наахаться* и 2 примера в 2 текстах – *наохаться*. В романе «Доктор Живаго» Л. Б. Пастернака употребляются оба глагола: *Юрий Андреевич видел его уже два или три раза и успел наговориться с ним, наохаться, наахаться и нахохотаться* [НКРЯ].

НКРЯ предоставляет возможность проанализировать потенциальные и окказиональные слова, образованные от междометий. Грань между потенциальным и окказиональным словом не слишком чёткая. Л. О. Бутакова

полагает, что существует цепочка языковых новообразований: потенциальное слово – окказионализм – неологизм [Бутакова, 2010, с. 120]. Е. А. Земская различает потенциальные слова и окказионализмы. Она отмечает, что термин *потенциальные слова* впервые употребил Г. О. Винокур в 1943 году и дал ему такое определение: «слова, которых фактически нет, но которые могли бы быть, если бы того захотела историческая случайность...». Она добавляет, что эти слова – «чистая реализация возможностей словообразовательного типа...» [Земская, 1973, с. 218]. «Окказиональные слова отличаются тем, что при их образовании нарушаются (обычно сознательно, в целях экспрессивности) законы построения соответствующих общезыковых единиц, нормы языка» [Там же, с. 228], т. е. потенциальные слова возникают согласно деривационным закономерностям, а окказионализмы нарушают их. И тем не менее не всегда можно установить чёткие отличия между ними.

От заимствованного междометия *мерси* образован глагол *мерсикать*, который, вероятно, является потенциальным словом, поскольку создан по деривационной модели, но в силу своей экспрессивности может быть отнесён к окказионализмам. Он зафиксирован в 8 примерах в 5 текстах, причём первая фиксация относится ещё к 1878 году (А. Н. Энгельгардт. Письма из деревни. Письмо седьмое), а последняя – к 2003-му (Татьяна Устинова. Подруга особого назначения) [НКРЯ]. Е. Н. Лагутова полагает, что образование глаголов по этой модели потенциально существует «почти у всех междометий» [Лагутова, 1976, с. 296–297].

Итак, будучи частью лексического состава языка, междометия активно вступают в деривацию, образуя единицы других частей речи. Отмеждометные глаголы образуются с помощью суффикса *-а-* (*ахать*, *охать* и др.), а при образовании глаголов от междометий, заканчивающихся на гласный или *-j-*, перед ним ставится интерфикс *-к-* (*ойкать*, *хихикать* и др.). Префиксальный способ образования глаголов отмеждометного происхождения вносит семантические приращения в дериваты. Приставка *по-* образует делимитатив, означающий, что состояние или процесс начались и

имели место некоторое время, а потом прекратились: *поахать, поохать, поойкать, поихикать* и др. От глаголов-делимитативов образуются глаголы несовершенного вида с помощью суффикса *-ива-*: *поахивать, поохивать, поойкивать, поихикивать*. Конфиксальные глаголы с префиксом *на-* и постфиксом *-ся* получают семантику ‘вдоволь, много произвести действий по значению производящего глагола’: *наохаться, наахаться* и др. От междометий по существующим деривационным моделям образуются потенциальные и окказиональные глаголы.

3.2. Вторичная деривация существительных от глаголов междометного происхождения

В русском языке продуктивной является модель образования отглагольных существительных с помощью суффикса *-ниј(е)* [Земская, 1973, с. 246]. Исторически эти дериваты образованы от страдательных причастий прошедшего времени: *дѣлати > дѣланъ > дѣлание*; *възати > възать > възатиe* [СтС, с. 143, 204], однако в дальнейшем произошло переразложение, причастная стадия перестала быть актуальной, были вычленены суффиксы *-ниј(е), -тиј(е)*, которые стали присоединяться к глагольной основе: первый к суффиксальной, второй – на корневой гласный.

Следует ещё отметить вариативность суффикса. В древнерусском языке не было напряжённого еря, как в церковнославянском, где *ь > и*, поэтому в русском словообразовании возникли вариативные единицы с суффиксами *-ниј(е)/-нъј(е), -тиј(е) -тъј(е)*. Второй вариант был более характерен для дериватов разговорного стиля, а первый, заимствованный из церковнославянского языка или созданный по его образцу, – для книжно-письменного. Л. А. Шестак считает, что единицами с суффиксами, содержащими *ь*, в современном языке являются проявлением закона экономии речевых усилий [Шестак, 2023, с. 149–153].

Большая часть междометий относится к фактам разговорной речи, что постоянно подчёркивается в словарных статьях, поэтому в отглагольных существительных обнаруживается превалирование единиц с суффиксом -нѣј(е).

Таблица 6. Соотношение отглагольных дериватов междометного происхождения с суффиксами -ниј(е) и -нѣј(е) [НКРЯ]

Дериват с суффиксом нѣј(е)	Количество примеров	Количество текстов	Дериват с суффиксом ниј(е)	Количество примеров	Количество текстов
хихиканье	276	232	хихикание	18	17
оханье	145	132	охание	12	13
хныканье	98	93	хныкание	5	5
аханье	79	67	ахание	10	10
нуканье	4	4	нукание	0	0

Несмотря на подавляющее число примеров с суффиксом -нѣј(е), нельзя чётко определить временные рамки расхождения в функционирование обоих вариантов отглагольных субстантивов. Так, слова, образованные от глагола *хныкать*, фиксируются впервые в текстах примерно в одно и то же время: 1) *Эка ты дурочка! Хныканьем не поможешь* (И. И. Лажечников. Последний Новик, 1833); *В ответ на это раздавалось обыкновенно вверху и внизу оглушающее хныканье; потом поток красноречия снова пробивался сквозь жужжанье* (А. А. Бестужев-Марлинский. Мулла-Нур, 1836); *Соскучась их хныканьем, Наталья Кирилловна замечала: Полноте хныкать: я ещё не умерла!* (Н. А. Некрасов, А. Я. Панаева. Мертвое озеро. Часть первая, 1851); 2) *И ни в его храбрости, ни в его хныкании не будет ни малейшего следа той искры, которая горит во всяком слове и движении учителя, а будет всё тот же характер ремесленности, который не покидает никогда чернорабочего, как бы он ни был развязан, как бы ни прикидывался героем* (М. Е. Салтыков-Щедрин. Наша общественная жизнь, 1863–1864). Отметим, что в разных

словарях литературного языка предпочтение отдаётся разным формам существительных: *хихиканье* [МАС, т. 4, с. 600], *хихикание* [ЕСТС, т. 4, с. 758].

В анализе диалектных междометий мы уже отмечали, что у них происходит суффиксация, в результате которой появляются единицы с повышенной экспрессивностью. В НКРЯ представлены суффиксальные дериваты междометия спасибо: *спасибки* (6 текстов, 11 примеров), *спасибочко* (13 текстов, 14 примеров) и *спасибочки* (65 текстов, 93 примера). Первый вариант представлен только в текстах Интернета, в чатах и других видах виртуального общения. Во втором варианте соблюдается концовка исходного междометия. Его первая фиксация относится к 1924 году (Юрий Слёзкин. Бандит). Учитывая, что письменная фиксация слова всегда запаздывает по отношению к устному употреблению, мы можем предположить, что слово возникло в конце XIX – первые годы XX века. Слово отмечено в первой книге «Поднятой целины» М. А. Шолохова: *И за струмент в сатине и за наши труды... вам, товарищ Давыдов, и колхозу спасибочко!* [НКРЯ]. Вариант *спасибочки* переводит слово в форму множественного числа, он попал с пометой *разг.* в словарь литературного языка [ЕСТС, т. 3, с. 375]. Он зафиксирован в 1906 году: *Меня начинал бесить их хамский вид и разговор с ужимками: «чутьочку посидите, спасибочки что пришли и т. д.* (Н. А. Иванова (Панчулидзева). Дневник).

В литературном языке зафиксирован фразеологизм *хиханьки да хаханьки* ‘смех, смешки, шуточки’ [МАС, т. 4, с. 600]. Входящие в него отмеждометные дериваты имеют разные варианты фонетического и орфографического оформления: *хохоньки да хаханьки, хаханьки да хохоньки, хаханьки да хихиньки, хаханьки да хихиньки, хихоньки да хахоньки, смехи да хаханьки* [НКРЯ]. Слово *хаханьки* в отдельном употреблении и в составе этого фразеологизма в НКРЯ отмечено в 57 примерах в 55 текстах.

В русском молодёжном жаргоне закрепилось новое заимствование из английского языка *окей* ‘возглас, выражающий согласие с чем-л., одобрение чего-л., соответствуя по значению сл<овам>: всё правильно! всё в порядке! всё

хорошо!’, оно получило фиксацию в словаре [ЕСТС, т. 3, с. 446]. В жаргоне от него образована форма с ласкательным суффиксом *-юшк(и)* – *океюшки*. Она в 2025 году включена в Орфографический словарь русского языка на научно-информационном академическом ресурсе «Академос» Института русского языка имени В. В. Виноградова РАН [ОАР].

О том, что эта модель междометного словообразования имеет давнюю историю, свидетельствует дериват *агушеньки*, который впервые отмечен в 1848 году в произведении А. Ф. Вельтмана «Приключения, почерпнутые из моря житейского. Саломея»: *Агу! Леночка! агушеньки-агу! Дай-ко мне её на руки, – скажет Андрей Павлович* [НКРЯ]. В 1902 году выходит книга А. И. Красницкого «Под волнами Иматры», в которой также используется это междометие: *Ну, улыбнитесь, рассмейтесь! Агу, агу, агушеньки!* [НКРЯ].

Итак, от глаголов, образованных от междометий, с помощью суффикса *-ниј(е)/-нъј(е)* образуются существительные. Первый вариант суффикса, заимствованный из церковнославянского языка, используется для единиц высокого стиля, второй характерен для разговорной речи. Поскольку междометия встречаются преимущественно в разговорном стиле, частотность дериватов с суффиксом *-нъј(е)* значительно выше соответствующих книжных единиц. Отмечается также внутримеждометная деривация: уменьшительно-ласкательные суффиксы усиливают эмоциональную составляющую семантики междометий.

3.3. Этнокультурные характеристики русских междометий на фоне китайских

Несмотря на особое место междометий в системе языка, следует признать, что они, как и прочие слова, усваиваются людьми в процессе усвоения языка в установленной, принятой в данном лингвосообществе форме, поэтому обладают обязательными этнокультурными характеристиками. Отто Есперсен в своём фундаментальном труде «Язык, его

природа, развитие и происхождение» пишет: «<...> многие междометия в настоящее время более или менее условны и заучиваются, как и любые другие слова, следовательно, в разных языках имеют разную форму: немец и зеландец от боли воскликнут "au", ютландец – "aus", француз – "ahi" и англичанин – "oh" или, возможно, "ow" [Jespersen, 1925, p. 415]. Он приводит пример из рассказа Редьярда Киплинга: «Этот человек не афганец, потому что они плачут "Ai! Ai!". И не хиндустанец, потому что они плачут "Oh! Ho!". Он плачет на манер белых людей, которые произносят: "Ow! Ow!"» [Там же]. А. А. Реформатский, кратко упоминая об этом размышлении О. Есперсена и соглашаясь с ним, добавляет: «а русский о-о!» [Реформатский, 2000, с. 65]. По нашим наблюдениям, русские, испытав боль, вскрикивают: «Ой! Ой-ой! Ой-ой-ой!».

Первообразные междометия в китайском языке, как и в русском, имеют простую фонетическую структуру. Поскольку большинство подобных единиц используются для привлечения внимания, на письме они содержат в иероглифе структурный элемент 口 ‘рот’. Этот детерминатив встречается не только в междометиях, в целом он используется, по подсчётам специалистов, в 1164 китайских иероглифах [Михалькова, 2021, с. 141]. По мнению Сюй Лайди, «существует определённая закономерность между способом произношения первообразных междометий и их эмоциональным выражением, которая в основном отражается в односложных первообразных междометиях» [徐来娣, 页面 47].

Китайское междометие 嗯 [èn] используется как положительный ответ на предложение. В сходной коммуникативной ситуации может использоваться слово 呀 [yā]. Междометием 嘿 [hēi] привлекается внимание собеседника. Односложное междометие 哎 [āi] может использоваться для привлечения внимания коммуниканта, а также как побудительная единица. Слову 啊 [ā] соответствует несколько русских простых междометий: *ах, ох, эх, ай, ой* и др.

Междометия в китайском языке могут накладываться друг на друга, редуцируются для выражения более сильных эмоций или положительной реакции на что-либо: 哈哈, 嘿嘿, 啧啧 и т. д. Среди китайских междометий отмечены также двусложные структуры, состоящие из двух разных междометий, в которых детерминатив 口 входит в оба иероглифа. Слова 哎呦 [āiyōu] 啊呀 [āyā], 喔哟 [ō yōu], 哟呵 [yōu hē] используются китайцами в разных коммуникативных ситуациях, выражая различные эмоции.

Междометия в китайском языке, как и русском, в зависимости от коммуникативной ситуации могут выражать разные оттенки эмоций. Так, в предложении 噢, 我还要遭多少罪啊! ‘О, сколько мне ещё мучиться!’ междометие выражает печаль, страдания (здесь и далее все примеры составлены и переведены на русский язык нами. – Ду Сянь.). Это же междометие в предложении 噢, 是的, 这太好了! ‘О, да это здорово!’ выражает радость, удовольствие. Такие же эмоции выражает другое китайское междометие в предложении 啊, 亲爱的朋友, 很高兴你来了, 谢谢! ‘Ах, дорогой друг, я рад, что ты пришёл, спасибо тебе!’.

Обнаруживается фонетическая переключка русских и китайских междометий: слово 哎呀呀 [āi yā yā] звучит сходно (если не учитывать тональную структуру китайского языка) с русским трёхсложным междометием ай-ай-ай (ай-яй-яй), что ещё раз подчёркивает внесистемный характер междометий, их зависимость от физиологических произвольных возгласов. В русском языке это трёхсложное междометие употребляется как выражение упрёка, порицания, насмешки или как выражение испуга, боязни чего-л. Трёхсложное китайское междометие 哎呦呦 [āi yōu yōu] используется для выражения неожиданности. В каждом из трёх иероглифических компонентов мы обнаруживает детерминатив 口.

Помимо современных первообразных междометий, в китайском языке в произведениях классической литературы для выражения эмоций могут также использоваться односложные из древнекитайского языка. В древнекитайских текстах использовались междометия 兮 [xī], 矣 [yǐ], 乎 [hū], 哉 [zāi] и др. В двух из древних междометий обнаруживается детерминатив 口: 吁 [xū], 噫 [yī], однако в целом не существует правил для употребления этих старинных китайских иероглифов. Некоторые из этих единиц используются изредка и в современном китайском языке.

Вторичные междометия в китайском языке образуются путём интеръективации знаменательных слов, которые утрачивают свою семантику и становятся выразителями эмоций: 我的天呐! [wǒ de tiān nà !] ‘О, мои небеса!’; 老天爷! [lǎo tiān yé !] ‘О, боже!’; 小心! [xiǎo xīn !] ‘Будь осторожен! Берегись!’ и др.

Итак, первообразные междометия в русском и китайском языках имеют общие закономерности образования и функционирования: простую фонетическую структуру, отражение многообразия эмоционального состояния человека. Особенностью китайской орфографии является использование на письме в иероглифе структурного элемента 口 ‘рот’. Обнаруживается сходство русских и китайских междометий в использовании повторов. Русское трёхсложное междометие *ай-ай-ай* (*ай-яй-яй*) сходно с китайским словом 哎呀呀 [āi yā yā], что подчёркивает внесистемный характер междометий, их зависимость от физиологических произвольных возгласов. При этом семантика интеръективных единиц различается: русское междометие имеет значение упрёка, порицания, насмешки или испуга, боязни чего-л., а китайское используется для выражения неожиданности. Вторичные междометия в обоих языках имеют сходство в образовании и функционировании: они возникают путём интеръективации знаменательных слов, которые утрачивают свою семантику и становятся выразителями эмоций. При всей специфике лингвокультур русского и китайского народов

перевод вторичных междометий не составляет большого труда в отличие от первичных междометий, выбор которых при переводе русского текста на китайский и наоборот требует тщательного учёта эмоциональной составляющей междометий, их соответствия описываемой коммуникативной ситуации.

Выводы по главе 3

Будучи частью лексического состава языка, междометия активно вступают в деривацию, образуя единицы других частей речи. Отмеждометные глаголы образуются с помощью суффикса *-а-* (*ахать*, *охать* и др.), а при образовании слов от междометий, заканчивающихся на гласный или *-j-*, перед ним ставится интерфикс *-к-* (*ойкать*, *хихикать* и др.). Префиксальный способ образования глаголов отмеждометного происхождения вносит семантические приращения в дериваты. Приставка *по-* образует делимитатив, означающий, что состояние или процесс начались и имели место некоторое время, а потом прекратились: *поахать*, *поохать*, *поойкать*, *похихикать* и др. От глаголов-делимитативов образуются глаголы несовершенного вида с помощью суффикса *-ива-*: *поахивать*, *поохивать*, *поойкивать*, *похихикивать*. Конфиксальные глаголы с префиксом *на-* и постфиксом *-ся* получают семантику 'вдоволь, много произвести действий по значению производящего глагола': *наохаться*, *наахаться* и др. От междометий по существующим деривационным моделям образуются потенциальные и окказиональные глаголы. Существительные образуются от глаголов с помощью суффикса *-ниj(е)/-нъj(е)*. Частотность дериватов с суффиксом *-нъj(е)* значительно выше соответствующих книжных единиц с суффиксом *-ниj(е)*. Отмечается также внутримеждометная деривация: присоединяясь к междометию, уменьшительно-ласкательные суффиксы усиливают эмоциональную составляющую его семантики.

Первообразные междометия в русском и китайском языках имеют общие закономерности образования и функционирования: простую фонетическую структуру, отражение многообразия эмоционального состояния человека. Особенностью китайской орфографии является использование на письме в иероглифе структурного элемента 口 ‘рот’. Обнаруживается сходство русских и китайских междометий в использовании повторов. Русское трёхсложное междометие ай-ай-ай (ай-яй-яй) сходно с китайским словом 哎呀呀 [āi yā yā], что подчёркивает внесистемный характер междометий, их зависимость от физиологических произвольных возгласов. При этом семантика интеръективных единиц различается: русское междометие имеет значение упрека, порицания, насмешки или испуга, боязни чего-л., а китайское используется для выражения неожиданности. Вторичные междометия в обоих языках имеют сходство в образовании и функционировании: они возникают путём интеръективации знаменательных слов, которые утрачивают свою семантику и становятся выразителями эмоций. При всей специфике лингвокультур русского и китайского народов перевод вторичных междометий не составляет большого труда в отличие от первичных междометий, выбор которых при переводе русского текста на китайский и наоборот требует тщательного учёта эмоциональной составляющей междометий, их соответствия описываемой коммуникативной ситуации.

Заключение

Междометия составляют неотъемлемую часть языка, входят в его лексический запас. Они являются особой частью речи, не относящуюся ни к знаменательных, ни к служебным словам. Интеръективные единицы во всех языках имеют особую семантику, значительная их часть употребляется в разговорном языке, лишь небольшое число единиц относится к книжному стилю. Широкое использование междометий в живой разговорной речи, в диалектном общении, включение их в художественные и фольклорные тексты свидетельствует об их важности для осуществления коммуникативных потребностей человека.

Попытки учёных, начиная с античности и вплоть до начала XX века, объяснить происхождения языка с помощью междометной теории и сопряжённых с ней ономатопоэтической, трудовых выкриков, звуковых жестов, оказались бесперспективными. Лишь незначительное число слов можно объяснить происходящими от междометий, звукоподражаний и других рефлекторных и эмоциональных возгласов. Только в процессе формирования человеческого общества возникла коммуникативная потребность в языке, которая была реализована в изначально сложных фонетико-фонологических, грамматических, лексико-семантических структурах и единицах, междометия составили в них небольшую, хотя и необходимую для общения часть.

В начале XVII века в русской лингвистике появился термин *междометие*, созданный Мелетием Смотрицким по образцу латинского термина *interiectio*. Окончательно термин закрепился в науке в начале XVIII века благодаря Фёдору Поликарповичу Поликарпову-Орлову, который в 1704 году использовал его в своём «Лексиконе трезычном», а в 1721 году переиздал грамматику Мелетия Смотрицкого со своими дополнениями, в которых указал на возможный путь появления термина: «У евреев и латин междометие особая часть слова определяется. Еже и к нам от них привниде». М. В. Ломоносов

создал деривационно более точный вариант термина *междометие*, однако он не прижился.

В первых словарях русского языка междометия либо не встречаются («Лексис» Лаврентия Зизания), либо включаются в единичных случаях. В словаре Памвы Берынды отмечено 8 первичных междометий (а, агъ, ахъ, сѡгъ, гай, гай гай, ѡле, ѡле, уфъ). Впервые в отечественной лексикографии в словарь включены два вторичных междометия: бѣда и горе. В «Немецко-латинском и русском лексиконе» (1731) русские междометия приведены как эквиваленты немецких. Впервые эта часть речи включена в прилагаемое к словарю пособие по русскому языку как иностранному «Элементарные знания русского языка (*Anfangsgründe der Russischen Sprache*)».

В «Церковном словаре» П. А. Алексеева междометия встречаются только в том случае, когда они используются в церковных текстах. Автором делается попытка определить семантику единиц: насмешательное, ругательное, попрекательное, поносительное, прискорбность означающее и др. В словаре дано также определение термина *междометие*.

После создания Императорской Российской Академии (1783) начинается работа над Словарём Академии Российской, которая знаменует новую эпоху в отечественной лексикографии: вырабатываются новые принципы отбора и описания слов, оформления словарных статей. В словарь включено большое число междометий разного происхождения и коммуникативного предназначения. Составители словаря относят к междометиям оноματοпею и междометные глаголы. Многие подходы к описанию интеръективной лексики в САР находят своё продолжение в современных лексикографических изданиях.

Междометие является нерасчлененным выражением имеющегося душевного состояния человека (А. Вежбицкая), способно отражать эмоции и аксиологические интенции коммуниканта. Оно лишено морфологической парадигмы, синтаксически выступают в качестве самостоятельного

предложения или изолированной части сложного предложения. Междометие является словом, оно является особой частью речи, не относящейся ни к знаменательным, ни к служебным частям речи. В русской лингвистике по отношению к междометиям учёные разделились на два лагеря. Отрицали место междометий среди частей речи языка Н. И. Греч, К. С. Аксаков, Д. Н. Кудрявский, Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. М. Пешковский, В. А. Богородицкий и др. Считали междометием словом с особым статусом в языке М. В. Ломоносов, А. Х. Востоков, А. А. Шахматов, И. И. Мещанинов, В. В. Виноградов, А. А. Реформатский. А. И. Германович, Е. В. Середа и др. Безоговорочно признают междометие в качестве лексической единицы и стремятся с разной степенью успешности их дефинировать практически все русские лексикографы.

По происхождению междометия делятся на первичные и вторичные. Первичные не соотносятся с другими частями речи, они чаще всего они являются односложными, реже – двусложными, при этом в коммуникации односложные могут удваиваться и утраиваться. Их фонетический состав включает все гласные русского языка, но ограничен набором консонантов: *й, х, ф, г, н, б*, реже другие. Сочетание первичного междометия с местоимением второго лице единственного и (реже) множественного числа образуют междометный комплекс, в котором местоимением десемантизируется, но при этом усиливает семантику комплекса. Вторичные междометия соотносятся со знаменательными частями речи и словосочетаниями, которые теряют исходную семантику и употребляются в междометной функции. Русские и китайские междометия по своим семантическим показателям разделяются на несколько основных групп: эмоциональные, волеизъявительные, этикетные, бранные.

В русском языке реально существуют междометно-местоименные комплексы, которые отмечены во многих художественных и фольклорных текстах, однако, кроме комплекса *ух ты*, не отмечены в словарях.

Междометно-местоименные комплексы относятся к тому же классу слов, что и междометия. Сочетание междометия и местоимения *ты (вы)* значительно расширяет экспрессию текста. Широкое использование междометий и междометно-местоименных комплексов в текстах художественной литературы и фольклора свидетельствует о том, что они являются неотъемлемой частью русского языкового сознания. В китайском языке подобных структур нет, что вызывает затруднения у китайских студентов, изучающих русский язык, которые воспринимают местоимение в его исходном значении, а не как единицу, усиливающую экспрессию междометия.

Заимствованные междометия приходят в русский язык устным и письменным путем, отражая разнообразные политические, экономические, культурные и прочие контакты русского народа с соседними и более удаленными этносами. Войдя в язык-реципиент, заимствования включаются в его фонетическую систему, употребляются в соответствующих синтаксических позициях. Поскольку у заимствованных междометий нет этимологических связей с русскими словами, они относятся к примарным единицам, хотя и могут иметь более сложный, чем традиционные первичные междометия, фонетический состав.

Междометие *о* в письменной русской речи появилось в результате заимствования из греческого языка. Большинство поэтов России XVIII-XIX веков обращались в своих стихах к музе, вокативный комплекс *о муза* получил широкое распространение в письменной речи, по его образцу возникли обращение к другим лицам, топонимам, абстрактным и конкретным существительным. Попытки определить в вокативном комплексе *о* как частицу не вполне убедительны. В русском устном языке возникло также междометие *о*, выражающее какое-либо сильное чувство (боль, страдание, тревогу, отчаяние), а также омонимичное междометие, не включённое в словари, использующееся при неожиданности встрече или обнаружении предмета.

Междометие *увы* мы относим к заимствованиям из церковнославянского языка, источником для которого послужило греческое междометие, поскольку оно не имеет соответствий в близкородственных славянских языках, кроме болгарского, неразрывно связанного с церковнославянским языком. Междометие *гм / хм* представлено единообразно во всех славянских языках и в греческом, но отсутствует в других языках (родственных и неродственных). Это заставляет предположить о наличии греческого влияния на функционирование этого междометия у славян.

В русском языке активно используются заимствованные междометия, которые пришли из контактирующих языков: *ура* (немецкий первоисточник), *айда* (тюркизм), *алло* (галлицизм), *шабаш* (ивритизм). К заимствованным междометиям, пришедшим в русский язык устным и письменным путём из европейских языков, относятся также театральные возгласы *браво* и *бис* (итальянизмы), охотничьи команды *апорт*, *пиль*, *тубо* (галлицизмы), слова *стоп* (англицизм), *марш* (галлицизм), *виват* (германизм / латинизм), *баста* (итальянизм) и др. В новое время в русский язык вошли интеръективные заимствования из англо-американского сленга *окей*, *вау*, которые получили распространение и в других языках, включая китайский. Изучение междометий позволяет обнаружить особенности этнолингвокультуры русского народа, выразительные возможности русского языка, его связи с лингвокультурами разных народов.

Междометия широко используются авторами художественных текстов, которые стремятся отразить реальную жизнь языка. Они встречаются преимущественно в диалогах героев произведений. В ходе перевода текста с одного языка на другой, в т. ч. с русского на китайский и наоборот, переводчику приходится прибегать к сложным решениям, учитывая многозначность дефиниций междометий, различия в силе выражаемой ими экспрессии (прежде всего у примарных междометий).

В произведениях А. С. Пушкина встречаются междометия, известные из лексикографических источников и лингвистических работ того времени. Высокая частотность междометий *о* и *увы* объясняется высоким стилем, книжным характером текстов, в которых они употреблены. Междометия *ах*, *ай*, *ох* и др. свидетельствуют о народной составляющей речи. При описании жизни греков А. С. Пушкин использует заимствованные междометия *эвоэ* и *фора*. В значительной степени в творчестве поэта представлены вторичные междометия и междометные словосочетания: *горе*, *беда*, *страх*, *ужас* и др.

В пьесах А. Н. Островского представлен весь спектр междометий, функционирующих в русском языке. Значительное место в текстах занимают первичные междометия, с помощью которых автор отражает разнообразие чувств и переживаний героев. В число самых частотных слов пьес входят междометия *ну* и *ах*. Встречаются также примарные междометия *ох*, *эх*, *эй* и др. В словарях отмечены три типа определений для первичных междометий: 1) употребляется как выражение боли, досады, эмоций (*ой*); 2) выражает эмоции (*эх*); 3) коммуникативный возглас (*эй*). Вторичные междометия в пьесах А. Н. Островского в основном представлены прошедшими интеръективацию словами *Бог*, *Боже*, *Господи*, используемыми как самостоятельно, так и в составе междометных конструкций (*сохрани Господи*, *Бог с тобой* и др.). Во многих случаях затруднительно провести границу между междометным и религиозным употреблением данных единиц в речи персонажей.

Местоименно-междометные комплексы в русских художественных текстах используются для выражения различных эмоций, но только некоторые из них включены в словари. В китайском языке подобные комплексы отсутствуют. При переводе можно использовать китайские простые, редуцированные или сложные междометия, которые выражают такие же или похожие эмоции. В некоторых случаях следует использовать наречия, которые в полном контексте предложения отражают эмоции гнева или недовольства. Другие проблемы, возникающие в процессе перевода на

китайский язык междометно-местоименных комплексов в русских художественных текстах, требуют дальнейшего анализа.

В русских диалектах встречаются как примарные междометия, так и фонетически и морфемно преобразованные единицы и междометные комплексы. Они отражают широкий спектр чувств и внутренних переживаний человека, некоторые из них обладают императивной функцией, способны в тексте становиться сказуемым.

В русской народной речи регулярно используются междометные комплексы, содержащие примарное междометие и расширители фонетического и лексико-синтаксического типа. В качестве фонетических расширителей используются асемантические повторы и звуковые добавки. В состав новых междометных дериватов входят звуки [х] и [й], а также сонорный [м], добавляющий экспрессию в новое слово. Используется также суффикс -ушк-, придающий деривату уменьшительно-ласкательный оттенок значения. Дериват *океюшки* включён в Орфографический словарь русского языка.

Анализ употребления междометий в художественном тексте предоставляет возможность рассмотреть использование этого пласта лексики в языке, связь его единиц с другими словами и фраземами, а также выявить особенности работы переводчика при необходимости адекватно передать в переводном тексте сложные смысловые оттенки интеръективных слов.

Будучи частью лексического состава языка, междометия активно вступают в деривацию, образуя единицы других частей речи. Отмеждометные глаголы образуются с помощью суффикса -а- (*ахать*, *охать* и др.), а при образовании глаголов от междометий, заканчивающихся на гласный или -j-, перед ним ставится интерфикс -к- (*ойкать*, *хихикать* и др.). Префиксальный способ образования глаголов отмеждометного происхождения вносит семантические приращения в дериваты. Приставка *по-* образует делимитатив, означающий, что состояние или процесс начались и имели место некоторое время, а потом прекратились: *поахать*, *поохать*, *поойкать*, *похихикать* и др. От глаголов-делимитативов образуются глаголы

несовершенного вида с помощью суффикса *-ива-*: *поахивать, поохивать, поойкивать, поихикивать*. Конфиксальные глаголы с префиксом *на-* и постфиксом *-ся* получают семантику ‘вдоволь, много произвести действий по значению производящего глагола’: *наохаться, наахаться* и др. От междометий по существующим деривационным моделям образуются потенциальные и окказиональные глаголы.

Первообразные междометия в русском и китайском языках имеют общие закономерности образования и функционирования: простую фонетическую структуру, отражение многообразия эмоционального состояния человека. Особенностью китайской орфографии является использование на письме в иероглифе структурного элемента 口 ‘рот’. Обнаруживается сходство русских и китайских междометий в использовании повторов. Русское трёхсложное междометие *ай-ай-ай (ай-яй-яй)* сходно с китайским словом 哎呀呀 [āi yā yā], что подчёркивает внесистемный характер междометий, их зависимость от физиологических произвольных возгласов. При этом семантика интеръективных единиц различается: русское междометие имеет значение упрека, порицания, насмешки или испуга, боязни чего-л., а китайское используется для выражения неожиданности. Вторичные междометия в обоих языках имеют сходство в образовании и функционировании: они возникают путём интеръективации знаменательных слов, которые утрачивают свою семантику и становятся выразителями эмоций. При всей специфике лингвокультур русского и китайского народов перевод вторичных междометий не составляет большого труда в отличие от первичных междометий, выбор которых при переводе русского текста на китайский и наоборот требует тщательного учёта эмоциональной составляющей междометий, их соответствия описываемой коммуникативной ситуации.

Перспективы дальнейшего исследования заключаются в установлении и описании лингвокультурной и этнолингвистической специфики междометий и междометно-местоименных комплексов русского и китайского языков, в

разработке правил одноязычного и переводного лексикографирования русских и китайских междометий, в изучении функционирования интеръективных единиц в текстах различных жанров с использованием возможностей Национальных корпусов русского и китайского языков.

Список литературы

1. Аксаков К. С. Полное собрание сочинений. Том II. Сочинения филологические. Часть I. Москва: Университ. тип., 1875. XII + 660 с.
2. Андреев А. Ю. Вольное российское собрание // Андреев А. Ю., Цыганков Д. А. Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 134–135.
3. Бабайцева В. В., Максимов Л. Ю. Современный русский язык: в 3 ч. Ч. 3: Синтаксис. Пунктуация. 2-е изд., перераб. – Москва: Просвещение, 1987. – 256 с.
4. Баранникова Л. И. Введение в языкознание. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1973. – 384 с.
5. Баренбаум И. Е., Костылева Н. А. Книжный Петербург – Ленинград. – Ленинград: Лениздат, 1986. – 446 с. + 16 л. ил.
6. [Барсов А. А.] «Российская грамматика» Антона Алексеевича Барсова / Подгот. текста и текстол. коммент. М. П. Тоболовой; под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. – Москва: Изд-во МГУ, 1981. – 776 с.
7. Бахмутова Е. А. Категория междометий и континуум коммуникативного поведения // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2006а. Вып. 2(42). – С. 238–241.
8. Бахмутова Е. А. Когнитивно-дискурсивный аспект английских междометий: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тамбов, 2006б. – 24 с.
9. Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1: XI–XII век / [под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева, Н. В. Поньрко]. – Санкт-Петербург: Наука, 1997. – 542 с.

10. Богородицкий В. А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). Изд. 5-е, перераб. – Москва; Ленинград: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – 354 + 2 с.
11. Бодур Е. Д., Королева О. П. Междометие в лингвострановедческом аспекте // Язык. Культура. Коммуникация. – 2016. №1 (19). – С. 278–284.
12. Боронникова Н. В., Верижникова Е. В. О коммуникативном статусе заимствованных междометий в современном македонском языке (на примере турецкого междометия *аман*) // Проблемы социо- и психолингвистики. Вып. 15. – Пермь: Изд-во Перм. гос. нац. ун-та, 2011. – С. 276–300.
13. Брысина Е. В., Супрун В. И. Названия кукушки и кукушонка в русском народном лингвосознании // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2020. – Т. 19, № 4. – С. 16–28.
14. Бутакова Л. О. Морфемика и словообразование современного русского языка: учеб. пособие. Омск: Изд-во ОмГУ; Вариант-Омск, 2010. – 173 с.
15. Вардугин В. И. Легенды и жизнь Лидии Руслановой. – Саратов: Приволжск. кн. изд-во, 1999. – 240 с.
16. Васильев Л. М. Семантика русского глагола: учеб. пособие. Москва: Высш. шк., 1981. – 184 с.
17. Веденеева В. А., Супрун В. И. Древнегреческий поэт Гомер в русской культуре // Царицынские рождественские чтения: сб. материалов конференций. Вып. 5 / под ред. В. И. Супруна. – Волгоград: ПринТерраДизайн, 2022. – С. 242–250.
18. Вежбицкая А. Семантические универсалии и базисные концепты. – Москва: Языки славянских культур, 2011. – 568 с.

19. [Венгерова З. А.] Вожега // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. VIа. Санкт-Петербург: Семёновская типо-литогр. (И. А. Ефрон), 1892. – С. 863.
20. Веретенников И. И. Народные песни Шебекинского района: Переложения и обработки для ансамблей и солистов. – Белгород: Изд-во БГЦНТ, 2014. – 52 с.
21. Верлинский А. Л. Античные учения о возникновении языка: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Санкт-Петербург 2008. – 35 с.
22. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / пер. с итал. и комм. А. А. Губера; общ. ред. и вступ. ст. М. А. Лифшица. – Ленинград: Худ. литература, 1940. – 620 с.
23. Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций / пер. с итал. и комм. А. А. Губера; вступ. ст. Ю. В. Ивановой, П. В. Соколова. – Москва: РИПОЛ классик, 2018. – 704 с.
24. Виноградов В. В. А. С. Пушкин – основоположник русского литературного языка // Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка. – 1949. Т. VIII, вып. 3, май–июнь. – С. 187–215.
25. Виноградов В. В. Предисловие к 1-му изданию // Словарь языка А. С. Пушкина. В 4 т. Т. 1. Москва: Азбуковник, 2000. – С. X–XV.
26. Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Отв. ред. Г. А. Золотова. Изд. 3-е, исправ. – Москва: Высш. шк., 1986. – 640 с.
27. Вомперский В. П. Российская академия (1783–1841) // Русская речь. 1992. №3. С. 3–11.
28. Востоков А. Х. Русская грамматика, по начертаниям его же сокращенной грамматики полнее изложенная. Изд. 6-е, исправ. Санкт-Петербург: Тип. ИАН, 1844. – 355 с.

29. Галкина-Федорук Е. М. Современный русский язык: Лексикология, фонетика, морфология. – Москва: Либриком, 2009. – 408 с.
30. Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. Изд. 5-е, стер. – Москва: КомКнига, 2007. – 144 с.
31. Гердер И. Г. Трактат о происхождении языка / Пер. с нем. Г. Ю. Бергельсона; вступ. ст. В. М. Жирмунского. Изд. 2-е. – Москва: ЛКИ, 2007. – LIX с. + с. 133–158 (История лингвофилософской мысли.)
32. Германович А. И. Междометия как часть речи // Русский язык в школе. – 1941. №2. – С. 28–35.
33. Германович А. И. Междометия русского языка: пособие для учителя. Киев: Радянська школа, 1966. – 168 с.
34. Голуб И. Б. Стилистика русского языка. 3-е изд., испр. – Москва: Рольф, 2001. – 448 с.
35. Горшков А. И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика. – Москва: АСТ; Астрель, 2006. – 367 с.
36. Греч Н. И. Пространная русская грамматика. Том первый. – Санкт-Петербург: Тип. Н. Греча, 1827. – 386 с.
37. Грушецкая В. А. Германович Александр Илариевич (1896–1973) // Профессора Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского: в 3 т. Т. 1 – Белгород: Константа, 2018. – С. 231–232.
38. Державина Е. И. Предшественник «Словаря Академии Российской 1789–1794» и его автор (П. А. Алексеев) // Е. Р. Дашкова и её современники. – Москва: Моск. гуманитар. ин-т им. Е. Р. Дашковой, 2002. – С. 83–92.
39. Десятков К. С. Грамматика Федора Максимова 1723 года: история создания и практика использования // Учёные записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2020. – № 5 (30). – С. 1–5.

40. Добрушина Н. Р. Принципы и методы системного лексикографического описания междометий: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1995. – 25 с.

41. Донат Элий. Малая грамматика. О частях речи / Перевод Д. В. Бубнова // Вестник Пермского университета. Серия: История. – 2003. №4. – С. 120–144.

42. Ду Сянь. Местоименно-междометные комплексы в русском художественном тексте и проблемы их перевода на китайский язык // Новые горизонты русистики (Донецк). – 2022. № 18. – С. 69–73.

43. Ду Сянь. О междометных комплексах в художественном тексте (*Ух ты* в текстах XVIII–XXI веков) // Вестник Литературного института им. А. М. Горького. – 2021а. №2–3. – С. 109–114.

44. Ду Сянь. Междометные комплексы в русской народной речи // Современная русская лексикология, лексикография и лингвогеография. 2021 / отв. ред. О. Н. Крылова. – Санкт-Петербург: Изд-во ИЛИ РАН, 2021б. – С. 67–73.

45. Дубичинский В. В. Лексикография русского языка: учеб. пособие. – Москва: Флинта: Наука, 2008. – 432 с.

46. Дубичинский В. В. Теоретическая и практическая лексикография. – Вена; Харьков: Reprografie Kohlweis Klagenfurt, 1998. – 160 с.

47. Есперсен О. Философия грамматики / пер. с англ. В. В. Пассека, С. П. Сафроновой; под ред. и с предисл. Б. А. Ильиша. Изд. 3-е, стер. – Москва: URSS; Ленанд, 2006. – 404 с.

48. Зайцева А. А. Новые материалы о Санкт-Петербургском книготорговце и издателе И. П. Глазунове (из истории русской книжной торговли конца XVIII – начала XIX века) // Книгопечатание и книжные собрания в России до середины XIX века: сб. науч. тр. / Отв. ред. С. П. Луппов. Ленинград: Изд-во Библ. АН СССР, 1979. С. 76–97.

49. Зализняк Анна А., Шмелев А. Д. Введение в русскую аспектологию. Москва: Языки русской культуры. 2000. – 226 с. (Studia philologica).
50. Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование: учеб. пособие. – Москва: Просвещение, 1973. – 304 с. 3-е изд., испр. и доп. - Москва: Флинта; Наука, 2011. – 328 с.
51. [Зизаний Лаврентий]. Грамматика словенска съвершеннаго искусства осми частей слова и иных нуждных. Новоставлена Л<аврентія> Z<изанія>. – Виля: Друкарня братская, 1596. ПѠ (89) + 2 + 6 + 62 л.
52. Зизаний Л. И. Катехизис большой. – Москва: [Печатный двор], [1627]. – 395 л. Электронная версия издания 1878 года: Санкт-Петербург: Аксион эстин, 2007.
53. История механики в России / Под ред. А. Н. Боголюбова, И. З. Штокало. – Киев: Наукова думка, 1987. – 392 с.
54. Исянгулова Г. А. Междометия, заимствованные из других языков, в современном башкирском языке // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №1–1. – Режим доступа: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17688>. – (Дата обращения: 04.01.2025).
55. Карабардина П. С. Ф. М. Мюллер о происхождении языка // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. №3(9). – С. 32–36.
56. Коготкова Т. С. Русская диалектная лексикология. – Москва: Наука, 1979. – 332 с.
57. Козаржевский А. Ч. Учебник древнегреческого языка. Изд. 4-е. Москва: Греко-лат. кабинет им. Ю. А. Шичалина, 2002. – 456 с.
58. Коломинов В. В., Файнштейн М. Ш. Храм муз словесных: (Из истории Российской академии). Ленинград: Наука, Ленингр. отд-ние, 1986. – 149 с.

59. Корзо М. А. Украинская и белорусская катехетическая традиция конца XVI – XVIII вв.: становление, эволюция и проблема заимствований. Москва: Канон+; Реабилитация, 2007. – 672 с.
60. Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. Москва: Русский язык, 1989. – 639 с.
61. Кретов А. А., Стародубцева Ю. А. Особенности русских глаголов с суффиксом -НУ // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. №2. – С. 113–126.
62. Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. Москва: Языки славянских культур, 2007. – 320 с.
63. Круглов Ю. Г. Русские свадебные песни: Учеб. пособие для пед. ин-тов. Москва: Высш. школа, 1978. – 215 с.
64. Кудрявский Д. Н. Введение в языкознание. – Юрьев (Дерпт): Тип. К. Маттисена, 1912. – 130 с.
65. Кустова Е. Ю. Французское междометие: лексико-грамматические аспекты, семиогенез и интеракционные функции: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Воронеж, 2010. – 43 с.
66. Лагутова Е. Н. Словообразование на базе междометий и звукоподражаний в современном русском языке // Актуальные проблемы русского словообразования. В 2 ч. Ч. 2 / Отв. ред. А. Н. Тихонов. Ташкент: [б. и.], 1976. С. 293–297. (Учёные записки Ташкент. гос. пед. ин-та им. Низами).
67. Лищенко, Н. Ф. Собрание фольклора в Псковском крае (к проблеме становления региональной фольклористики): Дисс. <...> канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2017. – 314 с.
68. Ломоносов М. В. Российская грамматика. – Санкт-Петербург: Тип. Импер. акад. наук, 1755 (1757). – 210 + 3 с.

69. Ломоносов М. М. Полное собрание сочинений. Т. 7: Труды по филологии. 1739–1758 гг. / [Ред. В. В. Виноградов, С. Г. Бархударов, Г. П. Блок]. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1952. – 993 с.
70. Лукин О. В. Терминология теории частей речи: античные истоки // Ярославский педагогический вестник. – 2012. – Т. 1 (Гуманитарные науки). – №1. – С. 161–166.
71. Максимов Ф. Грамматика славенская в кратце собранная. – Санкт-Петербург: Тип. Троицкого Александровского монастыря, 1723. ТИ + СВИ (8+112) с.
72. Малоизвестные летописные памятники // Исторический архив. Том VII. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1951. – С. 207–253.
73. Матвеева, Т. В. Экспрессивность русского слова. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2013. – 173 с.
74. Мельников Г. П. Категория степени длительности глагольного действия и её связь с категорией вида // Труды аспектологического семинара филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. Т. 1. 2-е изд. Москва: Изд-во МГУ, 2001. – С. 122–140.
75. Мельников-Печерский П. И. Собрание сочинений: В 8 т. / Сост. и общ. ред. М. П. Еремин. Т. 4. – Москва: Правда, 1976. – 370 с.
76. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. Т. 2. 2-е изд. Москва: Сов. энцикл., 1992. – 719 с.
77. Михайлов А. Д. Вожла (Vaugelas), Клод Фавр де Перож // Краткая литературная энциклопедия: в 9 т. Т. 1. – Москва: Сов. энцикл., 1962. – Стб. 1006.
78. Михалькова Н. В. Детерминированность семантики иероглифических знаков китайского языка // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. – 2021. №2(58). – С. 140–146.

79. Модзалевский Б. Л. Хемницер, Иван Иванович // Русский биографический словарь / Изд. под наблюд. председ. Императ. Русского истор. об-ва А. А. Половцова. Т. 21. – Санкт-Петербург: тип. В. Безобразова и К, 1901. – С. 305–307.

80. Москвин В. П. Удлинение звука в русском слове: риторический и орфоэпический аспекты // Русский язык в школе. – 2015. № 5. – С. 54–61.

81. Москвин В. П. Фрикативный [γ] в современном русском языке: функциональный анализ // Известия Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Филологические науки. – 2023. № 1. – С. 78–87.

82. Никитин О. В. Лингвистическое наследие Д. Н. Кудрявского (К 150-летию со дня рождения) // Русский язык в школе. – 2017. №10. – С. 62–70.

83. Никифоров Ст. Д. Глагол, его категории и формы в русской письменности второй половины XVI века. Москва: Изд-во АН СССР, 1952. – 344 с.

84. Никольский Б. М. Истоки славянской грамматической теории (трактат «О восьми частях слова» и греческие грамматики): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 1995. – 20 с.

85. Німчук В. В. Памво Беринда і його «Лексіконь славенороскій и имень тлькованіє» // Лексикон словенороський Памви Беринди. – Київ: Вид-во АН УРСР, 1961. – С. I–XL.

86. Осповат К. А. Литературный спор Ломоносова и Сумарокова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2005. – 24 с.

87. Панов М. В. О частях речи в русском языке // Филологические науки. – 1960. №4. – С. 8–14.

88. Панов М. В. Русская фонетика. – Москва: Просвещения, 1967. – 440 с.

89. Плотникова В. А. Предисловие ко 2-му изданию // Словарь языка А. С. Пушкина. В 4 т. Т. 1. Москва: Азбуковник, 2000. – С. V–IX.

90. Поржезинский В. К. Введение в языковедение. Изд. 4-е, пересмотр. и доп. – Москва: Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1916. – 244 с.

91. Потебня А. А. Мысль и язык // Потебня А. А. Слово и миф / Сост., подготовка текста и примеч. А. Л. Топоркова; отв. ред. А. К. Байбурин. – Москва: Правда, 1989. – С. 17–200

92. Поэты XVIII века: в 2 т. Т. 2 / Сост. Г. П. Макогоненко и И. З. Серман; примеч. Г. С. Татищевой. Ленинград: Сов. писат., Ленингр. отд-ние, 1972. – 590 с. (Библиотека поэта; Большая серия. Второе изд-е).

93. Пушкин А. С. Российская Академия // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 7: Критика и публицистика. – Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1978. – С. 250–254.

94. Реформатский А. А. Введение в языковедение / Под ред. В. А. Виноградова. – Москва: Аспект Пресс, 2000. – 536 с. (5-е стер. переиздание 5-го издания учебника 1967 г.)

95. Розанов Н. П. Пётр Алексеевич Алексеев, протоиерей Архангельского собора в Москве, и его время // Душеполезное чтение: ежемесячное издание духовного содержания. – 1869. – Год 10-й. Часть I. Январь. Известия и заметки. – С. 11–26.

96. Русская грамматика. Т. I: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / гл. ред. Н. Ю. Шведова. – Москва: Наука, 1980. – 784 с.

97. Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков, а также о мелодии и музыкальном подражании // Руссо Ж.-Ж. Избранные сочинения в 3 т. Т. 1 / Сост. и вступ. ст. И. Е. Берцмана. – Москва: Гослитиздат, 1961. – С. 221–267.

98. Рыжкина О. А. Лексико-семантические и грамматические особенности междометий и их функционирование в речи (на материале пьес А. Н. Островского и А. П. Чехова). Автореф. дис. <...> канд. филол. наук. – Тамбов, 2009. – 25 с.
99. Рябкова Н. И. Три вопроса относительно междометия // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2015. – № 6 (39). – С. 46–51.
100. Савостина Д. А. Междометие О! как средство субъективности в поэтической речи // Вестник МГОУ. Серия «Русская филология». – 2011. № 2. – С. 34–38.
101. Самарин Д. А. «Грамматика» Мелетия Смотрицкого как предтеча русских лингвистических концепций XVIII–XIX веков // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2017. – №5 (80). – С. 110–114.
102. Семёнова Ю. С. Екатерина II как либретист: жанровые особенности комических опер императрицы // Вестник СПбГУ. Серия 15: Искусствоведение. 2012. Вып. 1. С. 255–263.
103. Середа Е. В. Место междометий в системе частей речи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Москва, 2004. – 20 с.
104. Середа Е. В. Морфология современного русского языка: Место междометий в системе частей речи: учеб. пособие. – Москва: Флинта; Наука, 2005. 2-е изд., стереот. – Москва: Флинта, 2013. – 160 с.
105. Сидоренко Е. Н. Александр Илариевич Германович: очерк жизни и научной деятельности. Симферополь: Крымский архив, 1996. – 32 с.
106. Скатов Н. Н. Драма одного издания // Вестник Российской академии наук. – 1995. Т. 65, № 2. – С. 153–163.
107. [Смотрицкий М.]. Грамматика словенская правильное синтагма потщанием многогрешного мниха Мелетия Смотрицкого, в коеновии Братства церковнаго Виленскаго при храме Сошествия пресвятаго и животворящаго

духа, назданном странствующего снисканное сии прижитое. Лета от воплощения бога слова ꙗХѸІ (1619). Правящу апостолский престол великия божия константинопольския церкви вселенскому патриарсе г<осподину> отцу Тимофею, Виленскому же коеновию предстателствующу г<осподину> отцу Леонтию Карповичу архимандриту в Евю. [Евьє: Тип. Братская, 1619. 252 л.]

108. [Смотрицкий М.]. Грамматики славенския правильное синтагма / Подгот. к изд. В. В. Нимчука; Отв. ред. В. М. Русановский. Факс. изд. «Грамматики» 1619 г. в комплекте с науч. исслед. Київ: Наукова думка, 1979. [252] л. + 111 с.

109. [Смотрицкий М. Г., Подикарпов Ф.]. Грамматика. – Москва: [Тип. 12. Приказа печатного двора], 1721. Е + СПГ (5+283) л.

110. Срезневский И. И. Словарь церковнославянского и русского языка, составленный II Отделением Императорской Академии наук. С. Петербург, 1847. Статья вторая // Журнал Министерства народного просвещения. 1848. №6. Отд. VI: Новые книги. С. 217–251.

111. Стернин И. А., Цофина Ю. А. Методика описания семантики междометия (на материале междометия *ax*) // Мир русского слова. – 2017. №1. – С. 33–36.

112. Суник О. П. Вопросы общей теории частей речи // Вопросы теории частей речи (на материале языков различных типов) / под. ред. В. М. Жирмунского и О. П. Суника. – Ленинград: Наука, 1968. – С. 33–48.

113. Супрун В. И. Образ топонима в творчестве А. С. Грина: на материале романа «Золотая цепь» // Горизонты коммуникативной лингвистики: Сб. науч. ст., посвящ. юбилею О. А. Леонтович. Волгоград: ПринТерра-Дизайн, 2024а. С. 65–79.

114. Супрун В. И. Заимствованные междометия в русском языке // Учёные записки Петрозаводского государственного университета. – 2024б. Т. 46. №1. – С. 13–19.

115. Супрун В. И. Грамотность – это имидж!: Загадки орфографии и пунктуации: Пособие для детей и взрослых / под ред. проф. Л. А. Шестак. – Волгоград: Деловой Стилль, 2024в. – 52 с.

116. Супрун В. И. Корпусная ономастика: имена собственные в Национальном корпусе русского языка // Ономастика Поволжья: Матер. XXII Междунар. науч. конф. Саратов: Изд-во СГМУ им. В. И. Разумовского, 2024г. – С. 72–76.

117. Супрун, В. И. Дериваты корня *mĭg-/mĭg- в славянских языках / В. И. Супрун // Язык и ментальность в диахронии: сб. науч. трудов по итогам IV Всерос. науч. семинара для молодых учёных с междунар. участием, посвящ. 90-летию со дня рождения В. В. Колесова. – Владимир: Изд-во ВГУ, 2024д. – С. 170–179.

118. Супрун В. И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.

119. Супрун В. И. Паремийные библионимы А. Н. Островского: к 200-летию со дня рождения драматурга // Региональная ономастика: проблемы и перспективы исследования: сб. науч. ст. к юбилею А.М. Мезенко. – Витебск: Изд-во ВГУ им. П. М. Машерова, 2023. – С. 167–171.

120. Супрун В. И., Брысина Е. В. Научный подвиг русского немца: к 90-летию избрания Макса Фасмера иностранным членом-корреспондентом АН СССР, 60-летию выхода в свет его «Этимологического словаря русского языка» и 45-летию публикации русского перевода, осуществлённого О. Н. Трубочёвым // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2019. №1(134). С. 254–264.

121. Супрун В. И., Ду Сянь. Междометия в первых русских словарях // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2023. Том 9 (75). №3. – С. 141–153.

122. Такун Ф. И. Славянский базар. – Москва: Современная музыка, 2005. – 510 с.

123. Тихонов А. Н. Первый гнездовой словарь и его роль в развитии русской лексикографии // Словарь Академии Российской 1789–1794. В 6 т. Т. 5. – Москва: Изд-во МГИ им. Е. Р. Дашковой. 2005. – С. 13–39.

124. Тишина Е. В. Русская ономотопея: диахронный и синхронный аспекты изучения: Дис. <...> канд. филол. наук. Волгоград, 2010. – 151 с.

125. Третьяков В. К. Сочинения и переводы, как стихами, так и прозой. Т. 1. – Санкт-Петербург: Наука, 2009. – 667 с.

126. Успенский Б. А. История русского литературного языка (XI–XVII вв.). – Москва: Аспект Пресс, 2002. – 558 с.

127. Ушаков Д. Н. Звук *z* фрикативный в русском литературном языке в настоящее время // Статьи по славянской филологии и русской словесности: Сб. статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского / Под ред. В. Н. Перетца. – Ленинград: Изд-во АН СССР, 1928. – С. 238–240. (Сб. Отделения рус. яз. и словесн. АН СССР. Том CI. №3).

128. Файнштейн М. Ш. «И славу Франции в России превзойти...»: Российская академия (1783–1841) и развитие культуры и гуманитарных наук. – Москва; Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2002. – 191 с.

129. Федотов М. Л. Чуйкова О. Ю. К определению аспектуального значения лимитатива и к вопросу об особенностях «делимитативной» деривации русского глагола // Из прошлого в будущее: Сб. статей и воспоминаний к 100-летию проф. Ю. С. Маслова / Ред. Е. И. Грехова. Санкт-Петербург: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. – С. 153–203.

130. Феликсов С. В. П. А. Алексеев как лексикограф: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. – Москва, 2009а. – 26 с.

131. Феликсов С. В. «Церковный словарь» протоиерея П. А. Алексеева // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. 2009б. Вып. 2(16). С. 7–14.
132. Фивейская Е. А. Проблемы разработки междометий для толкового словаря (на материале междометий со словом *Бог*) // Российская академическая лексикография: современное состояние и перспективы развития: Сб. науч. ст. по матер. Междунар. конф., посвящ. 70-летию выхода первого тома академического «Словаря современного русского литературного языка». – Санкт-Петербург: Нестор-история, 2018. – С. 450–463.
133. Филиппович А. Ю. Предшественники и последователи Словаря Академии Российской 1789–1794 гг. // Альманах исследований Словаря Академии Российской. Январь – декабрь 2007. – Режим доступа: <http://it-claim.ru/Projects/ESAR/Almanah/7philippovich1.pdf>. – (Дата обращения 05.01.2025).
134. Флоря Б. Н. Лаврентий Зизаний в России // Вестник церковной истории. 2012. № 1–2 (25–26). С. 255–261.
135. Фортунатов Ф. Ф. Избранные труды. Т. 1 / Ответ. ред. М. Н. Петерсон. Москва: Учпедгиз, 1956. – 450 с.
136. Хартанович М. Ф. Гуманитарные научные учреждения Санкт-Петербурга XIX века (исторические очерки). СПб. Нестор-История, 2006. 232 с.
137. Храковский В. С. Типология семельфактива // Типология вида: проблемы, поиски, решения: матер. Междунар. науч. конф. / Отв. ред. М. Ю. Черткова. Москва: Школа «Языки рус. культ.», 1998. С. 485–490.
138. Цофина Ю. А. Лексикографическое представление психолингвистического значения междометий (на материале междометия *эй*) // Филологические чтения: Человек. Текст. Дискурс: матер. конф. / Сост. Е. А. Федорова; под ред. И. А. Стернина, М. В. Шамановой. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2019. – С. 65–69.

139. Шалунова М. Ю. О знаковой природе междометий // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2012. №3. – С. 83–86.

140. Шаронов И. А. Междометия в языке, в тексте и в коммуникации: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. – Москва, 2009. – 36 с.

141. Шаронов И. А. Назад к междометиям // Компьютерная лингвистика и информационные технологии: труды Междунар. конф. «Диалог-2004». Москва: Наука, 2004. – С. 660–665.

142. Шестак Л. А. Динамика современного русского языка: номинация и грамматические формы // Неология. Неография. 2023: Сб. науч. статей / Отв. ред. Н. В. Козловская. – Санкт-Петербург: Изд-во ИЛИ РАН, 2024. – С. 143–159.

143. Шигуров В.В. Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи (Материалы к транспозиционной грамматике русского языка). – Москва: Academia, 2009. – 464 с. (Монографические исследования: языкознание).

144. Шкапенко Т. М. Англо-американское междометие «вау» в современном русском языке // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2016. № 4. – С. 141–149.

145. Шкапенко Т. М. Интеракционно-прагматические функции междометий (на материале заимствованных англо-американских интеръективов в современном русском языке): автореф. дисс. ... д-ра филол. наук. Калининград, 2017. – 40 с.

146. Шкапенко Т. М. «Йес!» contra «Ура!»: два междометия – два мира // Актуальные проблемы лингвистики XXI века: сб. науч. ст. конф., посвящ. юбилею Л. Б. Карпенко / Отв. ред. Н. А. Илюхина. Самара: Изд-во Самар. гуманит. акад., 2023. – С. 77–80.

147. Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку / Сост., ред. и коммент. М. И. Матусевич. Москва: Учпедгиз, 1957. – 188 с.
148. Ameka F. Interjections: The universal yet neglected part of speech // *Journal of Pragmatics* (North-Holland). – 1992. № 18. – P. 101–118.
149. Bekker I. *Anecdota Graeca. Vol. secundum.* – Berolini: apud. G. Reimerum, 1816. – Pp. 477–971 (сплошная пагинация двух томов).
150. Benfey Th. *Geschichte der Sprachwissenschaft und orientalischen Philologie in Deutschland seit dem Anfange des 19. Jahrhunderts mit eine Rückblick auf die früheren Zeiten.* München: J. G. Gotta'schen Buchhandlung, 1869. – 837 S.
151. Dickey S. M., Hutcheson J. *Delimitative Verbs in Russian, Chech and Slavic // American Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists. Vol. 1: Linguistics / Ed. by R. A. Maguire, A. Timberlake.* – Bloomington, In: *Slavica Publ.*, 2003. – P. 23–36.
152. Herder J. G. *Abhandlung über den Ursprung der Sprache, welche den von der Königl. Academie der Wissenschaften für das Jahr 1770 gesetzten Preis erhalten hat. Auf Befehl der Akademie herausgegeben.* Berlin: Ch. F. Voß, 1772. – 222 S.
153. Jakobson R. *Marginalia to Vasmer's Russian Etymological Dictionary (Р–Я) // International Journal of Slavic Linguistics and Poetics.* – 1959. Vol. I/II. – P. 266–278.
154. Jespersen O. *The Philosophy of Grammar.* – London: George Allen & Unwin LTD; New York: Henry Holt and Company, 1924. – 859 p.
155. Jespersen O. *Language, its Nature, Development and Origin.* – London; New York: Allen & Unwin, Holt, 1925. – 448 p.
156. Kockelman P. *The Meanings of Interjections in Q'eqchi' Maya : From Emotive Reaction to Social and Discursive Action / P. Kockelman // Current Anthropology.* – 2003. Vol. 44. No 4, August–October. – P. 467–490.

157. Korusowie A. i K. Hellenike Glotta: podręcznik do nauki języka greckiego, Warszawa; Kraków: Wyd-wo Naukowe PWN, 1994. – 324 s.

158. Kozera I. Семантическая характеристика русского глагола по данным НКРЯ // Acta Universitatis Lodziensis. Folia Linguistica Rossica. – 2018. №16. – S. 75–92.

159. Lerch E. Historische französische Syntax. Dritter Band: Modalität (Stimmführung und affektische Verkürzung; Interjektionen und Nominalsätze; Stimmdruck und Wortstellung). Leipzig: O. R. Reisland, 1934. XVI + 504 S.

160. Luschnig C. A. E. An Introduction to Ancient Greek: A Literary Approach. 2nd ed. / Rev. by C. A. E. Luschnig, D. Mitchell. – Indianapolis; Cambridge: Hackett Publishing Co., Inc. 2007. – 374 p.

161. Müller F. M. Lectures on the Science of Language: Delivered at the Royal Institution of Great Britain in May, June and July of 1861 / by F. Max Müller. New York: C. Scribner & Co., 1866. – 416 p.

162. Sharoff S., Umanskaya E., Wilson J. Frequency Dictionary of Russian: Core Vocabulary for Learners. – Abingdon-on-Thames: Routledge, 2013. – 384 p.

163. Schachter P. Parts of Speech Systems // Language Typology and Syntactic Description / Ed. T. Shopen. Vol. 1: Clause structure. – Cambridge etc.: Univ. Press., 2007. – Pp. 3–61.

164. Schironi Fr. The Best of the Grammarians: Aristarchus of Samothrace on the Iliad. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2018. – 936 p.

165. 徐来娣. 俄语原生感叹词的发音与情感意义 // 外语研究: 2003 年第一期, 总第 77 期. 江苏南京. 2003. – 页面 46–49.

166. 王旋. 基于语料库研究方法 – 对俄罗斯文学作品中感叹词 “Ax” 感情表现力色彩的翻译分析 // 学科教育 (China Academic Journal Electronic Publishing House). – 2020. 年 2 月 (下旬). – 页面 184–186.

167. 陈茂赓. 论谓语性感叹词 // 四川外语学院学报 (重庆). – 1999 年第 1 期 (总第 71 期). – 页面 61–65.
168. 董亚玲. 关于俄语成语性感叹词的探讨 // 长春大学学报 (长春). – 2003 年 6 月第 13 卷第 3 期. – 页面 105–107.
169. 高名凯, 石安石. 《语言学概论》. – 中华书局. 北京. 1987. – 261 页.
170. 蒋于花. 从话语活动看感叹词的语用功能 // 湘潭师范学院学报 (社会科学版) (湖南). – 2009 年 3 月第 31 卷第 2 期. – 页面 93–95.
171. 刘国平. 俄语感叹词性话语刍议 // 福建外语. – 1989. – 页面 20–24.

Список словарей

АРС – Мюллер В. К. Англо-русский словарь. Изд. 21-е, исправ. – Москва: Рус. яз., 1987. – 844 с.

АЦС-1 – Алексеев П. А. Церковный словарь, или Использование речений славенских древних, також иноязычных без перевода положенных в Священном Писании и других церковных книгах. В 4 ч. Изд. 3-е. – Москва: Синодальная тип., 1815–1816.

АЦС-2 – Алексеев П. А. Церковный словарь, или Истолкование речений славенских древних, також иноязычных без перевода положенных в Священном писании и других церковных книгах. В 5 ч. Изд. 4-е. [/ Под ред. Д. М. Соколова и П. И. Соколова]. – Санкт-Петербург: Тип. Ивана Глазунова, 1817–1819.

БАС-1 – Словарь современного русского литературного языка в 17 томах. – Москва; Ленинград: Наука, 1948(1950)–1965.

БАС-3 – Большой академический словарь русского языка. Т. 1–9 / Гл. ред. К. С. Горбачевич, науч. координатор А. С. Герд. Т. 10–12 / Науч. координатор

А. С. Герд. Т. 13–27 / Гл. ред. А. С. Герд. Москва; Санкт-Петербург: Наука, 2004–2021. (Издание продолжается).

БПЛ-1 – [Берында Памва]. Лексикон славеноросский и имен тлькование. Пръвое типом изобразися. – Киев: Тип. Киево-Печерской лавры, #АХКЗ (1627). – УОЗ (477) стб.

БПЛ-2 – [Берында Памва]. Лексикон славеноросский. Имен тлькование. – [Орша]: Тип. Кутеинского Богоявленского монастыря, 1653. – 3 + ТКД (324) л.

БСРГ – Большой толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы. Английские эквиваленты / под общ. ред. Л. Г. Бабенко. – Москва: АСТ-ПРЕСС, 2007. – 573 с.

БСРП – Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. Москва: ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.

БТС – Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – Санкт-Петербург: Норинт, 1998. – 1536 с.

ВЛБ – Weismann E. Lexikon bipartitum latino-germanicum et germanico-latinum in quo latinitas prisca et pura <...> ex probatissimis autoribus methodo perspicua explicatur. – Stuttgart, 1673.

ГРС – Вейсман А. Д. Греческо-русский словарь. – Москва: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 1991. – 1370 стлб. – Репринт V-го издания 1899 г.

ДСОС – Добровольский, В. Н. Смоленский областной словарь / В. Н. Добровольский. Смоленск: Тип. П. А. Силина, 1914. – 1022 с.

ДТС – Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка В 4 т. Москва: ГИИНС, 1955.

ЕСТС – Ефремова Современный толковый словарь русского языка. В 3 т. Москва: АСТ; Астрель, 2006.

ИОС – Изюмов М. М. Опыт словаря русского языка сравнительно съ языками индо-европейскими. В 4-хъ отдѣлахъ: для учащихся в гимназіяхъ вѣдомства Министерства народнаго просвѣщенія. – Санкт-Петербургъ: Изд. книгопродавца Н. А. Шигина, 1880. – LXXXII + 598 с.

ЛРС – Петрученко О. Латинско-русский словарь. – Москва: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шичалина, 2004. – 810 с.

МАС – Словарь русского языка: в 4 т. Изд. 2-е, исправ. и доп. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. – Москва: Рус. яз., 1981-1984. 4-е изд., стер. – Москва: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.

МНМ – Мифы народов мира: Энциклопедия / Гл. ред. С. А. Токарев. В 2 т. – Москва: Сов. энцикл., 1980–1982. – Т. 1. А–К. – 672 с. Т. 2. К–Я. – 720 с.

ОАР – Орфографический академический ресурс [Электронный ресурс] // orfo.ruslang.ru. (дата обращения 08.01.2025)

НЛР – [Вейсманн Э., Адодуров В. Е.] Немецко-латинский и русский лексикон купно с первыми началами рускаго языка. – St. Petersburg: Duchdruckerey der Kaiserl. Acad. der Wissenschaftte, 1731. – 2 + 788 + 48 с.

НУС – Лещинська В. М., Мазний О. Г., Сільвестрова К. М. Німецько-український словник. – Київ: Радян. школа, 1958. – 1052 с.

ПЛТ – [Поликарпов-Орлов Ф. П.] Лексикон треязычный, сиречь речений славенских, еллиногреческих и латинских сокровище. – Москва: Царская тип., 1704. – И⁷(8) + С⁵(206) + Р¹⁵(186) + 6 с.

ПСИС – Попов М. Полный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. Изд. 3-е, доп. М.: Тип. Тов-ва И. Д. Сытина, 1907. 458 + 136 с.

ПРН-1 – Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и пр.: [в 2 т.] / авт.-сост. В. И. Даль. 2-е изд. Санкт-Петербург; Москва: Тип. М. О. Вольф, 1879. – 685 + 638 с.

ПРН-2 – Пословицы русского народа. Сборник В. Даля. В 2 т. т. 1 / Вступ. слово М. Шолохова. Москва: Худож. литер., 1989. – 431 с.

ПФС – Орлов А. И. Полный филологический словарь русского языка, с подробнейшим разъяснением всех отличий разговорной речи от её письменного изображения и с указанием значения и замены всех иноязычных слов, вошедших в состав русского языка, чисто русскими словами. Т.2. – Москва: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1885. – 914 с.

ПЦС – Дьяченко Г. М. Полный церковнославянский словарь. В 2 т. Том I. – Москва: Терра – Книжный клуб, 1998. – 608 с. – Репринт издания 1900 года.

РДК – Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. – Москва: ЧеРо, 1999. – 400 с.

САР-1 – Словарь Академии Российской 1789–1794. В 6 ч. – Санкт-Петербург: Тип. Императ. Акад. наук, 1789–1794.

САР-3 – Словарь Академии Российской 1789–1794. В 6 т. – Москва: Изд-во МГИ им. Е. Р. Дашковой, 2001–2006.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 1 / Сост. [и ред.] Ф. П. Филин. Вып. 2–23 / Гл. ред. Ф. П. Филин, ред. Ф. П. Сороколетов. Вып. 24–41 / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов. Вып. 42–46 / Гл. ред. Ф. П. Сороколетов, ред. (отв. ред.) С. А. Мызников. Вып. 47–52 / Гл. ред. С. А. Мызников. Москва (первые два выпуска); Ленинград (Санкт-Петербург): Наука, 1965–2021. (Издание продолжается).

СРЯ – Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1–6 / Гл. ред. С. Г. Бархударов, ред. Г. А. Богатова. Вып. 7–10 / Гл. ред. Ф. П. Филин, ред. Г. А. Богатова. Вып. 11–14 / Гл. ред. Д. И. Шмелёв, ред. Г. А. Богатова. Вып. 15–26 / Гл. ред. Г. А. Богатова. Вып. 27–29 / Гл. ред. В. Б. Крысько. Вып. 30–31 / Гл. ред. Р. И. Кривко. Вып. 32 / Гл. ред. Я. А. Пенькова. Москва: Наука (Азбуковник; Нестор-история; ЛЕКСРУС), 1975–2023. (Издание продолжается).

СтС – Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р. М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. – Москва: Русский язык, 1994. – 842 с.

СУМ – Білецький-Носенко П. П. Словник української мови. – Київ: Наукова думка, 1965. – 424 с.

СЯП – Словарь языка А. С. Пушкина. В 4 т. 2-е изд., доп. / Отв. ред. В. В. Виноградов. – Москва: Азбуковник, 2000.

ТСС – Бирюлин Л. А. Толково-синтаксический словарь русских мультипликативов и семельфактивов. – Санкт-Петербург: ИЛИ РАН, 2024. – 1333 с.

ТЭС – Әхмәтъянов Р. Г. Татар теленең этимологик сүзлеге: Ике томда. I том. – Казан: Мәгариф – Вақыт, 2015. – 543 б.

ФЭС – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачёва; под ред. и с предисл. Б. А. Ларина. Изд. 2-е. стер. Москва: Прогресс, 1986–1987.

ШБЭС – Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. – Москва: Прозерпина, 1994. – 400 с.

ШКРЯ – Шимкевич Ф. С. Корнеслов русского языка, в сравнении со всеми главными славянскими наречиями и 24 иностранными языками. В 2 ч. Санкт-Петербург: Тип. Импер. Акад. наук, 1842.

ШКЭС – Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка: пособие для учителей. – Изд. 3-е, исправ. и доп. – Москва: Просвещение, 1975. – 543 с.

ЭССЯ – Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 26 / Под ред. О. Н. Трубачёва. – Москва: Наука, 1999. – 237 с.

DDE – Dauzat A. Dictionnaire étymologique de la langue française. Paris: Librairie Larousse, 1938. 824 p.

GVS – Grimblot L. Vocabulaire synthétique de la langue française. Paris: Librairie Larousse, 1902. 1160 p.

LA – Goetzinger G., Conter Cl. Luxemburger Autorenlexikon. Mersch: Centre national de littérature, 2007. 687 S.

OED – Online Etymology Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.etymonline.com/search?q=wow> (дата обращения 25.01.2025)

WFW – Wartburg W. von. Französisches Etymologisches Wörterbuch: Eine Darstellung des galloromanischen Sprachschatzes. Vol. 18: Anglicismes. Leipzig; Bonn; Bâle: Schroeder / Klopp / Teubner / Helbing & Lichtenhahn / Zbinden, 1922. 683 S.

Список источников

АВ – Весёлый А. Избранное: Роман. Рассказы. Очерки. Стихотворения в прозе / Сост., вступ. ст. и коммент. З. А. Весёлой. – Москва: Правда, 1990. – 461 с.

АПС-1 – Сумароков А. П. Полное собрание всех сочинений: В стихах и прозе. В 10 ч. / Собраны и изданы в удовольствие любителей российской учености Николаем Новиковым. Ч. 1. – Москва: Унив. тип. у Н. Новикова, 1781. – [32] + 364 с.

АПС-2 – Сумароков А. П. Стихотворения / Под ред. А. С. Орлова. – [Ленинград]: Сов. писат., 1935. – 486 с. (Библиотека поэта / Под ред. М. Горького).

АПС-3 – Сумароков А. П. Избранные произведения / Вступ. ст., подготовка текста и примеч. П. Н. Беркова. – Ленинград: Сов. писат., 1957. – 608 с. (Библиотека поэта. Большая серия. 2-е изд-е).

АСП – Пушкин А. С. Полное собрание сочинений. В 16 т. – Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР, 1937–1959.

БПЕ – Екимов Б. П. «Говори, мама, говори...» // Екимов Б. П. Как рассказать...: книга для школьного и семейного чтения. – Волгоград: Издатель, 2018. – С. 32–39.

АНО – Островский А. Н. Полное собрание сочинений в 16 т. Т. I: Пьесы 1847–1854 / сост. Г. И. Владыкин; подгот. текста и коммент. С. Ф. Елеонского, А. И. Ревякина. – Москва: Гослитиздат, 1950. – 416 с.; Т. 2: Пьесы. 1856–1861 / сост. А. И. Ревякин; подгот. текста и коммент. С. Н. Гродской и др. – 1950. – 404 с. Т. 6: Пьесы. 1871–1874 / сост. К.Н. Державин; подгот. пьес и коммент. Н.В. Водовозова и др. – 1950. – 374 с.

АСГ – Грин А. С. Золотая цепь // Грин А. С. Собрание сочинений в 6 т. Т. 4 / Под общей ред. Вл. Россельса. – Москва: Правда, 1965. С. 3–125. (Библиотека «Огонька»).

ВПА - Авенариус В. П. Бродящие силы: Две повести: I. Современная идиллия. II. Поветрие. Исправ. изд. – Санкт-Петербург: Тип. М. В. Д., 1867. – 452 с.

ВПН – Некрасов В. П. По обе стороны океана; Записки зеваки; Саперлипопет, или Если б да кабы, да во рту росли грибы... – Москва: Худож. лит., 1991. – 400 с.

ЖСЛ – Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. – Назрань: Пилигрим, 2010. – 486 с.

Изб. – Изборник 1076 г. / Под ред. А. М. Молдована. Т. 1–2. Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. – 743 + 446 с.

КИЧ – Чуковский К. И. От двух до пяти. – Москва: КДУ, 2005. – 400 с.

ЛСП – Петрушевская Л. С. Настоящие сказки: [Сборник]. – Москва: Вагриус, 1997. – 398 с.

МАП – Палей М. А. Long distance, или Славянский акцент. Москва: Вагриус, 2000. – 412 с.

НВГ – Горланова Н. В. Записки из мешка // Горланова Н. В. Светлая проза: Рассказы. – Москва: ОГИ, 2005. – С. 265.

НКРЯ – Национальный корпус русского языка // <https://ruscorpora.ru/new/> (даты обращения 07–08.01.25).

НПО – Окунев Н. П. Дневник москвича, 1917—1924: в 2 кн. Т. 2: 1921–1924. Москва: Воениздат, 1997. 285 с. (Редкая книга).

Пч. – «Пчела»: Древнерусский перевод: [В 2 т.] Т. I / Отв. ред. А. М. Молдован. – Москва: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. – 888 с.

УСб. – Успенский сборник XII–XIII вв. / Изд. подгот. О. А. Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; под ред. С. И. Коткова. – Москва: Наука, 1971. – 770 с.

Приложения

Приложение 1

Русско-китайский словарь междометий

俄语-汉语感叹词词典

Русское междометие (俄罗斯感叹词)	Китайское междометие (中文感叹词)	Значение (意义)
--------------------------------	------------------------------------	------------------

Первичные междометия (原始感叹词)

а	啊	表示回忆、相见恨晚、猜测等。 Припоминание, узнавание при встрече, догадка и т. п.
ага	是的, 啊哈, 好吧, 是呀	表示幸灾乐祸、胜利、困惑等。 Согласие, злорадство, торжество, замешательство и т. п.
ай	哎哟, 啊, 啊呀	痛苦、惊恐、责备、嘲弄的表达 Боль, испуг, упрёк, насмешка.
ай-ай-ай	哎哟, 啊, 啊呀	惊讶·谴责 Удивление, порицание.
алло, алё	你好!	电话回复 Ответ по телефону.
ах	哎, 哎呀, 唉, 嘿, 哟	表示惊愕、突然惊讶、钦佩、遗憾、愤慨. Испуг,

		неожиданность, восхищение, сожаление, возмущение.
ах, ах	哎呀, 啊呀	表示惊吓、突然惊讶、钦佩、遗憾、愤慨等。Сильный испуг, внезапное удивление, восхищение, сожаление, возмущение и т. п.
ахти	咳, 不好了, 哟	表示惊讶、遗憾等. Удивление, сожаление.
ах ты	啊	表示赞叹 Восхищение.
ба	哎呀, 咦, 喔	表示惊讶、惊喜、猜测、见面时的喜悦。Удивление, догадка, радость при встрече.
гм	哼, 嗯	在遇到困难时, 表示犹豫不决, 不敢说或说不出话. Затруднение, нерешительность; сомнение, недоверие, ирония.
ну	啊, 得了吧, 是吗	表达不耐烦的诱导和号召。 Побуждение, призыв к действию.
ну, ну	啊, 得了吧, 是吗	表示急不可耐的冲动, 号召采取行动。Нетерпеливое побуждение, призыв к действию; ирония.

ну-ка	啊, 得了吧, 是吗	表示急不可耐的冲动, 号召采取行动。 Призыв к действию.
о	哦	加强语句的表现力。 Сопровождение обращения, удивление, неожиданность.
о, да; о, нет	哦, 是的; 不会吧	强化陈述或否定。 Усиливает утверждение или отрицание.
ого	嗨	表示惊讶、钦佩、赞许等 Удивление, восхищение, одобрение и т. п.
ой	哦, 啊	用于表达痛苦、恼怒 Боль, досада.
ой ли	真的吗? 是这样 吗?	表示怀疑、不信任 Сомнение, недоверие.
ой ты	哦, 啊	表示痛苦、惊恐、困惑、喜悦、怀疑等情绪 Боль, испуг, недоумение, радость.
Ой ты гой еси	啊呀	表达钦佩之情。 Восхищение.
ох	唉, 哎呀, 咳	表示遗憾、悲伤、痛苦和其他感情 Сожаление, печаль, боль и другие чувства.

ох, ох	唉, 哎呀, 咳	表示遗憾、悲伤、痛苦等感情 ° Большое сожаление, сильная печаль, боль.
ох ты, ох вы	唉, 哎呀, 咳	对某人的称呼, 表示责备、斥责、嘲笑 Упрёк, укоризна, насмешка.
тпру, тпру	吁	呐喊, 让马儿停下 ° Возглас, которым останавливают лошадей.
тфу, тфу	呸	表示对某人、某事的蔑视态度、恼怒、愤慨。Презрительное отношение к кому-, чему-либо, раздражение, негодование.
уй	哦呦, 哎呀	1. 表示惊愕的感觉 ° 2. 表示惊讶、钦佩、喜悦的感觉 ° 1. Испуг. 2. Удивление, восхищение, радость.
уф	哎, 啊, 哎呦	惊讶, 钦佩; 疲劳。Удивление, восхищение; усталость.
ух	嗨, 嘿, 咳, 哈	对事物的奇异、巨大、力量等表示惊讶、赞叹。Удивление, восхищение перед необычностью, величиной, силой и т. п. чего-либо.

ух ты	嗨，嘿，咳，哈	对不寻常的事物表示强烈的惊讶、钦佩 Сильное удивление, восхищение чем-л. необычным.
увы	嗟夫	怀疑，懊恼。Сомнение, огорчение.
фу	呸	表示责备、恼怒、蔑视、厌恶等。 Укоризна, досада, презрение, отвращение и т. п.
Ф-фу-у-у	呸·啊哈·哎	强烈的责备，烦恼，蔑视；疲劳。Сильная укоризна, досада, презрение; усталость..
ха-ха-ха	哈哈	笑声，欢乐。Смех, радость.
хм	哼，嗯	在遇到困难时，表示犹豫不决，不敢说或说不出话。 Затруднение, нерешительность; сомнение, недоверие, ирония.
эй	唉，嘿，喂	交流感叹词，用来称呼他人或周围的人。Обращения к другому человеку или окружающим людям.
эй, эй	唉，嘿，喂	增强吸引力 Усиленное обращение.
эй ты, эй вы	唉，嘿，喂	增强吸引力 Усиленное обращение.

эх	唉, 嘿, 嗨	表示遗憾、恼怒、责备、斥责 。 Сожаление, досада, упрёк, укоризна.
э-хе-хе		强烈的烦恼, 遗憾。Сильная досада, сожаление.
эх-ма		强烈的烦恼, 遗憾。Сильная досада, сожаление.

Вторичные междометия (非原始感叹词)

батюшки	我的天呐	喜悦, 惊喜 Восторг, удивление.
бог с ней, с ним, с ними	上帝与她同在	表示宽恕、和解、同意, 或者相反, 表示愤慨、惊 讶、责备 Прощение, примирение, согласие или возмущение, удивление, упрёк.
боже	天呐	表示高兴、惊讶、惊喜、 恼怒、不耐烦 Восторг, удивление, досада, нетерпение.
Боже мой	我的天呐	强烈的喜悦, 惊喜, 烦恼 , 急躁。Сильный

		восторг, удивление, досада, нетерпение.
ГОСПОДИ	天呐	高兴, 惊喜, 烦恼, 惊喜 Восторг, удивление, досада, неожиданность.
ДО СВИДАНИЯ	再见	告别问候。 Прощальное приветствие.
ей-богу	上帝啊	确认某事·保证某事 Подтверждение чего- либо, уверение в чём- либо: в самом деле, действительно.
ей-богу, господи	神呐·上帝啊	确认某事·保证某事 Усиленное подтверждение чего-либо, уверение в чём-либо.
здравствуй, здравствуйте	你好	在会议上打招呼。 Приветствие при встрече.
избави Бог	上帝保佑	表示对充满不良后果的事 情的临近或感到恐惧、害 怕。 Страх, боязнь при приближении, наступлении чего-либо чреватого

		нежелательными последствиями.
матушки мои	母亲	表示惊讶、惊吓、喜悦 Изумление, испуг, радость.
матушки светы	母亲	表示惊讶、惊吓、喜悦 Изумление, испуг, радость

о, боже; о боже мой	老天爷	表示高兴、惊讶、惊喜、 恼怒、不耐烦 Восторг, удивление, досада нетерпение.
о, мои небеса!	我的天呐	表达强烈的感情 (通常是 痛苦、折磨、焦虑、绝望)。 Сильное чувство, чаще боль, страдание, тревогу, отчаяние.
прости, Господи	上帝宽恕我	表示所表达的评估、判断 等的尖锐程度 Резкость высказанной оценки, суждения

Слава Богу!	荣耀归于上帝！	满足，快乐：走向幸福。 Удовлетворение, радость: к счастью.
Слава тебе, Господи!	谢谢您，上帝	对某事的高度满 Высокая степень удовлетворения чем-либо.
стоп	立定	停止行动、工作的命令； 停，停止！Команда для прекращения движения, работы: стой! остановись!
ужас	糟糕，惊吓	不满的东西，负面评价。 Неудовлетворение чем- либо, отрицательная оценка.
ура	万岁	表达喜悦、自信 Радость, уверенность.
чёрт побери	该死	表示惊讶、钦佩或愤慨、 忿怒的感叹词。 Удивление, возмущение, негодование.
чёрт возьми, к чёрту	见鬼去吧	希望摆脱讨厌的人，想摆 脱的人。Пожелание уйти прочь тому, кто надоел, от кого хотят избавиться.

Китайско-русский словарь междометий

汉语-俄语感叹词词典

Китайское междометие (中文感叹词)	Русское междометие (俄罗斯感叹词)	Значение (意义)
------------------------------------	-----------------------------------	------------------

Первичные междометия (原始感叹词)

啊 ā	ах, ах ты	表示赞叹. 表达叹息。 Выражает восхищение; вздох; испуг.
啊呀 ā yā	ай	惊喜; 不满。Выражает удивление; недовольство.
哎呀 āi yā, 哎唷 āi yō, 哎呦 āi yōu	ах	惊讶 Выражает удивление.
嗷 āo	угу	确认书 Выражает подтверждение.
额 è	ай	表示惊愕。 Выражает удивление.
呃 è	ай	表示惊愕。 Выражает удивление.
欸 ēi	ай	惊讶 Выражает удивление
诶 ēi	ай	惊讶

		Выражает удивление
恩 ēn	ага	表示答应。 Указывает на согласие.
嗯嗯 èn èn	ага-ага	表示答应。 Указывает на согласие.
嗯呐 ēn nà	ага-ага	表示答应。 Указывает на согласие.
嗯呢 ēn ne	ага-ага	表示答应。 Указывает на согласие.

Н

哈 hā	ха	表达喜悦 Выражает радость
哈哈 hā hā	ха-ха-ха	表达喜悦 Выражает радость
嗨 hāi	да	表达喜悦、自信 Выражает радость, уверенность.
嗨，咱们工人有力量 ！	Да, есть же силушка у нас, рабочих!	表达喜悦、自信 Выражает радость, уверенность.
嗨 hāi	эх (эге)	惊吓、惊喜的感叹。 Восклицание испуга, удивления.
嗨，下雪了！	Эх! Снег пошёл!	惊吓、惊喜的感叹。 Восклицание испуга, удивления.

嗨 hāi	о, ой	恼怒、惋惜的感叹。 Восклицание досады, сожаления.
嗨, 可惜, 可惜!	О, как жаль, как жаль!	恼怒、惋惜的感叹。 Восклицание досады, сожаления.
嗨 hē	ого	表示惊奇、惊讶。 Выражает изумление, удивление.
呵 hē	эге	表示惊讶、惊愕。 Выражает изумление, испуг.
何哉 hé zāi	каким образом	表示怀疑 Выражение сомнения.
嘿 hēi	эх, ах, ну	惊叹、遗憾、恼怒。 Возглас удивление, сожаления, досады.
嘿嘿 hēi hēi	хи-хи	表达喜悦 Выражает радость
哼 hēng	Ах ты	气愤 (不满) Выразить неудовольствие
滚!滚!哼 ，你这个不要脸的!	Пошел!.. Пошел!.. Ах ты нечистый дух!	气愤 (不满) Выражает неудовольствие

嗟夫 jiē fū	Увы	表示怀疑 Выражения сомнения.
-----------	-----	--------------------------------

К

咳 hāi	ах, ай, ой, эх	惊吓、惊讶、悲伤、 遗憾、恼怒、责备。 Выражение испуга, удивления, огорчения, сожаления, досады, укоризны.
-------	----------------	--

М

嘛 ma	Же	表示疑问。 Выражение сомнения.
------	----	---------------------------------

Н

呢 ne	Же	表示疑问。 Выражение сомнения.
喏 nuò	Да! Так точно!	确认某事, 保证某事 Для подтверждения чего-либо, уверения в чём-либо; в самом деле, действительно.

哦 ò	o	加强语句的表现力。 Усиливает экспрессивность высказывания.
噢 ǒ	ой	用于表达痛苦、恼怒 Выражение боли, досады
哦哟 ǒ yōu	ой ты	表示痛苦、惊恐、困 惑、喜悦、怀疑等情 绪 Выражает чувства боли, испуга, недоумения, радости, сомнения

呸 pēi	тьфу	令人厌烦的情感。 Используется, когда что-то надоело.
呸, 呸, 呸	фу-фу-фу	令人厌烦的情感。 Используется, когда что-то надоело.
噗 pū	тьфу	令人厌烦的情感。 Используется, когда что-то надоело.

哇 wā	ой	对不寻常的事物表示强烈的惊讶、钦佩。 Выражает сильное удивление, восхищение чем-л. необычным.
喂 wèi	эй	用来呼唤、召唤、称呼某人的声音。 Возглас, которым окликают, подзывают, обращаются к кому-л.
喔 wō	ого	表示惊讶、钦佩、赞许等。Выражает удивление, восхищение, одобрение и т. п.

嘻 xī	хи-хи	表达了喜悦和幸福的情感 Выражает эмоции радости и счастья.
噫 xū	уй	表达惊讶的情绪。 выразить эмоцию удивления.
吁 xū	тпрр	表达惊讶的情绪。

		Выражает эмоцию удивления.
--	--	----------------------------

呀 yā	эй	表达惊讶的情绪。 Выражает эмоцию удивления.
耶 yē	эй	表达了喜悦和幸福的情感 Выражает эмоции радости и счастья.
噫 yī	ой	表达惊讶的情绪。 выразить эмоцию удивления.
咦 yí	гм	表示怀疑、不信任、讽刺。Выражает сомнение, недоверие, иронию.
呦 yōu	ой	表示痛苦、惊恐、困惑、喜悦等感觉 Выражает чувство боли, испуга, недоумения, радости
呦呵 yōu hē	ой ты	表示痛苦、惊恐、困惑、喜悦、怀疑等情绪 Выражает чувства боли, испуга,

		недоумения, радости, сомнения
--	--	----------------------------------

哉 zāi	ой	表达惊讶的情绪。 Выражает эмоцию удивления.
啧 zé	УХ ТЫ	表达愤怒的情绪 Выражает эмоцию гнева
啧啧 zé zé	УХ ТЫ	表达愤怒的情绪 Выражает эмоцию гнева

非原始感叹词 (Вторичные междометия)

安能 ān néng	как, каким образом	显示智慧 показывает ум
妈呀	матушки (мои)	表示惊讶、惊吓、喜悦 Выражает изумление, испуг, радость

抱歉	извините	表达歉意。 Выражение извинений.
本来就是这样	ТО-ТО-ВОТ	表示所表达的评估、判断等的尖锐程度

		Указывает на резкость высказанной оценки, суждения
--	--	---

对, 对	Вот, вот!	确认某事, 保证某事 для подтверждения чего-либо, уверения в чём-либо; в самом деле, действительно.
对不起	извините	表达歉意。 Выражение извинений.

Н

好	хорошо	表示赞美。 Выражение восхищения.
何其	<i>как, насколько же</i>	表达悲伤和哀痛。 Выражение печали и грусти.
何哉	<i>почему</i>	表达怀疑的情绪。 Выразите эмоцию сомнения.
火	ОГОНЬ	表示威胁、许诺要制 造麻烦

		Выражает угрозу, обещание доставить неприятности
--	--	--

驾	но	呐喊, 让马向前走 возглас, пусть лошадь идет вперед.
见鬼	Подите к черту	希望摆脱讨厌的人, 想摆脱的人。 Пожелание уйти прочь тому, кто надоел, от кого ХОТЯТ избавиться.
见鬼去吧	чёрт возьми	希望摆脱讨厌的人, 想摆脱的人。 Пожелание уйти прочь тому, кто надоел, от кого ХОТЯТ избавиться.

可不是吗	Ещё бы!	加强语句的表现力。 Усиливает экспрессивность высказывания.
立定	стоп	停止行动、工作的命 令; 停, 停止!

		Команда для прекращения движения, работы; стой! остановись!
--	--	---

明天见	до завтра	告别问候。 Прощальное приветствие.
-----	-----------	----------------------------------

宁	<i>разве</i>	表达对命运的不满。 Выражение неудовлетворенности судьбой.
---	--------------	---

S

上帝	бог	表示高兴、惊讶、惊喜、恼怒、不耐烦 Выражает восторг, удивление, досаду, нетерпение
神啊	боже	表示高兴、惊讶、惊喜、恼怒、不耐烦 Выражает восторг, удивление, досаду, нетерпение
圣母啊	батюшка светы	表示高兴、惊奇、惊讶、愤慨

		Выражает восторг, удивление, негодование
是	Да	确认某事, 保证某事 Для подтверждения чего-либо, уверения в чём-либо; в самом деле, действительно.
是, 是	так, так	确认某事, 保证某事 Для подтверждения чего-либо, уверения в чём-либо; в самом деле, действительно.
是呀	ну да	确认某事, 保证某事 Для подтверждения чего-либо, уверения в чём-либо; в самом деле, действительно.

太糟糕了	ужас	表示对某事的不满意 Выражает неудовлетворение чем-либо
天啊	боже мой	表示高兴、惊讶、惊 喜、恼怒、不耐烦 Выражает восторг, удивление, досаду, нетерпение

天呐	боже	表示高兴、惊讶、惊喜、恼怒、不耐烦 Выражает восторг, удивление, досаду, нетерпение
----	------	--

万岁	ура	表达喜悦、自信 Выражает радость, уверенность
我的老天爷	боже мой	表达强烈的感情（通常是痛苦、折磨、焦虑、绝望）。 Выражает какое-л. сильное чувство (чаще боль, страдание, тревогу, отчаяние).
我的妈呀	матушки светы	表示惊讶、惊吓、喜悦 Выражает изумление, испуг, радость
我的天呐	О, мои небеса!	表达强烈的感情（通常是痛苦、折磨、焦虑、绝望）。 Выражает какое-л. сильное чувство

		(чаще боль, страдание, тревогу, отчаяние).
--	--	--

谢谢	спасибо	表示感谢 Выражать благодарность
----	---------	-----------------------------------

也	тоже	表达判断或陈述。 выражает суждение или утверждение.
一何	<i>как, насколько же</i>	用来增强情感色彩, 传达悲愤的气氛。 Используется для усиления эмоциональной окраски и передачи атмосферы печали и негодования.

再见	До свидания	告别问候。 Прощальное приветствие.
真不得了	подумать	1. 表示惊愕的感觉。 2. 表示惊讶、钦佩、 喜悦的感觉。

		1. Выражает чувство испуга. 2. Выражает чувство удивления, восхищения, радости.
真了不起	вот это да	1. 表示惊愕的感觉。 2. 表示惊讶、钦佩、喜悦的感觉。 1. Выражает чувство испуга. 2. Выражает чувство удивления, восхищения, радости.
真是	ух ты	对不寻常的事物表示强烈的惊讶、钦佩。 Выражает сильное удивление, восхищение чем-л. необычным.